

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 6 2018

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 6 2018

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdulzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Marianna A. Balasarian, Georgia, Doctor of Philology
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science
Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8
– Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PŠČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage:

ppublishing.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL The journal has Index Copernicus Value (ICV) 64.80 for 2016.

GIF® GLOBAL IMPACT FACTOR The journal has the GIF impact factor .211 for 2017.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archeology

*Khodjalepesov Islambek Mukhitdinovich,
Researcher,
Mambetullaev Mirzamurat,
doctor of historical sciences, professor,
Karakalpak Research
Institute of Humanities Karakalpak branch
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
E-mail: svetmamb@mail.ru*

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF EARLY MEDIEVAL MONUMENTS OF THE PRAARALIAN MICRO REGION

Abstract: Article is devoted to results of research of early medieval monuments of the Priaralsky residential district. The analysis of archaeological monuments and their occupation layers relating to Kerdersky culture at an early stage of its development is carried out.

Keywords: Karakalpakstan, delta of Amu Darya, monuments, archeology, Kerdersky culture, early Middle Ages, ancient settlements Gyaurkala, Tokkala, Kuyukkala and Bagdat.

*Ходжалепесов Исламбек Мухитдинович,
научный сотрудник
Мамбетуллаев Мирзамурат,
доктор исторических наук, профессор,
Каракалпакский научно-исследовательский
институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения
Академии наук Республики Узбекистан
E-mail: svetmamb@mail.ru*

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРИАРАЛЬСКОГО МИКРОРАЙОНА

Аннотация: В данной статье рассмотрены вопросы формирования раннесредневековых памятников Приаральского микрорайона. Проведен анализ археологических памятников и их культурных слоев, относящихся к Кердерской культуре на раннем этапе ее развития.

Ключевые слова: Каракалпакстан, дельта Амударьи, памятники, археология, Кердерская культура, раннесредневековье, городища Гяуркала, Токкала, Куюккала и Багдат.

В VI–VIII вв. территория Приаральской дельты Амударьи перемещается по направлению к Аральскому морю. Протоки Амударьинской дельты пройдя по понижениям и обогнув севернее возвышенности Кушханатау и Порлытау, впадали в Аральское море. На старом русле Амударьи был сооружен канал Кердер (Курдар), воспроизводивший Амударьинскую дельту VI–VIII вв. Он орошал окрестности поселений Гяуркала (Ходжейлинская), Ток кала, Куюккала и Багдат.

В эпоху раннего средневековья в Приаральской дельте формируется новая археологическая культура, которая была названа именем области Кердер, неоднократно упоминаемого в арабоязычной географической литературе.

Понятие «Кердерская культура» было введено в научный оборот С. П. Толстовым, который вслед за П. Лерхом [1, с. 30] и Н. Веселовским [2, с. 131] локализовал владение Кердера в восточной части нижней Приаральской дельты Амударьи. Он выявил специфичность этой культуры и ее отличия от синхронной археологической афригидской культуры Южного Хорезма.

Владение Кердер сформировалось в эпоху раннесредневековья в Приаральской дельте в результате передвижения части населения из низовьев Сырдарьи и некоторое историческое время сохранило свою политическую независимость. Полагают, что эти передвижения осуществлялись под давлением перемещавшихся в конце VI – начале VIII вв. в пределах джетысарского ареала новых этнических группировок из среднесырдарьинских районов в основном подвергшихся тюркизации оттарско-каратауского населения, а также тюркских племен Семиречья и Каратау [3, с. 128–129].

В определенной степени указанные этнические передвижения происходили и под воздействием факторов экологического порядка. Первую характеристику раннесредневековой культуры дали С. П. Толстов, Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапорт после проведения археологических работ

в 1956 г. на городище Куюккала [4, с. 140–142], когда была высказана мысль о принадлежности данной культуры населению владения Кердер, упоминаемой авторами X в. при перечислении хорезмских городов [5, с. 431].

Обратимся теперь к рассмотрению анализа археологических памятников и их культурных слоев, относящихся к Кердерской культуре на раннем этапе ее развития. У самой вершины дельты расположено городище Гяуркала (Ходжейлинская). Городище многослойно, мощность его культурных напластований достигает 10 метров. Вся эта мощная свита слоев охватывает значительный промежуток времени от IV в. до н.э. – до начала XVIII в.н.э. На восточной части городища Гяуркала находится огромный древний некрополь, нижний слой которого восходит к II в. до н.э. – IV в.н.э. Культурный слой VII–VIII вв.н.э., был вскрыт в стратиграфической колонке памятника [6, с. 193; 194]. В слое этого времени обнаружены остатки построек, возведенных из кирпича сырца (34–36 × 35–36 × 8–9 см) характерные для раннесредневекового Хорезма.

Керамика из этих слоев представлена фрагментами ремесленных кувшинов афригидского типа и обломки лепной Кердерской керамики. Таким образом, обнаруженные керамические материалы VII–VIII вв.н.э. позволяет отнести их к культурам Кердера. Оссуарный могильник находится восточнее от Гяуркалы. Погребения в оссуариях и сосудах датируются также VII–VIII вв.н.э. Все оссуарии подпрямоугольные в плане с более или менее выпуклыми боковыми стенками. В оссуариях обычно находились длинные кости конечностей и черепа. Крышки отдельных оссуариев были увенчаны ручками разных форм блоковидными фигурками птицы, или протомами баранов. Все они представляют собой сильно стилизованные изображения. На основании сравнительных данных оссуарии датированы VI–VIII вв.н.э.

Комплекс Токкала. К раннесредневековому периоду Токкалы относится поселение, восточ-

ный двор и оссуарный могильник. Восточный двор в плане прямоуголен, площадью 1,2 га. Построен к восточной стенке античной крепости. Стены пахсовые, толщиной 2–3 м. Ворота двора шириной 5,6 м находятся в юго-восточном углу. К северо-восточной стене восточного двора на всю длину примыкало здание, состоящее из изолированных жилых секций. Характерная и весьма интересная особенность здания заключается в том, что почти все оно состоит из совершенно одинаковых, но изолированных друг от друга глухими стенами отдельных жилых комплексов.

Стандартная секция состояла из двух помещений. Одно из них жилое, обязательным элементом интерьера которого является П-образная сура [7, с. 45, 46]. Для хозяйственного помещения обычны различного рода ямы и закрома. На территории восточного двора, помимо жилых, находились и производственные комплексы. Обнаружены остатки горна для обжига керамики, а также следы меднолитейного производства [7, 42, 43].

Оссуарный могильник находится на северо-восточном и восточном склонах холма Токтау. Могильник состоит из наусов с установленными в них керамическими, алебастровыми и каменными оссуариями, содержащими вторичные погребения предварительно очищенных костей, а также отдельных вторичных погребений в бытовых сосудах. На алебастровых оссуариях имеются цветные росписи, выполненные черной краской. Они состоят из двух изображений: одно – полумесяц концами вверх, другое – простой кружок с точкой в середине – вероятно, солнце. На оссуариях изображены сцены оплакивания умершего. На многих оссуариях сохранились надписи – эпитафии написанные алфавитом, являющимся развитием древне-хорезмийского алфавита документов II–III вв. из Топраккалы.

В документах из дворца Топраккалы, даты хорезмийской эры читались 188–231 гг., а в надписях серебряных чаш даты читались в пределах 500–714 гг., в текстах на оссуариях из Токкалы даты

Хорезмийской эры определены от 658–738 гг. [8, с. 9]. Таким образом, по датам содержащимся в текстах на оссуариях, можно предположить, что Токкалинский некрополь использовался в период последней четверти VII в. до 775 г.

На поселении было обнаружено большое количество монет. Монеты Согдийских царей Урка Вартамука (последняя четверть VII в.) и Тархуна 700–710 гг., а также Хорезмийские – с именами правителей Хусрава и Азкацвара, относящиеся к первой половине VIII в., Савашфона (около середины VIII в.). Совокупность всех этих данных позволяет датировать поселение и оссуарный могильник последней четвертью VIII в. – 750–775 гг.

Поселение Куюккала находится в Чимбайском районе Республики Каракалпакстан. Оно построено на невысокой возвышенности, окруженной со всех сторон низменностью древней поймы Амударьи. В 3 км от городища на возвышенности Кушханатау находится большой оссуарный могильник, одновременный городищу.

Куюккала представляет собой большое раннесредневековое городище, площадью 42 га. В топографическом отношении Куюккала разделена на восточную цитадель, западную цитадель, северный двор, южный двор и городской могильник.

Восточная цитадель в плане неправильно трапезиевидной формы. Общая площадь составляет 2,3 га. Развалины ее стен сохранились на высоту 1,5–2,0 м, стены сырцовые с внутренними коридорами шириной 1,8–2,0 м. На всех четырех углах цитадели сохранились башни.

Южный двор в плане имеет форму неправильной трапеции. Находится на плоской вершине холма. Общая площадь двора составляет около 22 га. Стены, некогда окружавшие двор, к настоящему времени оказались почти полностью смыты.

По данным наземного осмотра поверхности вся площадь двора была занята разными постройками. Раскопками вскрыты остатки круглого в плане сооружения, диаметр которого равен 6,2 м. Стены постройки толщиной 2,1 м сохранились на высоту

одного ряда кирпичей, которые интерпретируются как площадки для установки юрты [4, с. 132].

Западная цитадель. Прямоугольная в плане, площадь около 2 га. В планировочном отношении связана с северным двором Стены цитадели разрушились почти полностью. По периметру цитадель была окружена рвом.

Северный двор. Находится на северном склоне холма, общая площадь двора 6 га. С севера и востока двор охвачен дугообразной стеной, очертания которой в определенной степени были обусловлены рельефом местности. Стены смыты почти полностью.

Неукрепленное поселение. Расположено на южном склоне холма и граница его определяется распространением культурного слоя. Общая площадь около 12 га. На поверхности поселения встречаются фрагменты керамики и других культурных остатков. Большинство находок составляют обломки лепных сосудов Кердерского типа. Помимо керамики найдены фрагменты обломки жерновов из серого крупнозернистого песчаника, фрагменты железной крышки, медных монет.

Городской некрополь. Оссуарный могильник был известен раньше: он находится на возвышенности Кушхана-тау, расположенной в 3–5 км к западу от памятника. В 2000–2002 гг. был открыт новый городской некрополь, расположенный на северо-западном и западном холмах.

Площадь могильника составляет 6,5–7 га. Вскрыты около 400 погребений. Все погребения некрополя разделяются на две группы: а) погребения трупоположений; б) вторичные погребения

предварительно очищенных костей. Скелеты во всех грунтовых ямах лежали на спине, вытянутом положении, головой на север или северо-запад. В погребениях обнаружены сосуды, бусы, зеркало, пряслицы, пряжки, железные ножи и др.

Городской некрополь функционировал в пределах VI – VIII вв. Нахождение грунтовых ямных (тюркских) и зороастрийских (хорезмийских) захоронений на одном некрополе позволяет предполагать их хронологическую и этническую близость. Судя по материалу, часть населения Приаральской дельты на этой территории из низовьев Сырдарьи, перешла к оседлому образу жизни с VI в., и благодаря культурному влиянию хорезмийцев, приняли зороастризм. Часть населения, которые не приняли зороастризм, по-прежнему продолжало хоронить своих покойников в погребальных ямах, придерживаясь своих древних народных традиций. Хоронившие в ямах стремились обеспечить умерших всеми необходимыми вещами и пищей для продолжения потусторонней жизни.

Погребения с трупоположениями в ямах не находят аналогии в Хорезме, но они близки к курганным погребениям Джетыясарской культуры населения низовьев Сырдарьи, с которыми генетически связано население раннесредневекового Кердера. В конце VII–VIII вв. часть населения Кердера, принявшая зороастризм хоронила своих покойников по зороастрийскому обряду в оссуариях (сосудах). Оссуарные могильники, относящиеся к VII–VIII вв. встречаются в Миздахкале, Токкале, Кушхане и Крантау.

Список литературы:

1. Lerch P. Khiva oder Kharesm. СПб, 1873.
2. Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском Ханстве, – СПб., 1873.
3. Археология Приаралья. – Вып. 7. – Т., 2008.
4. Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. Куюккала в 1956 г. Материалы Хорезмской экспедиции. – Вып. 1. – М., 1959.
5. Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.-Л. 1939. – Т. 1.

6. Ягодин В. Н. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана. История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968.
7. Гудкова А. В. Токкала. – Ташкент, 1964.
8. Гудкова А. В., Лившиц В. А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Токкалы и проблемы «Хорезмийской эры». Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1965. – № 1.

Section 2. Demography

Haryanto Aris Tri,

Kismartini,

Sri Suwitri,

Dwimawanti Ida Hayu,

Public administration doctoral program

Faculty of social and political sciences

Diponegoro university, semarang, Indonesia

E-mail: prodidap@gmail.com

THE IMPACT OF THE POLICY OF RELOCATION RESIDENTS AT RIVERBANKS BENGAWASAN SOLO IN SURAKARTA CITY

Abstract: When Solo City faced a great flood in 2007 recorded there are thousands of souls occupy 1571 home that is on the riverbanks of Bengawan Solo River heavily damaged. The relocation was done to save citizens from the danger of flooding riverbanks. The relocation started since the beginning in 2009. Some of the problem arises when relocation began to be implemented in the first year, as yet the completion of infrastructure at the new settlement. This research aims to assess the impact of the relocation on the tackle in 2009. We analyzed by conducting interviews with informants in as new settlements in several settlements located in Mojosoongo Regency which further analyzed with the interactive analysis. This study shows that relocation in the short term will give rise to impact less good for the citizens of the relocation, but in the long run it turns positively impact relocation.

Keywords: Relocation, Riverbanks, Flood, Bengawan Solo, Mojosoongo Regency.

I. Introduction

There are 589 Regencies and Cities in Indonesia that they are prone to catastrophic flooding and landslides are threatening the 184 million inhabitants comprising 315 Counties and Cities with 61 million people in danger of flooding as well as County and City 274 with 124 million inhabitants are in the of landslides danger area, "(Lamppost. co [27]). With a population of tens of millions of souls who threatened flooding each year certainly requires serious attention from the Government to resolve this issue. From a variety of disasters that plagued Indonesia Republic Country up to

February 2015 seem to the Genesis flood still occupies the highest numbers i.e. 169 events compared to other disaster events such as: land of fire and forests, tidal waves, earthquakes or wind Storm wind. And from the flood disaster has brought the greatest casualties ranging from loss of life, homes submerged, homes damaged, up to the citizens evacuate or suffer the consequences of the disaster (see Table 1).

Meanwhile the Chief of Information and public relations of the National Disaster Management Agency (BNPB) Sutopo Purwo Nugroho said Central Java in particular several areas that should get special

attention to flood the nearby streams around the area of Semarang City, Pati District, Kendal District, Demak District, Kudus District and County of some

areas around Bengawan Solo River i.e. Surakarta, Karanganyar Regency, Bojonegoro Regency and Blora Regency. (lamp post. co [27]).

Table 1. – The Amount of Disaster, Victim, and It's Impact from January to February 2015

Disaster Classifications	Victims							
	The Number of Occurrence	Deceased/Missing	Wounds	Suffering/Refuges	House Heavily Damaged	House Middle Damaged	House Damaged	Drawn
Floods	169	12	1	395.151	109	23	758	75.894
Floods and Lanslides	7	2	0	2.793	12	23	15	1.039
High Tide Wave/Low Tide Wave	3	1	0	0	2	5	0	0
Eartquakes	1	0	0	144	0	0	19	0
Land and Forest Fire	1	0	0	0	0	0	0	0
Transportation Accidents	2	6	0	0	0	0	0	0
Stormwinds	154	9	29	1.056	330	536	2.396	0
Landslides	162	22	27	22.912	190	127	375	182
Total	499	52	57	422.056	643	714	3.563	77.115

Source: The National Disaster Management Agency abbreviated as (BNPB, 2015)

According to Local Regulations (Perda) of Central Java Province no. 11 in 2004 about the line of the boundary River riverbanks region mentioned that is a dangerous area which is not reserved for the settlement. When Solo City faced a great flood in 2007 recorded there are 1571 home that is on the Riverbanks were severely damaged (the book of records at the Office of the people's Welfare Department women's empowerment & family planning (DKRPP & KB) of Surakarta City [12].

To protect citizens from the danger of flooding riverbanks which at times come and restore the riverbanks region as non residential areas, and the main buffer area racer, the river water to the settlements, as well as making it to the River region as a free settlement area then the Government of Surakarta City take a policy to relocate or move the citizens resident on the bengawan Solo River to place a more comfort-

able and safe from flood disturbances in particular. As it was said Aminatun S., et al [14] that the policy of relocating the settlements is indispensable for the population residing in the areas prone to landslides or floods can be one of the supporters in the socio-economic recovery of communities.

Relocation policy is one of the policies taken to Surakarta Government rescue residents from flood riverbanks and restore riverbanks region as watersheds. World Bank and International Finance Corporation (see Crist De Wet [17]) provided assumptions about relocation (*resettlement*) as:

Resettlement is to be avoided; where this is not possible, it is to be minimized. Where resettlement is seen as unavoidable, it must involve genuine participation and consultation; with indigenous peoples, this is to involve informed, prior consent. Resettlement is to be consciously planned as an upfront development

exercise that will leave the resettled people better off than before.

In the implementation of policies not denied relocation also got the obstacles and rejection of most residents affected by the policy. These are include: the refusal of residents who lived on the riverbanks that holds a certificate of land as his right. Besides that there is also a sense of concern from some residents in particular who have business in the old location if its future after dismal or relocated will be much worse than the condition before it relocated. One of the coordinators of the Citizens Want Peace (WIS), Nusa Aksara Daryono said, based on its own data, there are 48 Family in Semanggi and Sangkrah that are relocated still a question, there is a different treatment in the awarding of punitive riverbanks citizens loss due to no proof of identity, although the concerned citizens claim to have lived in the area since tens of years ago. (PARLIAMENT-Surakartakota.go.id, July 12, 2013). Various meetings for that level of RT, RW, nor the level of village government attempted to convince Surakarta City and socialize to the citizens that the policy of relocation will not be miserable citizens even guaranteed the psychological condition, taste secure, as well as the socio-economic conditions will going to be better.

As a follow-up of the plan of relocating then the Government of Surakarta City finally issued a Policy through the Mayor's Decree Number 362.05/15/1/2009 on the establishment of the team and the Chairman of the Working Group Handling Flood is one of the only mention that the task of the team is drafting guidance and site plan of the relo-

cation (d). Relocation became very important and necessary in order for the Government of Surakarta City post relocation can do conservation in Solo River area, so that if the heavy rain, the water can flow even most water can be absorbed into the ground. All costs of handling disasters including the relocation charged to income and expenditure regional budget of Surakarta City. Relocation or *resettlement* are one alternative for providing opportunities to people living in slums, the status of the soil is not legal (illegal) or living in disaster-prone environment to return and resume life in a new (Ridlo [9]).

The relocation of the House resident riverbanks has done by the Government of Surakarta City during the period 2009 up to 2014 amounted to 1.526 home with 6 locations in the village area of Bengawan Solo River. The first relocation of the Government of Surakarta City is moving 300 houses residents of Pucang Sawit, located right in the suburban areas on the Bengawan Solo River, then followed Sewu village residents totaled 363 houses, citizen Sangkrah Sub-Districts is a number of 249 houses, Semanggi Village is 339 houses, Joyosuran Village is 57 houses and at the end of 2014 is Jebres Village is 218 houses. As regards the large number of residents in the village and another village inhabited the Riverbanks, then the City Government plans to relocate the remains of Surakarta citizens neighborhood gradually to a safer place up riverbanks region of Bengawasan solo area in Surakarta City is free of buildings. To see more clearly the image of the House which has been relocated by Government of Surakarta City from 2009 to 2014, see (table 2) below.

Table 2. – The Residents that are Relocation from the Riverbanks Area of Bengawan Solo River in Surakarta City

No	Years	Sub-Districts	Residents Relocated	Percentages
1.	2009	Pucang Sawit	300	100%
2.	2010	Sewu	363	100%
3.	2011	Sangkrah	249(15)	94%
4.	2012	Semanggi	339(35)	90%
5.	2013	Joyosuran	57(10)	82.5%
6.	2014	Jebres	218(17)	92.3%
		Jumlah	1526(87)	94.3%

Source: Community Empowerment Agency Abbreviated as Bapermas, Surakarta City in 2015

The refusal of some residents to be relocated for reasons of economic level will indeed decrease and indeed makes sense. The results of the research conducted by Zaini Musthofa (2011, digilib.uns.ac.id) indicated that the economic aspects of the relocation cause bad impact towards the economic condition of the community and did not manage to improve the economic conditions of the community.

Various studies about the relocation of the residents has been performed, among others, in 2007 by Amy Pramdany to mention that with relocation of riverbanks Coral of Mumus Samarinda, then ownership of the assets of the household, health, and conditions housing has increased significantly. Meanwhile, studies Elizabeth Repelita [18] mentioned that Mount Merapi National Park designation as an area of relocation benefits only those who live in the area of the quarry sand and natural attractions, but gives the uncertainty in those who living in a wreck livelihoods as farmers and shepherd.

Similarly, various other studies such as that done Suryo Adi Prarnomo [21] which mentioned that the concept of “*Living In Harmony*” in the policy of relocating into a shared solution that is Government doing policy implementation by letting citizens still lives in the Disaster-prone (KRB III). Joanne Van Selme [22] mentioned that there are different roles between private actors and governmental actors in handling the relocation of refugees. Navjot k. Lamba and Harvey Krahn [23] mentioned that the formation of social networks both formal and informal supports and help refugees when faced with financial problems, employment problems, personal problems, or healthy problems. Hulewat, Phyllis [24] stated that the need to identify clearly the psychological and cultural issues in handling relocation (resettlement). Cernea M. [6] analyzed about the establishment of the Park in the region of origin of the relocation has been damaging the conservation of biodiversity and impoverishing local communities. Sawtell John; Dickson-Swift, Virginia; Verrinder, Glenda [25] explored the experiences, perceptions and motivations for new volunteers the

autonomous appears in modern society, in particular, those working to assist in the settlement of refugees in rural Australia. Agba, A. M. Ogaboh, Akpanudoedehe, J. J. and Ushie E. M. [13] said that the relocation of communities in Bakassi Nigeria affected by the work, culture, and patterns of accommodation from the local community. Hafasah Abdul Karim and Amalia Haslyssa Hashim [19] said that the relocation of the community’s Findings in Malaysia brought about a change in the social aspects of culture, economy and in their lives.

II. Literature review

A. Relocation policy

Community engagement in public policy processes and development experienced ups and downs and accumulation in line with the development of programs activities of development and the development of people’s lives. The construction is generally aiming for minimal welfare to meet the needs of most staple food namely, clothing and house. But actually the objective of any development programs or the process of public policy a greater or more important is how to let the people have the ability to be able to develop itself in accordance with its wishes or with plain language public policy is the policy that empowers people (Nugroho [4]).

Related to the above opinion in order for citizens Ribersbank of Bengawan Solo River spared from the flood, possessions and soul more protected and its life could be better than a policy of relocating residents from the riverbanks to a safer area and comfortable is expected to accommodate the entire interests of the stakeholders especially the citizens who will be relocated or citizens of the target group. Nugroho [4] stated that the ideal of public policy is a public policy that builds competitive advantage from every people’s personal of Indonesia community both of men and women without discriminating of each Indonesia family, any organization either society as well as Governments that profit or nonprofit.

Relocation or *resettlement* are the process of moving people from a location that is not in

accordance with the aiming to a new location that is prepared in accordance with the development plan of the city (Ridlo, Mohamad Agung [9]). The relocation will not be done if the settlement is in compliance with its aiming and residents who inhabit them not to enter a dangerous zone. The relocation is carried out must have a goal to the good, to obey the existing rules, in order to save society from the doubt as well as fear and improve the livelihood of its people as well as minimize the risk of harm emerge from the settlement which is not supposed to be (wild settlement).

The International Finance Corporation (IFC) suggested that the relocation types include several things, including as follows:

1. Relocation of the countryside, the rural population displacement due to the project (the acquisition of agricultural land, forestry farm and so on) that impacts the disruption of their livelihood.

2. Urban relocation, displacement of the population in urban areas which usually have a goal of producing physical conditions and economic changes that have an impact on the conditions of housing, a job or a place to work.

3. Linear relocation, this relocation is performed when there are projects which have a linear pattern against the acquisition of land (projects of highways, railways, canals, and electrical lines). In the rural area sparsely populated, linear projects such as electricity transmission lines may have a minimal impact on the owner of the land, while in urban areas the relocation of such linear road widening impact is huge for the landowner.

4. A specific location on the site relocation, this relocation is carried out in special places which are associated with non-linear projects such as factories, ports, connection highways, Hotels, commercial places, plans etc.

Relocation process requires some consideration of relocation, which aims for the good and well-being it also gives rise to a loss. ADB (1998:1) recorded some losses in the relocation program include as follows:

1. The loss of productive assets, such as land, income and livelihood;

2. Lost housing, structure, systems and community service;

3. Loss of resources, habitats, and cultural goods in the community.

The relocation is very complex processes that not only move the people, but also move all the structural aspects, social aspects, economic aspects, political aspects and aspects of livelihoods (Aysan [2]; Cernea [6]). There are two types of relocation caused by the disaster, namely: 1) the existence of a construction in areas affected by disasters and; 2) allotment of home – a new home outside the affected area (Shaw [5]). It appears that the first alternative is not difficult implemented, all of the community remain intact and living to reconstruct damaged buildings without having to do the adaptation to the environment. Otherwise the second alternative is done to avoid the threat of disaster in the future by moving into areas that are considered more secure (Cernea [6]).

The relocation also has several dimensions. As for the dimensions relocation process includes several stages, namely the physical dimension, the dimension of the legal, economic, social dimension, the dimension of psychology, cultural dimensions, the dimension of the environment, the political dimension of the Administration and the territorial dimension. For more details of the dimensions of resettlement are described in (table 3) below:

According to Shi (2008) there are 6 (six) factors that influence the occurrence of relocation, including: politics, religion, economic benefits, environmental, engineering construction, wars and natural disasters. Study by Okada T., a, n, Katharine Haynes, etc: [20]) said that the importance of cooperation between all the sectors involved (community has; Government; and the land user planners and emergency management practitioners beside that also highlight community participation for the assessment in the relocation (placement) and the process

of resettlement. Hafazah Abdul Karim & Hashim Amalina Haslyssa: [19] said that there are changes in socio-cultural and economic aspects of the changes in their lives after the relocation.

Table 3.– Resettlement Dimension Process

Dimensions	Attributes
Physicals	Each unit is able to land demarcated along term, appointed by law in each country (for example, property, plot, lot). Have set boundaries and dimensions so that the measured surface area or an area with certain perimeter can be established. Perhaps urban or rural Building structures, whether residential or for the pursuit of economic activity (industry, business, services, agriculture, animal husbandry, mining, forestry, or activity, among others) The infrastructure of public services (e.g. water, electricity, transportation, sanitation) Infrastructure for social services (e.g., education and health) and community will being utilizing (for example, recreation, sports, religious or social activities)
Legal	Land rights were held by people who live or work on it, and the right to a structure built on top of it, reflected the different forms of ownership, the law also defined in each country (e.g., the owner, holder, tenant, occupant wild, breakers, etc.)
Economy	The value of the land and structures that are built on it Productive activities and income level Revenue from total or partial rent property
Socials	Population, family and social organization, economic, and social characteristics of social support and mutual assistance networks. Skills to interact with the environment and the viability of the strategy of developing the implementation of the education and health services.
Psychology	Emotional attachment with housing, neighbors, community, and surrounding areas
Cultures	The practices and habits of the individual and the community, which has a tangible manifestations (e.g., type of housing, use of space) and something is intangible (e.g., beliefs, preferences, tastes, etc.)
Environments	The demand for and use of the resources of the natural environment (water, electricity) and garbage and waste disposal, housing and infrastructure management
Political and Administrative	Organization of each country for the territorial management (e.g., departments, provinces, municipalities, Cantons, communes, towns, neighbourhood, etc.)
Territorial	Land use and regional planning, which determines, among other things, a suitable location for human settlement, either because of their natural characteristics or use economic and social set by the competent authority

Source: Okada Y., et al. / *International Journal of Disaster Risk Reduction* 8 (2014) 20–31

III. Result and discussion

A. Policy evaluation models

1. Social impact analysis model (ADS)

To evaluate policy at an early stage need to be done do predictions about the impact of the output policy as well as by Wibowo et al 1994 called the Social impact analysis (ADS). In ADS an analyst at least working on three things (Wibowo et al., [10]),

namely: (1) vertically to map the types of impact that may occur, (2) horizontal see or predict the trend of the reaction given by subjects affected, and (3) formulate comprehensive adjustment policies that have to be done by the policy maker.

Khandker, Koolwal, and Samad [11] in order to monitor and evaluate the impact of policy have to go through the following stages:

- a. Appropriations;
- b. Inputs;
- c. Outputs;
- d. Outcomes, and;
- e. Impact itself.

Pietrzak [8, 13–15] suggested that the evaluation of differentiated into 3 (three), namely (1) the evaluation of the input, (2) evaluation process and the evaluation of results (outcomes). The evaluation of entries focused on some parts and input program that may affect or improve the performance of the program, so that the expected results will be better. The evaluation process is a measure of how deep and doing the assessment against the program components as well as the draft back to a program. Evaluation of the results of the evaluation is emphasized overall on goal and objectives of a program.

Next Pietrzak [8] also suggested that the results of the evaluation can be distinguished into three levels, namely: (1) *immediate outcomes*, (2) *intermediate outcomes and long term outcomes*. Immediate outcomes is i.e. the results of the changes are occurring in society comes out soon after the program was implemented. Intermediate outcomes i.e. changes obtained community after carrying out an actual program. Long Term outcomes, is i.e., the changes that occur in the life of the community in this respect an increase in overall part or function as a result of the program performance.

Opinions were delivered Finsterbusch and Motz (1980: 92–93) that mentioned the policy impact of various sizes can be seen as the impact of the tree category as depicted in (Figure 1) below:

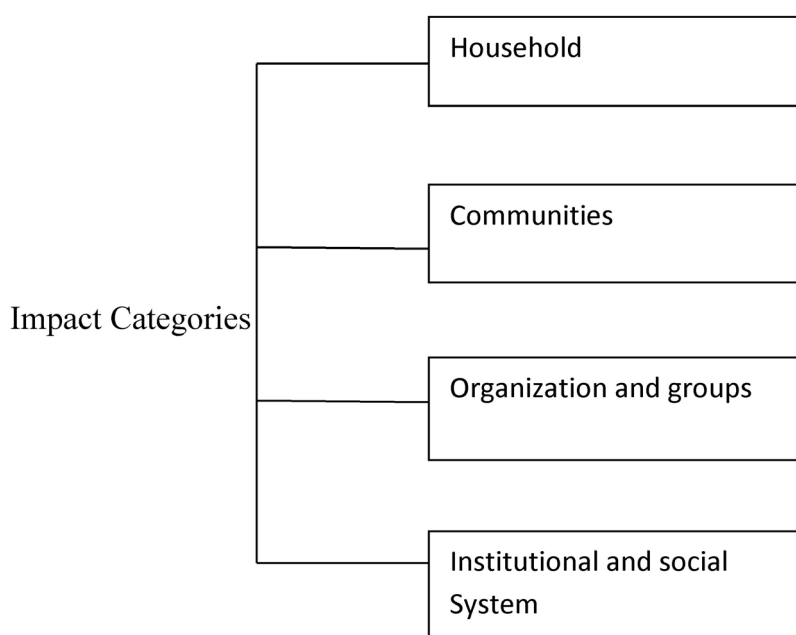

Figure 1. Impact categories tree

Source: Finsterbusch and Motz [3]

Bases on four categories above it seems that this study will look at the impact of the policy that occurs in the neighborhood communities affected by policies that are scattered in an area of various village such as Mojosongo Surakarta City. As for the impact of policies on the environment the community is spread across several villages can be seen from 4

sizes consisting of: political impact, economic impact, social impact, cultural impact and environmental impact (Wibowo [10, 45]).

B. Economy Impact of Relocation Policy

Program relocation of citizens of Bengawan Solo Riverbank, Surakarta City formally and jointly implemented on January 29, in 2010 heading in some

settlements in Mojosongo District. When for the first time moved to the new location that date, like disaster and doomsday is coming. On one side of the old leave home should already be on the edge of the River, on the one hand the conditions in the new location or relocation in Mojosongo District yet everything is ready for the inhabited or occupied. The condition of housing in locations not all relocation home getting electricity facility, a flow of drinking water also do not yet exist, the road remained squishy clay and, if the night the atmosphere is very quiet and haunting, drinking water has to be bought. Not to mention the problem of distance home to work much, the kids went school distance is too far. Already far away access to public transportation also did not easy and should be waiting for long time (30 minutes once there using public transportation). There are even some residents who have savings was forced to leave the relocation site for a simple House rented that is located in the city center in order to facilitate transportation to go to work or make it easy to transport go to school for children while waiting for their children finish the new school period.

The economic conditions for the citizens of mediocre even belongs to the poor, then lived with the condition of relocation site of the dark House without any flow of electricity with the road which is still dirt and slippery and without any flow of clean water is considered still more from either on live in riverbanks that conditions of their home is considered more ugly, not permanent, narrow and less healthy and harmful for the salvation of the soul. They inevitably have to live with the condition of relocation on site what it is. They've not had a home other than the result of relocation. Fortunately, many neighbors in the Township which is more used to live near the location of the relocation which voluntarily, sincere and good faith offers a flow of electricity that is in their house for the transmitted to the home relocation. Likewise a matter of clean water, resident relocation is also getting a bit of help clean water from neighbors who are more used to live in the area to

help in fulfilling their necessities of clean water for drinking water or for cooking.

Conditions of concern occur in Kampong Ngemplak Sutan, the location of the settlement land is being under way, is certainly going to complicate the disposal of rain water when the rainy season arrives. There are even people who call it makes no difference living on the Riverbanks with settlements at the site relocation. Puddles of rain when the rainy season a long time ago lost or receding because of the disposal of rain water constrained waterways which have not yet awakened programmatically and good. Lucky puddle rain is not to sign in into the House. The first attempt to do the citizens of the neighborhood is along the City Government only as siphon rain puddles with pumps belonging to the City Government as soon as possible in order for the water to recede and not inundate the road let alone to get into houses.

After a three-month stay in the House relocation, life begins to set, along with the electricity network, road, and the influx of fresh water from the TAPS. The State of the economy of the household is still considered very difficult because of the distance to the school and to the workplace still felt too far away from residential relocation. Luckily residents of residential relocation not think that they hold certificates of land ownership rights over the land and buildings which they inhabit. They ventured to look for loans to banking institutions with a certificate guarantee of their land. Most of them borrow money just to buy the bike (although former) for the sake of launch activities to the workplace, smoothen the transportation of children to school as well as streamline household affairs such as going to work, traditional market shopping or go to places of public service. With the motorcycle they had as the main buffer mode of transportation would further facilitate the Affairs of the household to work or take the children to school at the same time saving on transportation costs, save on travel time to work or to the school, as well as save energy because more quickly, easily and effortlessly.

There are also residents of the relocation take the initiative credit or borrowed money into banking for the purpose of opening new businesses in residential relocation: as it opens up grocery store, opens up the stall food and drinks, or even add to the capital or develop a business which has been practiced for it or even borrow money to banking institutions for the purposes of repair or renovate their home or just to buy the simplest means of transport (motor cycle).

C. Social condition impact

One of the residents who relocated before the request was moved somewhere new are they can stay together in the same dwelling in one settlement in the RT or RW at a new location later. If all the residents of riverbanks in the area Pucang Sawit Regency which relocated asking so one location of the settlement, of course this is not possible can be fulfilled, due to the limited land or a new location that could accommodate the entire residents of riverbanks that is in Pucang Sawit Regency. With all this might the citizens together with working group searching and selecting multiple locations located in Mojosongo Regency (origin still entered Surakarta City) for the location of new settlements. Finally the riverbanks was relocated residents can get land 5/separate location in several villages in the Mojosongo Regency area. Although separated into five locations but it is the best option. They can make its owned or one community RW joined up with a community's existing neighborhoods in advance at the new location.

With the occupying a new location but the community is almost the same, it is the hope of the majority community relocation. With the Union of several citizens of the riverbanks in the location of new settlements will add to expectations of better social and add confidence to the community riverbanks relocation program. The riverbanks society relocated did not feel alone in their new location, in their new settlement by itself already had neighbors who also come from the residents riverbanks of Pucang Sawit Village. They don't need more adjustment to the new environment as well as socializing with the surrounding

environment. The new environment already formed when they haven't moved on, so that at the site of the settlement of a corporate relocation, just continue the social kinship and social harmony when they were still living on the riverbanks and just continue the passage of wheels organization level RT and RW when still living on the riverbanks. They just need an adjustment to socialize with neighboring village first living in adjacent to the location of the relocation.

The perception and assessment of riverbanks society when not yet relocated tends to be negative, meaning the citizens of residents of riverbanks are considered second-class citizens, illegal land occupants, is considered a citizen who likes to break the rules of the country, their life is adjacent to with negative things, such as: like drunkenness, likes to gamble (Cockfight, playing cards), scrappy, like search commotion, like tattooing the limbs, a source of crime, frequent robbery, physical environment dirty, muddy and not set and various other negative attributes attached to citizens of the riverbank. With negative attributes attached turns out to be too many citizens adhere to exercise their religious beliefs or worship are appropriate. Places of worship (small mosque) on the edge of the river also stands, when praying in congregation also exist that implement, when afternoon also seen children also learn reading Qur'an. But the numbers are not there are 10% of all residents of riverbanks who would run the worship to the mosques. The majority of the citizens of riverbank are not so familiar with a matter of religion. Take possession of another person is considered not acts that violate the law. Drink hard, Cockfight is considered common in everyday life. A social environment that does not support, frequent acts of violence and criminality, does not want to run a command as well as tries to be religious, is fundamental to the residents of riverbanks, so other citizens around the river who wanted to do good and obey the ban on religion was reluctant, are carried by currents and not bandwagon to worship according to their religion. People come to the Mosque considered Goody,

sanctimonious. But some citizens who obey religion come to the Mosque to pray in Congregation in order to run commands their religion.

While once in a new location, attributes the negative gradually become faded. Social environment changed, they were in the neighborhood in the middle of the village that previously existed. They become familiar with the new social environment of the neighbor have already formed and better from the environment when it is on the riverbank. For children in a Moeslem environment relocation of Moeslem prayer, which is already available in the afternoon can be used to study and prayers and gatherings and plays for children. Likewise for fathers who want to perform the obligatory prayer in congregation, can go to the mosque for the prayer in Congregation is obligatory live. Even residents of the relocation brought together involved actively with the caretaker of the mosque that already exist to develop religious activities and religious rituals in the surrounding environment. Citizen relocation is invited as caretaker of the mosque, if their religious activities that same faith is invited and urged to commemorate and celebrate.

D. Political impact

The political impact of the policy of relocation of some indicators can be seen from the following: the extent of the involvement of resident relocation in some community activities in the village, both at the RT and RW Levels, how the serenity of citizens on site relocation and how to access the citizens against the public service. For locations in Kedung Tungkul and locations in Ngemplak Sutan, because the number of its citizens quite a lot that is over one hundred heads of families, since moving in that location the citizens already there is agreement that if occupying the site relocation will form community in one RW, consisting of several RT. It also got approval of neighborhoods with Mojosoongo Regency site the relocation. With consideration the number of citizens of more than one hundred people then residents relocation on site Ngemplak Sutan and Kedung Tungkul approved to form its own neighborhoods consisting

of 4–5 RT. Each RT is composed of 30–40 heads of families. That's still too large for the size of the RT in that location, where each House of Family Card which measures only 50 meter can't accommodate the citizens when there is a collection totaling approximately 30–40 residents.

Involvement in environmental activities of RT and RW's so active and very enthusiastic. They feel one's fate and that as residents who have been relocated. Every ministerial is meeting RT majority (over 70%) of active citizens to come and also active in the activities of the meeting in order to discuss problems that arise on site relocation and its relationship with the surrounding environment. Community relocation may not be able to stand alone without communication and establish a relationship with the surrounding environment which had previously been formed beforehand. For example, in discussing improvements to the road which becomes the shared access to the residents of the relocation as well as the surrounding residents, discuss the issue of the construction of the mosque as well as its activities are shared equally between the citizens of the relocation with the surrounding residents, as well as discussing sewer water that will surely involve relocation with surrounding community.

E. Cultural impact

Activities with regard to the cultural or artistic resident relocations are indeed not so much. When it is on the edge of the river cultural activities are conducted that involved the entire occupants on the Bengawan Solo River is a habit or culture in preserving *larung saji* offerings made in Bengawan Solo River in order to get safety, the abundant good fortune and away from mala catastrophe. It is usually done once every month at Javanese days known as *Shura* when the day falls on a Tuesday *Kliwon*. While other cultures such as preserving Javanese culture such as art *Karawitan*, *Wayang Orang* dance or arts barely ever made, due to the limitations of the land for the exercise as well as the availability and limitations of the art price tools comparatively very expensive.

Other cultural habits or usual residents of riverbanks is evening out towards the solemnize 1 *Shura* to see the tradition of the Surakarta Palace to perform marches round soldiers along with the Sultan's weapons coupled with some characteristics of the Buffalo belonged to the Palace. Indeed there are only some of the riverbanks citizens involved in the marches. Some residents is recorded as a servant and as the Surakarta soldiers did indeed have an obligation to participate in any activity conducted by Surakarta Palace.

Meanwhile, cultural activities at the site of the relocation of the barely there are cultural activities that involve relocation. The limitations of the location or place of public facilities as well as the availability of arts or cultural tool which can accommodate residents or accommodate art tools to conduct cultural activities or the arts barely exist. Cultural activities the only residents relocation is conducting the study every month and the reading of *Yassin* and *Tahlil* are made at the small mosque belonging to the neighboring residents who had previously already existed near the location of the relocation. The reading of *Yassin* and *Tahlil* develops at the site of relocation due to the relocation of residents gathering with neighboring residents who had previously been occupying a location adjacent to the location of the relocation. Citizen relocation of particularly Moeslem little by little started to socialize to follow activity reading of *Yassin* and *Tahlil* held neighboring residents. The reading of *Yassin* and *Tahlil* starts from citizens who have the intention to commemorate the death of a sibling, parent or relatives. The habit of eventually relocating residents who used to never follow or not familiar with the ability slowly getting to know and follow this event.

Other habits change when relocation is located in dump custom and habit in using drinking water. The habit of disposing of trash in the river is the daily activities of residents of the river. When it moved to a new location then the habit of disposing of trash in the river inevitably must be stopped. Citizens must provide separate bins in each home. Every two days once the garbage will be taken by the officer to be

discarded at the end of the landfills that are already determined. Residents must answer issued a Fund of IDR. 10.000 per home to fund operational landfill which certainly very different from when it is on the edge of the river. Residents of the River does not have to reach into their own fund to dump, because of the litter discarded every day by each head of House or household members to the river without having to accommodate a first litter in the bin.

Likewise, the habit in using clean water, when are new citizens must downsize using clean water because the water is sourced from the TAPS. The payment of clean water depends on the magnitude of net water usage by citizens. In contrast to when it is located in this River, residents are free to use the water as much as the number without having to think about to pay for the water. Residents of the river utilize private wells or public water wells are relatively easy to be taken without having to pay. The majority of the citizens of river harnessing water is being well by using a water pump, although some are still using Dipper buckets (manually) to get well water.

Other good habits is also seen at the site of relocation is the use of the flow of electricity in the home. All houses on site relocation electricity power legally, permanent and meet the standards of National Electricity Company. None of the relocation of the residents there use electricity from illegal connections (power stealing). It is also a stark contrast when most residents in the River using the flow of electricity from illegal connections (power stealing). Take the power line when located in the riverbanks for some residents is a common habit and wont to do. They don't feel stealing and didn't consider dangers when going short circuit an electric current. Important home can flow of electricity without regard for the safety and the safety of other people that live in the river.

F. Environmental Impact

Living in the riverbanks when a drought indeed very tasteful and comfortable. The air is fresh, cool and clean can be enjoyed all the citizens, since many big trees around the River grow infertile. Air pollu-

tion hardly exists, the puddle drains are not found, the stack until there is never a night, if a mosquito is also not fluttering. In addition, living on the riverbanks is away from air pollution as well as noise pollution from vehicles. On riverbanks of the House building not crowded insistence, the home page is quite wide and broad, easy drinking water facilities and social facilities were found to play a gathering place is also widely found.

Another case when moved in the new location, the House is very narrow, and adjacent to the left or right neighbors ahead of the House, did not have a home page, puddles got much found, mosquitoes scatter, social facilities is very less, not even at some of the new location not found social facilities such as places of worship as well as a gathering place of the citizens. The weather is hot because of the existence of a tree – a tree that grows, air pollution as well as noise pollution is very dirty and noisy (due to be on the side of the road). House is quick being dirty because dust scattered from the road adjacent to the House.

IV. Conclusion

Based on upfront then describe the conclusions to be drawn as follows: the policy or program relocation of Bengawai Solo River in the short term (1 year) are not giving positive impacts for the target group even their economic life instead the added weight and bad. But in the medium and long term (more than 1 year moved in a new location) their lives slowly began well and shows optimistic attitude to achieve a better life.

With relocated citizens of Bengawan Solo riverbanks in Mojosongo Regency, residents of riverbanks feel have self-esteem or status socials. The inherent status as citizen is number two identical to serve, criminality, like drunk and gamble being lost with the move in the new relocation site. With the existence of the home ownership and accompanied by a letter of ownership made the social status of the citizens of the riverbanks become more confident to socialize as well as other citizens of the neighboring life.

Involvement in environmental activities of RT and RW's so active and very enthusiastic. They feel one's fate and that as residents who have been relocated. Every ministerial is meeting RT majority (over 70%) of active citizens to come and also active in the activities of the meeting in order to discuss problems that arise on site relocation and its relationship with the surrounding environment. Cultural activities at the site relocation are hardly cultural activities that involve relocation. The limitations of the location or place of public facilities as well as the availability of arts or cultural tool which can accommodate residents or accommodate art tools to conduct cultural activities or the arts barely exist. Cultural activities the only residents relocation is conducting the study every month and the reading of *Yassin* and *Tahlil* are made at the small mosque belonging to the neighboring residents who had previously already existed near the location of this relocation.

References:

1. Asian Development Bank (ADB), 1998. Handbook On Resettlement A Guide To Good Practice, Manila.
2. Aysan Y. & Oliver W. Housing and Culture after Earthquakes, Oxford Polytechnic Press 1987.
3. Finsterbusch Kurt and Annabelle Bender Motz. Social Research for policy Decisions, Belmont,– California: Wadsworth Publishing Company 1980.
4. Nugroho Ryan. Public Policy Teori dan Praktek, Elex Computindo, jakarta, 2008.
5. Shaw J & Ahmed I. Desig and delivery of Post-Disaster Housing Resettlement program, Melbourne: RMIT University 2010.
6. Cernea M. The Economics of Involuntary Resettlement, Washington DC: Word Bank 1999.
7. International Finance Corporation (IFC), Handbook for Preparing a Resettlement Action Plan.

8. Pietrzak J. *Practical Program Evaluation: Examples from Child Abuse Prevention*, California Sage Publication. 1990.
9. Ridlo Mohamad Agung. *Kemiskinan di Perkotaan*, Unisulla Pres, Semarang 2001.
10. Wibowo Samodra, Purbokusumo Yuyundkk, *Evaluasi Kebijakan Publik*, PT. Raja grafindo Persada, Jakarta 1994.
11. Khandker R. Shahidur, Koolwal B. Gayatri, Samad A. Hussain, *Handbook on Impact Evaluation Quantitatif methods and Practices*. The word Bank Washinton DC, 2010.
12. *Buku catatan di kantor Dinas Kesejahteraan Rakyat Pemberdayaan Perempuan & Keluarga Berencana (DKRPP & KB) Kota Surakarta*, 2008.
13. Agba A. M. Ogaboh, Akpanudoedehe J.J., and Ushie E. M. *Socio-Ecomomic and Cultural Impacts of Resettlement on Bakassi People of Cross River State, Nigeria*, *Studies In Sociology Of Science*,– Vol. 1.– No. 2. 2010.– P. 50–62.
14. Aminatun Sridkk. *Implementasi Kebijakan Relokasi Permukiman Terhadap Ancaman Tanah Longsor*, *Jurnal Riset Kebencanaan Indonesia*,– Vol 1.– No. 2.– Oktober 2015.
15. Amy Pramdany, *Kajian Perubahan Taraf Hidup Rumah Tangga Pasca Relokasi Pemukiman Penduduk Bantaran Sungai Karang Mumus Samarinda*, 2007 (tidak dipublikasikan).
16. Cernea M. *Poverty Risks and National Parks: Policy Issues in Conservation and Resettlement*. *World Development* – Vol. 34. 2006.– No. 10.– P. 1808–1830.
17. Chris De we. *The Application of International Resettlement Policy in African Villagization Projects*, *Human Organization*,– Vol. 71.– No. 4. 2012.
18. Elisabet Repelita K. *Konservasi Sumber Daya Alam di Taman Nasional Gunung Merapi (TNGM) analisis ekologi dan Politik*, 2007 (tidak dipublikasikan).
19. Hafazah Abdul Karim & Amalina Haslyssa Hashim. *The Effect of a Resettlement Scheme on the Social-Cultural Changes of the Temuan Community*, *Social and Behavioral Sciences* 42(2012).– P. 362–373.
20. Okada T., Haynes K., Bird D. Van den Honert R. & King D. *Recovery and resettlement following the 2011 flash flooding in the Lockyer Valley*, *International Journal of Disaster Risk Reduction* 8(2014).– P. 20–31.
21. Suryo Adi Pramono. *Pro dan Kontra Kebijakan relokasi Korban Erupsi Merapi*, 2011 (tidak dipublikasikan).
22. Joanne van Selm. *Public-Private Partnerships in Refugee Resettlement: Europe and the US*. *JIMI/RIMI* – Vol. 4.– No. 6/2.– Spring/printemps 2003.– P. 157–174.
23. Navjot K. Lamba and Harvey Krahn. *Social Capital and Refugee Resettlement: The Social Networks of Refugees in Canada* *JIMI/RIMI* – Vol. 4 – No. 6/3.– Summer/6t62003.– P. 335–360.
24. Hulewat. Phyllis, *Resettlement: A cultural and psychological crisis*, *Social Work* 41.2 – Mar 1996.– P. 129–35.
25. Sawtell John. Dickson-Swift, Virginia; Verrinder, Glenda; *It’s not all tied up with bureaucrats and funding”: Autonomous volunteer participation in the rural resettlement of refugees*, *Australian Journal of Social issues* 45.4. Summer 2010.– P. 543–558, 439, 441.
26. Shi G. *Discussion on Resettlement Science; Proceeding of 16th IAHR-APD Congress and Symposium of IAHR-ISHS. IV*,– P. 1456–1462. Nanjing: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2008.
27. *Lampost.co*, 6 des 2013.
28. *Okezone*, 7. – Juli 2014.
29. URL: <http://www.penataanruang.net>

Section 3. Study of art

*Wang Beike,
Post-graduate student of the department
of belarusian and world artistic culture,
Belarusian State University of Culture and Arts,
The Republic of Belarus, Minsk
E-mail: alesia_gr@mail.ru*

FROM THE EXPERIENCE OF CULTURAL INSTITUTIONS OF CHINA AND BELARUS WITH DIFFERENT CATEGORIES OF VIEWERS

Abstract: The author of the article examines the specifics of the work of cultural institutions of China and Belarus, focused on working with socially vulnerable groups of the population.

Keywords: cultural institutions; socially vulnerable groups; interaction of art and the public.

*Ван Бэйкэ,
соискатель кафедры белорусской и мировой художественной культуры,
Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Республика Беларусь, Минск
E-mail: alesia_gr@mail.ru*

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ С РАЗНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ЗРИТЕЛЕЙ

Аннотация: Автором статьи рассматривается специфика работы учреждений культуры Китая и Беларуси, ориентированных на работу с социально незащищенными группами населения.

Ключевые слова: учреждения культуры; социально незащищенные группы населения; взаимодействие искусства и публики.

Организация досуга социально незащищенных групп населения должна преследовать цель укрепления их социокультурных связей и оптимального вхождения в социокультурное пространство. Решение данной задачи значительно облегчается при наличии специализированной государственной политики, которая исходит из

индивидуальных особенностей данной группы населения.

В этом отношении большой практический интерес представляют учреждения культуры, которые выполняют важную и гуманную работу, а именно проводят всевозможные профильные мероприятия, в том числе, и для лиц с ограниченным

физическими возможностями. В качестве примера приведем шанхайский кинотеатр «САТНАУ» (Китайская Народная Республика), который не смотря на то, что он находится в весьма престижном районе города, отличается гибкой системой ценообразования и большой работой с социально незащищенными группами населения.

В июне 2012 года кинотеатр «САТНАУ» был официально признан Шанхайской федерацией инвалидов, Объединенной киносетью и некоторыми прочими организациями как «первый безбарьерный кинотеатр». В это время была достигнута договоренность между организаторами и представителями союза людей с нарушениями зрения о том, что в 9 утра в последний четверг каждого месяца кинотеатр «САТНАУ» будет проводить безбарьерные кинопоказы. Под так называемым «безбарьерным кинофильмом» понимается использование профессионального языкового сопровождения фильма. Помимо диалогов в оригинальной его версии, для разъяснения общих сцен, образов персонажей, их действий, внутреннего мира, чтобы люди с проблемами зрения могли беспрепятственно понимать на слух происходящее в фильме и, таким образом, стирать барьеры между публикой и кино. Начиная с запуска этой программы, роль комментаторов во время таких безбарьерных кинопоказов брали на себя дикторы и ведущие Шанхайской телерадиостанции. На сегодняшний день все учреждения, ориентированные на показ безбарьерного кино как социального проекта в Шанхае зависят от волонтеров. Это забота о правах и интересах определенных социальных групп, включая слепых и т.д., равно как и их культурных прав на освоение кинематографа, что открыло для слепых новый путь «прослушивания кино».

28 января 2016 года кинотеатр «САТНАУ» открыл свои двери. Ради того, чтобы достать билет, ради этой редкой возможности выйти за порог своего дома, слепые уже давно стояли у входа в кинотеатр, с нетерпением дожидаясь, когда же

второй кинозал откроет свои двери. В этом месяце показывали китайскую киноленту «Искатель тайн», и главный режиссер фильма Чэнь Синчи с большим ящиком на спине, а также исполнители главных мужских и женских ролей совместно с двумя продюсерами пришли на показ. Комментатором во время показа выступал ведущий передач Восточного спутникового телевидения Чан Инцзэ. По окончании фильма команда его создателей поднялись на сцену. Речь исполнителя главной мужской роли Ши Фэна заставила как будто прозреть слепых в зале: оказывается, «актеры сошли с экрана!» Это стало первым случаем за более чем четыре года показов безбарьерного кино в Шанхае, когда сами актеры явились в кинотеатр. В действительности с самого приезда в кинотеатр они все тайком играли роль сопровождающих и волонтеров. Актеры постоянно находились рядом со слепыми, наблюдали за выражением их лиц, тайком слушали их смех. В результате эта десятиминутная встреча создала настроение исключительного воодушевления! Совместные фото, автографы – все эти, казалось бы, обыденные для обычных людей события в кино, внезапно произошли и рядом со слепыми зрителями.

25 февраля 2018 года ранним утром перед входом в кинотеатр «САТНАУ» выстроилась очередь необычных посетителей: они или опирались на трости для слепых, или пришли в сопровождении собак-поводырей – на свое ежемесячное свидание с кинематографом. В 9 утра начался показ, и все 236 мест в кинозале были заняты. Как же эти люди смотрят кино? Ключевой персоной здесь является комментатор. Практически каждый интервал между репликами героев – это время действия для комментатора: он сидит за столом, на котором разложены комментарии и стоит небольшая лампа. После начала фильма комментатор живо и образно рассказывает о происходящем, описывая самыми точными словами действия, выражения лица, чувства героев на экране, не упуская ни одной малейшей детали, тем самым

он превращается во вторую пару глаз для слепых. В этот день комментатор тоже был довольно необычным. В прошлом комментаторами выступали профессиональные дикторы и ведущие, но в этот раз им стал исполнитель главной роли в фильме «Цзоу Бихуа» Тун Жуйсинь, который и показывали в кино. Такой небольшой сюрприз застал публику врасплох. Что касается самого актера, то такое вторичное творчество относительно своего собственного персонажа в форме комментариев также стало для него абсолютно новым и интересным опытом. Еще большей неожиданностью для публики стало то, что после каждого сеанса их ждали специальные подарки, заранее подготовленные кинотеатром. А жаркими летними днями волонтеры раздавали зрителям бутылки минеральной воды, и хотя это была такая мелочь, но она навсегда оставалась в сердцах кинозрителей. На сегодняшний день социальный проект «безбарьерного кино» включает в себя 17 кинотеатров в 16 районах Шанхая, ежегодно они показывают 12 кинофильмов с частотой один раз в месяц. В течение года для людей с ограниченным зрением проходит 204 сеанса с участием комментаторов, что не включает в себя 50 телепрограмм с комментариями для фильмов, транслируемых при помощи телеприставок, которые специально изготавливаются местными социальными центрами.

На протяжении нескольких десятков лет кинотеатр «САНХАУ» проводит различные «Встречи с публикой», «Премьерные кинопоказы», «Пресс-конференции о киноновинках» и т.д. Также им были организованы такие мероприятия как: «Неделя азиатского кино», «Неделя советского кино», «Неделя корейского кино», «Ретроспектива выдающихся фильмов о пекинской опере», «Фестиваль австралийского кино», «Кинопоказ французских фильмов» и др. Начиная с 1993 года, кинотеатр стал местом кинопоказов в рамках Шанхайского международного кинофестиваля.

Кинопоказы в рамках Шанхайского международного кинофестиваля всегда пользуются повышенным вниманием киноманов. В 2018 году на 21-м Шанхайском кинофестивале было представлено порядка 500 выдающихся кинокартин из Китая и из-за рубежа. 45 кинотеатров, где проходили кинопоказы, покрывали территорию 16 районов Шанхая, всего было дано более 1500 сеансов, чтобы удовлетворить с каждым днем возрастающие желания киноманов. В течение одной минуты после старта онлайн-продаж билетов на кинофестиваль был получен 32401 заказ на 52894 билета, спустя 5 минут количество заказов составило 100702, а общее число билетов – 151738. В этом году количество проданных за час билетов побило рекорд прошлогоднего 20-го кинофестиваля и превысило 230 тыс. штук. В кинотеатре «САНХАУ» все билеты буквально размели подчистую сразу же после старта онлайн-продаж. Чтобы познакомить население Шанхая, в частности людей пожилого возраста, с методами и процессом покупки билетов онлайн, для Шанхайского международного кинофестиваля было распечатано более 200 тыс. соответствующих памяток, которые заблаговременно распространялись в 219 социально-культурных центрах. Эти центры культурной деятельности покрывают все городские районы, а также они являются основными местами для досуга людей пожилого возраста. Вместе с тем, у входа в кинотеатр «САНХАУ» молодые волонтеры и сотрудники кинотеатра помогли тем пожилым людям, которые не умеют пользоваться мобильными телефонами, на месте скачивая мобильное приложение и осуществляя покупку билетов для них. Спустя два часа после старта онлайн-продаж начались и продажи в офлайне, чтобы киноманы также могли приобрести билеты в кассах кинотеатра.

Практика проведения мероприятий, ориентированных на публику с ограниченными возможностями имеет место и в Республике Беларусь. Так, примером такого рода подхода является деятельность многих белорусских исполнительских

коллективов, среди которых нельзя не отметить Белорусский государственный ансамбль народной музыки «Свята», который работает при Белорусской государственной филармонии.

Анализ деятельности этого яркого и самобытного коллектива показывает, что не малая часть мероприятий, в которых учувствовал коллектив, была проведена как в рамках благотворительных акций, так и для лиц с ограниченными возможностями [1, 115]. Так, только в 2013 году Белорусским государственным ансамблем народной музыки «Свята» были проведены 3 благотворительных концерта для инвалидов Великой Отечественной войны, 17 концертов в рамках акции «Чарнобыльскі шлях – дарога жыцця» для жителей населенных пунктов, наиболее пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. В 2014 году принял участие в 10 благотворительных концертов (инвалидов Великой Отечественной войны, для работников социальной службы,

детей и молодежи школ искусств г. Минска и др.). Ансамбль принял активное участие в благотворительной акции «Чарнобыльскі шлях – дарога жыцця», в рамках которой было проведено 24 концерта в регионах Гомельской и Могилевской областей, наиболее пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС.

Нельзя не подчеркнуть, что ориентация на работу с социально незащищенными слоями населения характерна и для деятельности коллективов из других учреждений сферы культуры Республики Беларусь, а именно для Белорусского государственного ансамбля «Хорошки» [2], ансамбля Белорусского государственного университета культуры и искусств «Грашницы» [3], этнотрио «Троица» [4] и многих другие. Таким образом, не вызывает сомнения, что данная практика работы с публикой в виду ее высокой социальной значимости должна только приумножаться как в Китае, так и в Беларуси, а также явиться примером для других стран.

Список литературы:

1. Гурченко А. И. К вопросу организации гастрольных и концертных мероприятий в деятельности современных народно-инструментальных ансамблей Беларуси / А. И. Гурченко // Актуальные аспекты современной науки: сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (г. Липецк, 28 октября 2016 г.) / Отв. ред. Е. М. Мосолова. – Липецк: РаДуши, 2016. – С. 113–118.
2. Гурченко А. И. К вопросу изучения музыкального фольклора в школе / А. И. Гурченко // Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук. – Липецк: РаДуши, 2016. – № 4 (4). – С. 52–59.
3. Гурченко А. И. Авторское прочтение фольклора в современном музыкальном исполнительстве Беларуси / А. И. Гурченко // Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук. – Липецк: РаДуши, 2017. – № 3 (7). – С. 59–64.
4. Gurchenko A. I. Performing folklorism and modern educational school process / A. I. Gurchenko // Proceedings of the 1st International conference on development of pedagogical science in Eurasia, Vienna, 28 august 2014 / “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – Vienna, 2014. – P. 68–70.

*Neboha Olesia Hryhoriivna,
third's year postgraduate by the Art Science Chair
on the Kyiv national university of the Culture and Arts,
teacher of the Kyiv Music Institute named after R. M. Glier
E-mail: lesigor@ukr.net*

THE PEDAGOGICAL IDEAS BY MARIA EDUARDOVNA DONETS-TESEIR ON THE CONTEXT OF KIEV VOCAL SCHOOL'S DEVELOPMENT

Abstract: In this article the pedagogical methods by Maria Eduardovna Donets-Tesseir and its role on evolution of the Kiev vocal school are researched. The purpose of the proposed research is an attempt to form a look to methodic and solo singing ideas by Maria Eduardovna and demonstrate its actuality for the world solo singing art. The **research's object** is Kiev school of the solo singing. The **research's subject** is vocal-methodic system by Maria Eduardovna Donets-Tesseir in the context of Kiev and world solo singing art. **Conclusions.** The method by Maria Eduardovna based on the across of different academic solo singing schools: Italian *belcanto*, Russian solo singing school with its emotional sincerity and meaningful perform. Also the influence of Ukrainian folk singing on her method we noticed.

Keywords: singing, vocal, method, anatomy, breathing, phonetic.

*Небога Олеся Григорьевна,
аспирантка второго года обучения кафедры искусствоведения
Киевского национального университета культуры и искусств,
преподаватель вокала Киевского института музыки имени Р.М. Глиэра
E-mail: lesigor@ukr.net*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ МАРИИ ЭДУАРДОВНЫ ДОНЕЦ-ТЕССЕЙР В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ КИЕВСКОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация: В статье исследованы педагогические идеи Марии Эдуардовны Донец-Тессейр и их роль в развитии киевской вокальной школы. **Цель** предлагаемого исследования состоит в попытке сформировать взгляд на вокально-методические идеи Марии Эдуардовны и доказать их значимость в системе мирового вокального искусства. **Объектом исследования** является киевская школа сольного академического пения. **Предмет исследования:** вокально-методическая система Марии Эдуардовны Донец-Тессейр в контексте киевской и мировой вокальной традиции. В **выводах**, на основании проведённого разбора педагогических идей констатируется, что метод Марии Эдуардовны сформировано на пересечении различных традиций и школ академического пения – от итальянского *bel canto*, до русской школы, с тяготением к эмоциональной

искренности и осмысленности исполнения, Также нами отмечалось влияние на её метод украинского народного пения.

Ключевые слова: пение, вокал, метод, анатомия, дыхание, фонетика.

Актуальность: данной статьи заключается в отсутствии системного осмысления полной картины феномена под названием «киевская школа сольного пения». Между тем киевская школа сольного пения, классический вид которой сформировался в середине и второй половине прошлого века, сегодня занимает важное место, среди многих других очагов мировой традиции академического вокала.

Объектом: предлагаемого исследования является киевская школа сольного академического пения.

Предмет исследования: вокально-методическая система Марии Эдуардовны Донец-Тессейр в контексте киевской и мировой вокальной традиции.

Цель: данной статьи состоит в попытке сформировать взгляд на вокально-методические идеи Марии Эдуардовны и доказать её актуальность в системе мирового вокального искусства.

Для начала стоит дать определение понятию «**вокально-методическая школа**». Так, Дмитрий Аселунд предоставляет следующее определение явлению вокально-педагогическая школа «это конкретная, целенаправленная, организованная система подготовки новых поколений певцов и педагогов для конкретной деятельности, исторически меняется» [1, с. 4].

Б. Гньдь в монографии «История вокального искусства», считает, что «такое понятие [школа – О. Н.] можно употреблять как определение украинской, итальянской, французской, немецкой, русской, болонской и других вокальных школ. Вокальная школа – исторически переменная, социальная и национальная. <...> Социальные условия определяют идейную и эстетическую направленность вокального искусства, а также влияют на характер вокальных школ. <...> Национальный характер вокальных школ обусловлен

составом жизни каждого народа: его поэзией, законами фонетики, языка, народными традициями в музыке, искусством народных певцов» [2, с. 3].

Исходя из приведённых критериев, киевская школа сольного пения имеет все черты таковой. Более того, с момента возникновения и на сегодняшний день в её недрах сформировались несколько педагогических методов к искусству пения. Один из наиболее ведущих – метод Марии Эдуардовны Донец-Тессейр.

Выдающаяся исполнительница была воспитанницей Александра Мишуги – известного киевского педагога и, фактически, основоположника украинской традиции академического пения, на рубеже XIX–XX столетий. Поэтому метод Марии Эдуардовны основан на системе А. Мишуги и итальянского *bel canto* (как известно, певица училась в Миланской консерватории у профессора В. Ванцо). Её ученицами были такие певицы, как И. Масленикова, М. Звездина, Т. Петрова, Е. Мирошииченко, Н. Куделя, Р. Колесник, М. Мищенко, А. Савченко, М. Малой. Г. Науменко, М. Егорычева, Н. Макарова, Г. Зиньч, М. Лепихов, Г. Блажко.

Вокально-методическая концепция Марии Эдуардовны прекрасно подходит для воспитания блестящей, виртуозной техники в легких сопрано, на основе очень сконцентрированного струи выдоха в условиях очень четкой фонетики при произношении слов. Этот метод является одним из ведущих при подготовке лирико-колоратурного сопрано.

Для получения близкого к естественному звучанию состава, профессор просила произнести звук, как бы на кончике языка. Далекое и глубокое звучание она определяет как сформированное на корне языка. Желая активизировать губы и вызывать, необходимое для близкого звучания улыбку, она рекомендует подобрать щеки.

Мария Эдуардовна полагала, что с первых же шагов необходимо следить, чтобы все звуки были в единой окраске и звучали в одной позиции. Чтобы не было пестроты, по месту звучания; чтобы все гласные были в одной позиции – **в в а и и**. Педагогом всегда подчёркивалось, что преодоление пестроты звучания на всем голосовом диапазоне, проявление природной красоты тембра и его развитие является одной из главных задач вокальной педагогики.

В том случае, когда формирование гласных не удастся, Мария Эдуардовна применяет составляющие сочетания. К примеру, она поручала петь гласные, в сочетании со звуком **м** – «**мы-э-а-о-у**». С самого начала, звуки **и** и **е** имеют петься в одной позиции и, практически без изменений формы губ. Дальше – постепенное раскрытие на «**а**» (с соответствующим крещендуваньям), а затем постепенное свертывание к «**у**». Как видим, звуки **е** и **в** в толк, скорее как промежуточные стадии между ограниченным и довольно сложным в системе М.Е., пением состав «**мы**», кульминационным раскрытием на «**а**» и последующим свертыванием губ «**у**».

Слоги также помогают при работе над гаммами и над пассажами в манере вокализации, для выработки их четкости («**за-зе**» на мордент, затем в рамках терции (трех нот)). Можно сказать, что Мария Эдуардовна стремилась к тому, чтобы во время пения речевой аппарат двигался, как и во время разговора (то есть естественно, непринужденно). Но, с учетом вокального резонатора и голосовых позиций.

После пения пассажей с согласными – переход к чистым гласным. Далее – пение мотивов с прыжками на терцию и выше. Требование – одна позиция, чистота дыхания (втягивать живот)

Овладение техникой сосредоточено на резонаторных и мышечных ощущениях, которые напрямую зависят от степени самоконтроля над звучанием голоса. Посещения оперных спектаклей (как в студии консерватории, так и театре), было

важной составляющей в обучении. Кроме этого, вокального педагогического репертуара входили произведения произведения итальянских композиторов и народные песни, всегда исполнявшиеся на языке оригинала.

Выводы. Таким образом нами было рассмотрено вокально-методическую концепцию Марии Эдуардовны Донец-Тессейр. Можно сделать следующие выводы.

Во-первых, метод сформирован на пересечении различных традиций и школ академического пения – от итальянского *bel canto*, до русской школы, с тяготением к эмоциональной искренности и осмысленности исполнения. То есть появление и развитие киевской школы сольного пения оказалось естественным результатом музыкально-исторического развития и примером для подражания традиций школ старших поколений.

Во-вторых, важной частью воспитания в системе М. Э. Донец-Тессейр является совмещение принципов пения украинских народных песен, с характерными для академического вокала исполнительскими приёмами. Этот факт демонстрирует интерес к национальной украинской интонации. («Это определение принадлежит автору статьи и является не термином, а лучше сказать, эпитетом».– О. Н).

В-третьих, сам факт сочетание итальянской, русской и украинской вокальных школ свидетельствует об уникальном опыте киевской вокальной школы. Мария Эдуардовна стала одной из тех, кто не просто практиковал подобные синтетические подходы в исполнительской практике, но и придала этому научно-методическое обоснование, в большом количестве научных трудов, докладов и статей.

Все выше приведенное убедительно доказывает, что творческий метод Марии Эдуардовны является полноценной школой, национальные корни и синтез характерных черт западноевропейской (в частности итальянской) и российской школ которой – определяют ее как интересный образец

европейского и мирового вокального исполнительства. При этом, с сохранением самобытности и многоплановостью подхода, что делает ее знакомым явлением в мировом вокальном искусстве.

Список літератури:

1. Аселунд Д. Развитие певца и его голоса / Д. Аселунд.– Санкт-Петербург: Лань, Планета музыки, 2016.– 180 с.
2. Гнидь Б. П. Історія вокального мистецтва / Б. Гнидь.– К.: НМАУ ім. П. І. Чайковського, 1997.– 319 с.
3. Людкевич С. Олександр Мишуга як артист і вчитель співу / С. Людкевич // Дослідження, статті, рецензії, виступи. Т. 1.– АН України. Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича.– Львів: Вид-во – М. Коць «Дивосвіт», 1999.– С. 430–438.
4. Михайлова Т. Вокально-методические школы, сложившиеся в киевской консерватории: рукопись / Т. Михайлова.– Київ.: НМАУ им. П. И. Чайковского.– С. 1–18.

*Starikova Victoria Vyacheslavovna,
candidate of art criticism, associate professor,
associate professor of the Department of National Instrumental
Creativity of the Belarusian State University of Culture and Arts
E-mail: V-zapolskaya@mail.ru*

THE ROLE OF THE SOUND ENGINEER IN CREATING AN AUDIO DOCUMENT OF MUSICAL ART: TO THE QUESTION

Abstract: In the 21st century, sound engineering problems become the object of not only an empirical level of understanding, but also a scientific one. Sound engineering is considered as interpretive activity in the sum of all components: the performer himself, the means, the result and the style. However, these scientific studies are just beginning to raise questions in this area.

Keywords: Sound engineer, sound recording, academic performance.

*Старикова Виктория Вячеславовна,
кандидат искусствоведения, доцент,
доцент кафедры народно-инструментального творчества БГУКИ
E-mail: V-zapolskaya@mail.ru*

РОЛЬ ЗВУКОРЕЖИССЁРА ПРИ СОЗДАНИИ АУДИОДОКУМЕНТА МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Аннотация: В XXI веке проблемы звукорежиссуры становятся объектом не только эмпирического уровня понимания, но и научного. Звукорежиссура рассматривается как интерпретаторская деятельность в сумме всех составляющих: сам исполнитель, средства, результат и стиль. Однако эти научные изыскания только начинают поднимать вопросы в этой области.

Ключевые слова: Звукорежиссер, звукозапись, академическое исполнительство.

Весь мир вокруг нас «включён в сеть». Громкоговорители, трансляторы, колонки, усилители звука, наушники окружают нас и заполняют звуками каждый день. Качество предлагаемого, в основном, музыкального материала не всегда находится на высоком уровне. Кроме возможных изменений и искажений, связанных с многочисленными видами трансляции, огромная и первостепенная даже ответственность за качество лежит на звукорежиссёре.

Академическое музыковедение ещё в конце XX века привлекало звукозаписи и видеодоку-

менты как дополнение к источниковедческой базе исследования. К проблемам звукозаписи обращались на протяжении всего времени её существования, как исполнители, так и композиторы, высказывая на эмпирическом уровне положительные и отрицательные стороны относительно всех сторон звукозаписи. Различные аспекты техники и технологии звукозаписи, специфические особенности звукозаписи, как творческого процесса мы находим в статьях практикующих звукорежиссёров. В музыковедении к вопросам звукорежиссуры обращались Д. И. Галкин, В. Г. Динов,

А. В. Чернышова, а также широко известен часто цитируемый исследователями сборник статей и интервью «Рождение звукового образа», составленный Е. М. Авербах.

На современном этапе, кроме всё более возрастающего количества научных работ в области исполнительства, основанных на аудио- и видеодокументах, появляются достаточно серьёзные исследования, раскрывающие проблемы музыкальной звукорежиссуры (А. Д. Бунькова, С. А. Васенина, Н. И. Дворко, С. Н. Мещеряков, Н. Н. Рахманова, Т. Ф. Шак). С одной стороны, в них поднимаются актуальные проблемы звукорежиссёрской интерпретации фонограммы и основные проблемы методологии изучения, с другой – внимание авторов сконцентрировано на освоении новых возможностей включения звукорежиссуры в массовую культуру современной реалии, оставляя на периферии научных интересов звукорежиссуру академической музыки. Однако на протяжении XX века накоплен огромный массив звукозаписей музыкального исполнительского искусства, который только сейчас становится объектом научного осмысления.

Цель статьи – очертить современные тенденции в исследовании звукозаписи и роли звукорежиссёра как интерпретатора академического исполнительства.

Звукорежиссура – это вид деятельности, охватывающий сегодня все музыкальные направления. В нашей статье мы очертим зону наших интересов – это звукорежиссура академического музыкального исполнительства во всех его жанрах и видах.

С появлением звукозаписи и звукорежиссёра общепринятая триада композитор – исполнитель – слушатель, дополнилась новым участником – звукорежиссёром. Как отмечает, доктор искусствоведения, музыкальный критик Курышева: «Жизнь музыки в записи предполагает кроме автора музыки и исполнителя присутствие ещё одного участника – звукорежиссёра, от мастерства

которого во многом зависит художественный результат. Его работа также может находиться в объективе оценки» [1, с. 291].

Эта модель «композитор – исполнитель – звукорежиссёр – слушатель» сегодня присутствует и в звукозаписи, и в концертном исполнении. Однако должного осмысления роль звукорежиссёра не находит. Вопросы звукорежиссёры рассматриваются в основном в рамках образовательного процесса, направленного на современное массовое искусство, и оценки фонограмм как результата деятельности звукорежиссёра.

Ещё в XX веке были выделены три составляющие работы звукорежиссёра – это работа со звуком, работа с нотным текстом произведения, и работа с исполнителем. В процессе звукозаписи звукорежиссёр отслеживает текстовые и интонационные неточности, слаженность ансамбля. Всё это направлено на то, чтобы первоначальный текст не был искажён. Темп, манера исполнения, нюансировка – это исключительно прерогатива исполнителя и звукорежиссёр не вмешивается. В звукорежиссуре основными характеристиками звучания выступает триада – что звучит, кто исполняет, как исполняет и отдельно исследователи указывают на «как звучит» – звуковой образ. Для академического музыкального исполнительства, ещё не выработавшего свой методологический подход к изучению звукозаписи, – это основополагающий критерий оценки фонограммы. Параметры «звукового образа» определяет Т. Ф. Шак:

- пространство, в котором находился источник (источники) звука;
- расположение источника (источников) звука по глубине;
- соотношение громкости звучания источников звука относительно друг друга (если источников больше одного);
- амплитудно-частотную характеристику источника (источников) звука (тембр);
- различимость содержания отдельных голосов (если источников звука больше одного);

- расположение источника (источников) звука по панораме (если используется система объёмной звукопередачи) [2].

Для анализа звукозаписи можно обратиться к оценочному протоколу, предложенному А. Буньковой и С. Мещеряковым. Он включает определённые пункты: Пространственное впечатление; Акустический баланс; Музыкальный баланс; Тембροпередача; Прозрачность; Стерефоническое впечатление; Прочее» [3].

Теоретики звукорежиссуры предлагают два типа звукорежиссуры: классическая и драматическая (А. Бунькова и С. Мещеряков) или традиционная и драматургическая (В. А. Шлыков), определяя первую как ремесло, а вторую как творчество.

Здесь можно было бы сделать вывод, что звукозаписи музыки академического направления сделаны ремесленниками и главное – это выставить нужное количество микрофонов в нужных местах. Но если мы обратимся к звукозаписям прославленных советских звукорежиссёров Д. Галкина, А. Гросмана, Э. Грута, П. Кондрашина, Ф. Синей и др., то на основе слухового анализа, можно говорить, что у каждого из них есть свой звукорежиссёрский стиль, что подтверждается в диссертационном исследовании Н. Н. Рахмановой «Звукорежиссура джазовой музыки как стилевой феномен», а также работой В. А. Шлыкова «Звуковой образ в современных музыкальных фонограммах», где авторы проводят сравнительный анализ фонограмм разных звукорежиссёров, выявляя индивидуальные стилистические особенности. Так Н. Н. Рахманова, используя сравнительный анализ фонограмм, отмечает: «... яркие индивидуальные отличия в решении всех компонентов микса: пространственности (как в количестве и «качестве» реверберации, так и в распределении виртуальных источников звука по планам); музыкальном балансе (как между инструментами, так и партиями в целом); тембре всех инструментов; заполненности стереобазы и прозрачности» [4, с. 22].

И здесь следует учитывать, что классическая звукорежиссура не ремесло, а наоборот, творческая деятельность, основанная на знании огромного количества произведений академической музыки, понимания акустических особенностей сольного, ансамблевого и оркестрового музицирования, знания традиций исполнения музыки разных эпох и стилей, акустическом восприятии слушателем музыки определённого стиля. Стремление современного образования в сфере режиссуры направлено на современный шоу-бизнес, что способствует снижению уровня профессионализма звукорежиссёров, записывающих исполнителей академического направления.

Доктор искусствоведения Т. Ф. Шак определяет следующий круг проблем, актуальных для академического направления – это приёмы музыкальной звукорежиссуры как части языковой структуры произведения, влияние приёмов звукорежиссуры на восприятие музыкального текста в концертной практике и звукозаписи, методология звукорежиссёрского анализа с позиций целостной оценки музыкального произведения, интерпретация в ракурсе звукорежиссёрских подходов, музыкальная звукорежиссура в современном звуковом пространстве.

Актуальность этих проблем очевидна. Однако этот круг проблем в науке должен решаться раздельно, так как звукозапись классической музыки, звукозапись джаза или других музыкальных направлений отличаются друг от друга, и выявление стилевых закономерностей возможно в рамках сопоставления звучания фонограмм одного направления с учётом специфики. Так диссертационное исследование Н. Н. Рахмановой – один из первых шагов подобного разделения.

Для академического музыкознания, направленного на исполнительское искусство огромное значение имеет понимание роли звукорежиссёра как соавтора звукозаписи музыкального произведения. Это связано в первую очередь с разграничением самого материала исследования – где

область интерпретации исполнителя, а где интерпретация звукорежиссёра. Е. Дуков подчёркивает: «Грампластинка – достижение отнюдь не одного лишь только исполнителя. Его работа – материал для звукорежиссера, который, собственно, и должен облекать «исполнительскую заготовку» в совершенную форму, отвечающую не только эстетической норме, но и техническим ограничениям и стандартам, а также – потребительским требованиям» [5, с. 20]. С другой стороны, возрастающий научный интерес к звукозаписи может позволить выявить параметры изучения исполнительского искусства, до настоящего момента не попадавшие в поле исследований.

Работ, посвящённых звукозаписи, как конечному продукту интерпретации не только исполнителя, но и звукорежиссёра, сегодня мало, что свидетель-

ствует о не разработанности данной проблематики. Проблема степени влияния звукорежиссёра на фонограмму зачастую остаются вне поля интересов исследователей музыкального исполнительского искусства. Музыковеды, обращаясь к звукозаписи и анализируя исполнение, не в полной мере осознают проблемы того, что является исключительно достижением исполнителя, а что могло быть создано или изменено благодаря творческому подходу звукорежиссёра и его технологической оснащённости. Необходимость осмысления возрастает в связи с востребованностью источниковедческих исследований огромного массива аудиодокументов исполнительского искусства, который представлен в архивах, фондах и коллекциях, и остаётся не включённым в практику академического музыковедения образовательного процесса.

Список литературы:

1. Курышева Т. А. Музыкальная журналистика и критика / Т. А. Курышева. – М.: Владос-Пресс, 2007. – 296 с.
2. Шак Т. Ф. Музыкальная звукорежиссура в аспекте научных проблем современного музыкознания [Электронный ресурс]: материалы VI Всероссийской науч-практ. конф. 29 марта 2014 г. «Современные аудиовизуальные технологии в художественном творчестве и высшем образовании». – Режим доступа: URL: <http://kursak.net/sovremennye-audiovizualnye-texnologii-v-xudozhestvennom-tvorchestve-i-vysshem-obrazovanii/> – Дата доступа: 10. 10. 2018.
3. Бунькова А. Д. Студийная звукозапись и основы звукорежиссуры: монография / А. Д. Бунькова, С. Н. Мещеряков; ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Екатеринбург, 2014. – 174 с.
4. Рахманова Н. Н. Звукорежиссура джазовой музыки как стилевой феномен: дис. канд. искусствоведения: 17.00.02 / Н. Н. Рахманова; ФГБОУ ВО Нижегородская гос.конс. им. М. И. Глинки, 2016. – 249 с.
5. Новые аудиовизуальные технологии: учеб. пособие / Рос. ин-т культурологии; отв. ред. К. Э. Разлогов. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 484 с.

*Qiu Min,
postgraduate student of the department
of belarusian and world artistic culture
Belarusian State University of Culture and Arts
E-mail: alesia_gr@mail.ru*

ADAPTABILITY A CREATIVE METHOD IN THE MODERN ARTISTIC FOLKLORE IN CHINA

Abstract: Taking modern stage activities for example, folk characteristics of modern stage art works in China are hereby researched in this paper to consider the folk art embodiments according to different adaptive types.

Keywords: traditional culture; folklorism; stage embodiment of folklore.

*Цю Минь,
Белорусский государственный университет культуры и искусств,
соискатель кафедры белорусской и мировой художественной культуры
E-mail: alesia_gr@mail.ru*

АДАПТАЦИЯ КАК ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ВОПЛОЩЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ

Аннотация: Автором статьи рассматривается специфика воплощения фольклора согласно типу адаптации на примере деятельности современных сценических коллективов Китая.

Ключевые слова: традиционная культура; фольклоризм; сценическое воплощение фольклора.

Фольклоризм представляет собой интересное явление современной художественной культуры, в рамках которого «продлеваются» существование фольклора как части традиционной культуры, уже практически не функционирующей в естественных условиях бытования. Фольклоризм как метод предполагает разную степень художественной переработки аутентичного материала - от минимального приспособления до существенного переосмысления в рамках культуры письменной традиции. Одним из методов воплощения фольклора в современном искусстве исследователями выделяется адаптация, которая предполагает обработку традиционного первоисточника в соответствии с канонами академического музыкального языка [4, 272–277]. В современном искусстве Ки-

тая данный творческий метод представлен целым рядом коллективов, специфику которого можно рассмотреть на примере Национального оркестра провинции Гуандун и оркестра народных инструментов Национальной радиовещательной компании.

Китайский оркестр народных инструментов Национальной радиовещательной компании - это первый крупный оркестр народных музыкальных инструментов, возникший после создания Китайской Народной республики. Дирижер и художественный руководитель оркестра Пэн Сювэнь, ориентируясь на структуру европейских академических симфонических оркестров, создал современный китайский оркестр, основанный на модифицированном китайском традиционном народном инструментарии.

Инструментальный состав оркестра включает модифицированные китайские традиционные народные инструменты: струнные (гаоху, гучжэн, дажуань, люцинь, пипа, саньсянь, чжунжуань, чжунху, эрху, янцинь), духовые (зурна, флейта ди, шэн, хоугуань), ударные (барабаны, бьяньчжун, бьянцинь, гонги). Среди европейских академических инструментов в оркестре используется виолончель и контрабас, а также ударная установка и электронные инструменты (синтезатор, электро- и бас-гитара). Такой состав позволяет исполнять обработки и аранжировки традиционной народной музыки разных регионов Китая, для которых характерны те или иные инструментальные составы (мелодии для струнных и духовых народных инструментов провинции Гуанчжоу и дельты Жемчужной реки, мелодии для струнных и духовых инструментов провинции Цзяннань, мелодии для духовых инструментов провинции Хэбэй и т.д.).

Художественный руководитель оркестра Пэн Сюэнь создал более 400 обработок и аранжировок китайских традиционных народных мелодий, что позволило сформировать уникальный художественный стиль коллектива. Так, композиция «Шаг за шагом высоко» основана на обработке кантонской музыки, а «Напев бамбука» на струнной и духовой музыке Цзяннань и т.д.

В репертуаре оркестра есть тематические программы, посвященные традиционным китайским праздникам. Так, на тему летнего календарного праздника лодок-драконов оркестром представлена программа «Драконы соревнуются за знамя». В древние времена, в среднем и нижнем течении реки Янцзы, племена, поклоняющиеся тотемам драконов, проводили праздники племенных тотемов в виде лодок-драконов. Во время обрядового действия происходили состязания в гребле на лодках, изображающих драконов. Данному празднику в 2006 г. был дан статус национального культурного наследия и на сегодняшний день он является китайским государственным праздником. Програм-

ма оркестра «Драконы соревнуются за знамя» включает аранжировки традиционных народных мелодий разных регионов Китая. Так, композиция «Лунная ночь среди цветов на весенней реке» для пипы с оркестром основана на цзяннаньской традиционной народной мелодии; инструментальные композиции «Прелестные цветы розы» и «Течение ручья» представляют собой аранжировки традиционных народных песен западных районов Синьцзяна и провинции Юньнань; в композиции «Течение ручья» аранжирована традиционная народная песня провинции Юньнань; инструментальная композиция «Танец Яо» – аранжировка песен и танцев народности яо.

На тему китайского традиционного праздника середины осени, который знаменует собой один из этапов годового цикла, оркестром подготовлена программа «Полная луна в середине осени», которая включает аранжировки китайских традиционных народных мелодий: композиция для эрху с оркестром «Отражение луны в двух родниках», «Лунная ночь среди цветов на весенней реке» (на сцене инструментальная музыка сопровождается танцем) и др.

Программа «Новогодняя радость» основана на теме приуроченного к завершению полного лунного цикла праздника весны, который является самым масштабным и продолжительным традиционным праздником в Китае, широко известным в мире как «китайский Новый год». В период праздника китайская народность хань и этнические меньшинства проводили различные торжества, такие как поклонение богам, воздаяние предкам, молитва о долгих летах, возвращение людей домой и воссоединение с родственниками, друзьями и семьей. Программа оркестра включает композиции «Увертюра праздника весны» (основана на народных песнях северного Шэньси), «Жасмин» (основана на народных песнях региона Цзянсу), «Луна над гладью озера в осеннюю ночь» и «Радостное спокойствие» (основаны на кантонских народных мелодиях) и др.

В программах оркестра классическая концертная форма исполнения иногда дополняется общением со зрителями через мультимедиа, пояснения и комментарии, позволяющие им глубже понять содержание композиций.

С точки зрения анализа методов воплощения фольклора в современном искусстве Китая научный интерес представляет деятельность Национального оркестра провинции Гуандун, который ориентирован на сценическое воплощение традиционной художественной культуры регионов Гуанси и Гуандун в соответствии с адаптацией как типом фольклоризма [2, 17; 3, 58]. Провинция Гуандун находится на восточном побережье материкового Китая, в начале Морского шелкового пути. Данный регион обладает особой культурой, называемой культурой линнань (регион, включающий провинции Гуанси и Гуандун). Музыка линнань включает гуандунскую, чаочжоускую музыку, музыку народности хакка (горские песни хакка и музыку ханьцев провинции Гуандун), лэйчжоускую музыку и музыку национальных меньшинств Гуандуна и Гуанси. Для содействия строительству предложенной Си Цзиньпином инициативы «Один пояс – один путь», в 2015 г. оркестр представил слушателям программу «Морской шелковый путь», основанную на материалах традиционных народных мелодий регионов Гуанси и Гуандун. Данная программа состоит из 7 частей и включает композиции «Освоение моря», «Поклонение морю», «Дальние плавания», «Чужие земли», «Тоска по Родине», «Возвращение» и «Мечты». Таким образом, в процессе разработки и реализации экономического проекта морского шелкового пути, в Китае большое внимание уделяется, в том числе, и популяризации художественного культурного наследия.

Инструментальный состав оркестра типичен для данного типа коллективов и включает группы струнных, духовых и ударных инструментов. По своему инструментарию коллектив приближен к типу симфонического оркестра, что характерно

для адаптации как типа исполнительского фольклоризма многих стран мира [4; 1, 272]. Струнные инструменты представлены в оркестре модифицированными традиционными народными китайскими инструментами (гаоху, эрху, чжунху) и академическими европейскими инструментами, которые замещают недостающую среди традиционных китайских инструментов басовую группу (виолончель и контрабас); щипковыми инструментами (модифицированные люцинь, пипа, янцин, гучжэн, жуань (маленький, средний и большой), саньсянь). Группа духовых инструментов включает модифицированные традиционные народные китайские инструменты (флейты ди (банди, цюйди, синьди), улучшенные шэны с клавишами (высокого, среднего и низкого диапазона), зурны с клавишами (высокого, среднего диапазона, промежуточного между низким и средним диапазоном, низкого диапазона)) и усиливающий басовый регистр оркестра академический европейский фагот. Группа ударных инструментов представлена гонгами и барабанами.

Обращение оркестра к адаптации кантонской музыки вызвано тем, что данная традиция характеризуется несколько монотонными мелодиями, которые в аутентичном виде нелегко воспринимается современным слушателем, особенно из числа молодого поколения. Эту проблему несколько нивелируют представленные в программах оркестра аранжировки и обработки кантонских мелодий, которые включают адаптированные традиционные народные элементы, чем привлекается внимание слушателей к традиционной художественной культуре и, в определенной степени, обогащается оригинальный музыкальный контент. Программы Национального оркестра провинции Гуандун составляют концерты, посвященные тому или иному музыкальному инструменту, а также музыке определенного региона.

Для программ оркестра есть несколько вариантов сценических костюмов с элементами в китайском стиле. Так, для программы «Морской

шелковый путь» они основаны на морской тематике в белом и синем цвете, что отдаленно напоминает стилистику традиционного китайского фарфора. Тип построения программ коллектива традиционный для академического исполнительства (отдельные концертные номера), декорации и сценическое движение отсутствует.

Таким образом, творческий метод оркестров китайских народных инструментов целиком соответствует адаптации как типу фольклоризма, который предполагает художественную обработку аутентичного первоисточника и приспособление его к канонам академического музыкального языка.

Список литературы:

1. Гурченко А. И. К вопросу сценического воплощения фольклора в деятельности современных исполнительских коллективов Беларуси / А. И. Гурченко // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – С. 272–277.
2. Гурченко А. И. Фольклоризм в современном музыкальном исполнительстве / А. И. Гурченко // VIII Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: ренессанс базовых ценностей?»: сб. материалов междунар. науч. конф. Челябинск, 27–28 февр. 2018 г.: в 2 ч. / М-во культуры Челяб. обл., М-во образования и науки Челяб. обл., Челяб. гос. ин-т культуры, Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-т, Челяб. гос. ун-т, Челяб. гос. центр нар. творчества; сост. Л. Н. Лазарева. – Челябинск: ЧГИК, 2018. – Ч. II. – С. 17–18.
3. Гурченко А. И. Авторское прочтение фольклора в современном музыкальном исполнительстве Беларуси / А. И. Гурченко // Актуальные аспекты современной науки: сборник материалов XVII международной научно-практической конференции (г. Липецк, 30 ноября 2017 г.). / отв. ред. Е. М. Мосолова. – Липецк: РаДуши, 2017. – С. 52–58.
4. Гурченко А. И. Современный исполнительский фольклоризм и образовательный процесс школы / А. И. Гурченко // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, – Санкт-Петербург, 17 июня 2014 г. / Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего». – СПб., 2014. – Т. 2. – С. 147–148.

Section 4. History

*Dr. Le Xuan Hung,
Da Lat University
E-mail: hunglx@dlu.edu.vn*

STONE WORKING PROCESS FOR THE POST – NEW STONE – EARLY METAL AGE IN LAM DONG PROVINCE, VIETNAM

Abstract: Stone processing workshop is one of the most important activities in the economy of prehistoric people. Since 2005, archaeologists have discovered and researched 3 collections of prehistoric axes and prehistoric stone works in Lam Dong (Vietnam). This article is the result of investigations, investigations and excavations by the author and his collaborators. In addition to the above method, the author combines the methodology of science to determine the relationship between raw materials and products in factory. A number of studies have been published in specialist journals. In this study, the author will do research into the workshop process, characteristics of the making process axes and give some examples of the relationship between the factories, the relationship between the factory and adjacent units.

Keywords: Stone process; Workshop tools stone; Factory relics; Workshop in Lam Dong.

Introduction

In the prehistoric craft of mankind, stone processing plays a very important role before the primitive community enters the civilization stage. Studying stone processing tools shows that restoration of the production process of an instrument is an important criterion for considering the technical level, the rationality of the production process and the price. The exchange of products on the prehistoric market is a matter that scientists always care about.

Lam Dong is one of five provinces in the Tay Nguyen (Vietnam). Archeologists have discovered and researched a number of stone processing workshop monuments that belongs to the Post-New Stone Age. These relics were often located near the source material stone and the common materials are opal, silicon, rhyolite or trachyte... These material were often exposed on the surface or not deep underground. Residents of Post-New Stone – Early Metal

Age had exploited these resources for the operation of stone tools in the workshop.

Since 2005, the author has written many articles on prehistoric period in Lam Dong (Le Xuan Hung [2, p. 12–22]; Le Xuan Hung [3, p. 43–54]; Le Xuan Hung [4]). It is worth researching on ax, stone processing and and author confirmed three groups of workshops: Thon Bon (Gia Lam), Hoan Kiem (Nam Ha), Phuc Hung (Tan Ha). These relics are located in Lam Ha (Figure 1). Some publications have been published in specialized journals or in monographs, but mainly on the results of investigations, reconnaissance and excavation. In this article, the author will focus more on the aspects of the tooling process, the source of the material, and the relationship of stone tool manipulation to the monumental habitat.

In a 2007 study on the relics of the ax workshop, Ea Kar in Dak Lak Province (Tay Nguyen), Nguyen Gia Doi and Le Hai Dang mentioned three

stages of processing: exploiting and processing raw materials, manufacture axes, the finishing of the artwork, grinding and exchange with groups of prehistoric occupation (Nguyen Gia Doi, Le Hai Dang [7, p. 23]).

In this article, the author inherits the way to divide the above steps to restore the processing stone tools in the workshop stone ax in Lam Dong. In addition, the study uses science methods to research the correlation between raw materials relate and materials in the workshop.

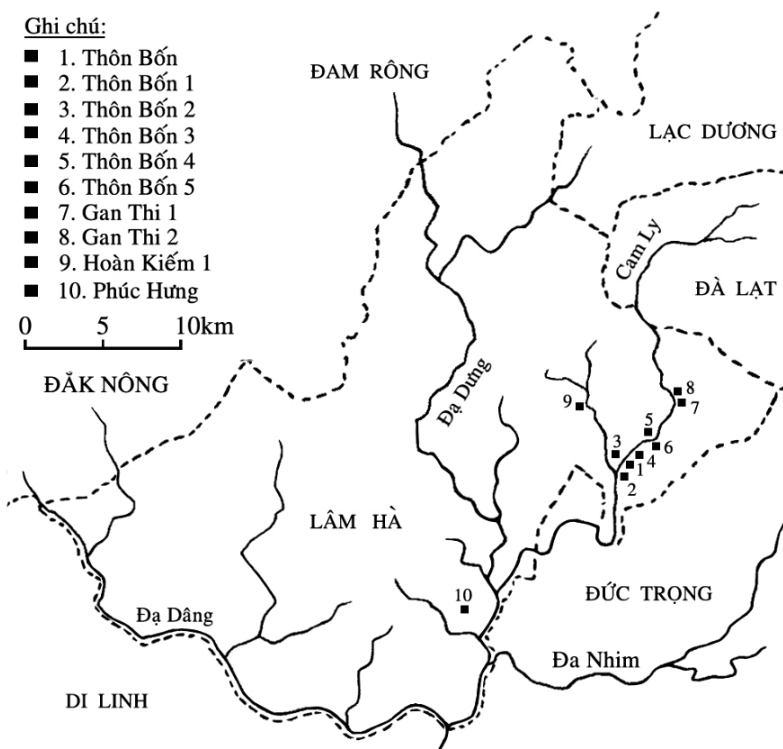

Figure 1. Prehistoric sites in Lam Ha district, Lam Dong province

1. Selection of raw materials

Selection of suitable stone sources is the first step in the manual processing of stone tools by prehistoric inhabitants. The results of the survey in Lam Ha district showed that the rock material was almost surface-exposed; along rivers and streams, so it is easy to exploit. Popular materials are opal, silicon, rhyolite and basalte. These rocks are very hard, crispy and hardly weathered. After being broken, these stones usually have sharp edges that is in line with the features of the tool. Post-New Stone Residents and Early Mental Age in Lam Dong used stone material suitable depends on each type of product or production tool has different functions such as: The axes are made of the basalte, opal, rhyolite or silica; the grinding machine is made of

stone grès with tools made of silex, cherst or opal is made of very hard stones such as quartzite, granite, opal.

Research on the relics of the ax and stone works in Lam Dong shows that prehistoric people mainly used opal and rhyolite materials; less siliceous, basalte or trachyte stone. Axes are almost quadrilateral or triangle shape and made of opal, siliceous and rhyolite. They sometimes use siliceous or basalte stone. Tools stone made of siliceous rocks, basalte usually have up and down shoulder; four-pointed quadrangular or square shoulders with square and smooth edges like the same type in Dong Nai culture (Vietnam). Thus, Post-New Stone-Early Metal Age in Lam Dong has the corresponding material, stone tools or other tools.

To determine the the relevance between materials and tools in the factories, we analyzed 55 rock samples of lithological composition. The approach and methodology are based on the “Provenance postulate” to determine the chemical composition of the elements present in the sample. We use the methods: application of nuclear analysis techniques in archeology; Neutron Activation Analysis (NAA). Multivariable statistical analysis: Principal Component Analysis

(PCA) (Figure 2); Group analysis method (Cluster Analysis). Although the research results are not yet indicated the absolute date of origin of this rock formed at any stage but asserts found that the rock material was formed in a certain geological cycle locally. It is perfectly suited to the material of the tools as well as the remaining residue in the workshop (Le Xuan Hung, Tran Ngoc Dieu Quynh, Tran Quang Thien [5, p. 19–30]).

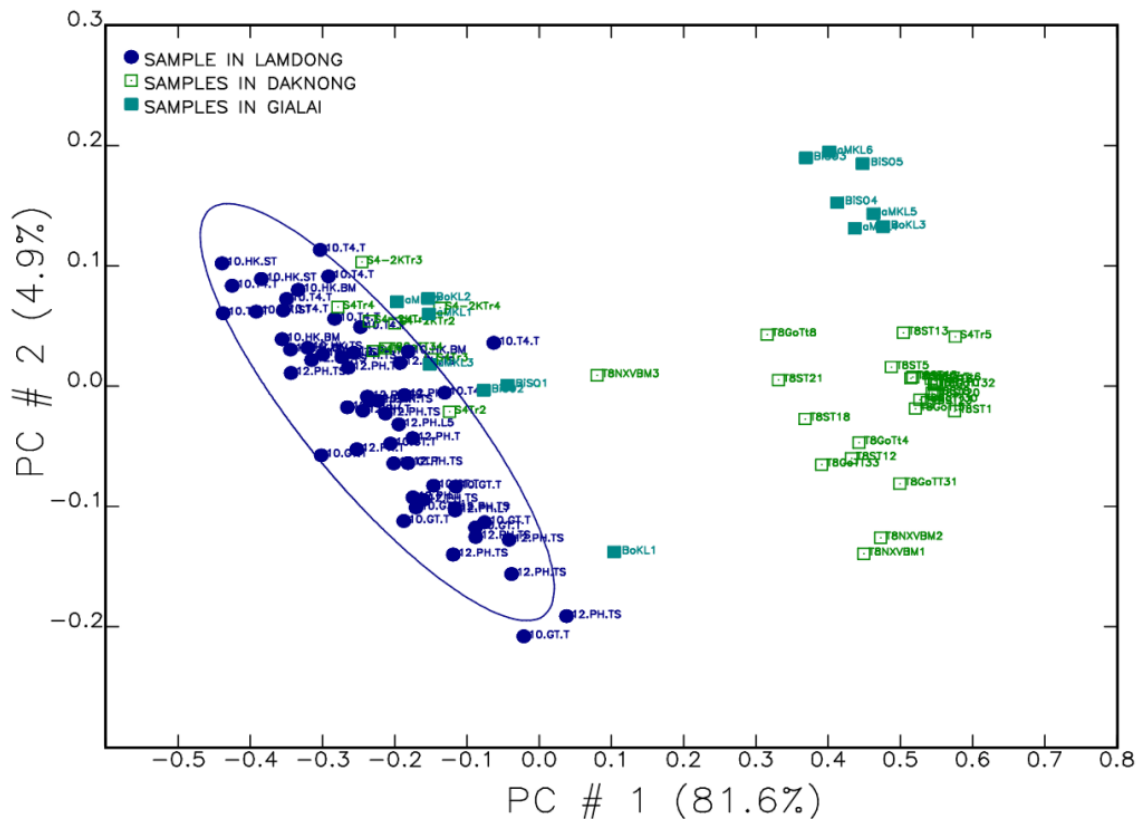

Figure 2. PCA treatment results for stone samples in Lam Dong

2. The making of axe

2.1. Exploitation of raw materials and preliminary processing

Exploitation of raw materials and preliminary processing is the first step to process prehistoric stone tools in Lam Dong. There are 4 workshops representing for this stage: Gan Thi 1, Gan Thi 2 (Gia Lam Commune), Hoan Kiem (Nam Ha Commune) and some places in Phuc Hung (Tan Ha Commune). The technique of making workshops is to exploit raw materials, to make pieces

of stone that are shaped and sized roughly as expected. On the stone blocks or stone nodes also save the dirt, dams. As a result of the dams, the rocks have formed blocks of cubes and then move on to the shaping process. In addition, there are many blocks of raw materials on the surface, the outer shell of the natural stone often covered with many impurities, raw grain left at the factory. Objects collected at the factories are stone nodes; few tools and very rough. There are rarely finishing artifacts.

Once you have selected the right stone, the next step is to shape the gauze with the smaller but still very rough to create the expectation shape of the mold. The cultural heritage left is the stone nodes, embryos and many pieces of debris. Pieces are often large size and have the remains of the crumbling on the surface which was natural stone. The large size of the stone and surface save the rough nature shell. The other stones often have large size (over 3 cm). In general, the mainstream technique is direct rinsing; fragmentation and rough editing.

The researching of Gan Thi 1, Gan Thi 2, Hoan Kiem and Phuc Hung relics shows that these places reserve the mark of raw material extraction. Material resources are almost absolute opal stone, raw material is volcanic eruptive masses. On the surface, there are many large thick opal samples with shabby patina which are natural stone shells. Stratigraphy record many samples of this type of rock. Shapes in the densely populated culture, intermingled with artifacts, stone nodes and stone materials; raw materials in preliminarily processed form. This is the first level factory exploiting the raw materials and preliminary processing to provide for other areas in Thon Bon locating in Phuc Hung such as 1, 2, 4 pit and pit excavation 1, 2 (2010), reconnaissance pit 1, 2 (2012) and adjacent units. It is worth noting that some rocks have rattles and many specimens and impurities are left. The smooth and less impurities stone texture are brikeb to be smaller with purpose. Many fragmented fragments might be used to make artifacts.

– The results of Hoan Kiem excavation show that many stones and stone nuggets in stone collection (2.718/11.190 relics) (Bui Chi Hoang [1, p. 35–49]). Artifacts and scraps occupy a numbers of artifacts tracing and manipulating (193 relics). The artifacts here are largely due to mechanical defects when defecating. The breakings and finished stone or block artifacts have been exchanged. Plaque and stripe stones also show the nature of the workshop pre-processing in kind. The pieces are large size (3–6 cm and many of the fragments remain weathered rock.

In general, this relic is the factory taking the first step in the making of axes.

– Exploration Pit 3 in 2010 and 2012 in Phuc Hung has a thin culture floor (15 cm – 20 cm), thick layer of disturbance (from 14 cm to 30 cm), the soil is grayish brown and relatively porous (Le Xuan Hung, [3, p. 43–54]; Le Hoang Phong [6, p. 11–20]). In the disturbing soil layer as well as the cultural layer, many objects are collected such as: artifacts, waste tools, tools, pieces of debris, stone, raw materials. Raw stone and stone materials have big size, some blocks of stone have no trace braking. The piece are original type, large size and large quantity of natural stone shell. Tooling is in preliminary form with large in size and very rough.

2.2. Embryogenesis and artifacts finishing

Representatives of this production process are known as the monuments of the Thon Bon and Phuc Hung. The main technique in this stage is to continue to break stone into smaller shape. Negative breaking pieces show that the prehistoric inhabitants used both direct and indirect rinsing techniques to remove the shaping of a more stable shape. Stripped pieces are usually medium size (2–5 cm) and small size (1–2 cm). The patterns have the sharp edges and tongue.

One of the distinguishing features is people made quadrilateral axes, mainly made of opal and rhyolite in these relics. The manual activities are to improve the artwork and exchange, grinding operations are also occurring but not common here. The axes have small size and many rags to adjust the shape of the object is relatively stable. Body of the stripes often leave a technical error, such as a rash too deep in the body or cross section too thin. The rock nodes are very few, rare rock material, tool grinding group is not much. Finished artifacts are most likely to be handed over to the place in Thon Bon 1, 2, 3, 4, 5 and adjacent units continuing to be completed.

7.860 stone objects of all kinds are collected when excavating workshop of Thon Bon with an area of 52m². This is the factory with the highest density of artifacts in the Tay Nguyen (Le Xuan Hung [2, p. 12–22]; Tran Van Bao [8, p. 41–42]). There

are 2/3 broken technically defective in the process of making (73/94 specimens). Axes are chopped and cut into the body. The cause of this error may be due to the twisting structure of the stone, which causes the impact force to damage the object. 21/94 finished articles have small size, small patches and small adjustments. In addition, there are also 9 axes grinding the body and remains the not yet grinding on the body in Thon Bon. Maybe the grinding activity here is only secondary, the old people here only grinding in small amounts to serve the community directly.

The classification of stripes by material shows that the material processing mainly in the relics are opal, accounted for 90.2%, other stones are negligible. When sorting strip size according to size, we see that up to 67.78% of stripping have size over 1.5 cm – 5 cm; only 12.56% of strip size are less than 1.5 cm and 8.42% of strip size are larger than 5 cm. The above analyzes show that this opal processing workshop is a small tool-processing business, almost unprocessed for the first time from large nodes. The large stone nodes and the original strips with the natural shell of the opal are very rare. This confirms Thon Bon take the second stage in the process of making stone ax.

– In the Phuc Hung workshop, the tools obtained were also very low compared to strips, stone nuggets, raw materials (121/49.139 specimens). Most of them are axes, quadrilaterals hoe having the material is almost opal dark brown, light red. Artifacts have been shaped or not shaped are quadrilateral and have a relatively flat surface, the other side has many defects shaping. The appearance of rasps are show that waves left on the negative track on the surface of some specimens. In general, the quadrilateral axes in the Phuc Hung are large and small in size. The places where many raw materials are found are located on the surface or in the stratigraphic stratum as in the case of reconnaissance pits 3(2012) exploiting raw materials and preliminary processing of artifacts. In the remaining locations in Phuc Hung, the toolbox are usually small size, quadrilateral, slightly curved edges, the edges are

flattened, the edges on the two sides forming the wavy line. This group has undergone with small negative scratches close together. The tools having technical errors such as: too thin, croupier or corner of the tongue ... can not continue to work so left at the factory.

In the exploration and excavation pit in 2009 (32m²), there were 23,380 debris, 577 plates, 5216 stone nodes and raw material samples (Le Hoang Phong, [6, p. 11–20]). Remarkably, 3.265 scales (size 0.5 × 0.5 cm) were collected in the exploration and excavation pit. In general, the type of stripes in Phuc Hung is separated by the indirect breaking technique, the flame is usually small. There are some pieces that are rinsed and pressed to make tools like knives. The activities of refining and restoration of the object of the second stage was taken place in the center of the relics. Some places around are used to exploit raw materials and preliminary processing. Thus, Phuc Hung workshop at the same time takes place in the process of processing tools ax and four quadrangle.

2.3. Refined artifacts and finishing grinding

Refining and finishing tools is the final step in the process of stone tools. There are 5 relics where take place this activity: Thon Bon 1, 2, 3, 4 and 5 in Gia Lam commune (Le Xuan Hung [2, p. 12–22], Tran Van Bao [8, p. 41–42]). These relics are usually a temporary housing unit and also a tooling facility. Archaeologists often spot the ruins associated with prehistoric occupations, such as: piece ceramics, many grinding tools, a few broken tools to flush use of tools or tools (knife, scrape) and reduction tools such as: grinding wheels, jaws, saws, drills; kitchen residues, coal ash; traces of houses ... Factors workshop tools stone tools at this stage show: the normal form in the finishing and just sharpening. The size of pieces is usually medium and small, mostly under 2cm. Many relics have many strips of external surface with grinding. The stone and stone materials in these relics are either nonexistent or very rare.

Main production techniques in the workshop are small correction, fine-tuning and grinding

finishing tools. Indirect breaking techniques usually have weak impaction preparation to make the product more complete. This step created defects with small pieces to very small flakes. Pieces are often very thin, not even measuring thickness. Some pieces are crystal. The scales have the pressure points and the product which are created have the two straight edges, steady and zigzag smears. In addition to the tools, people also discovered the sophisticated strips and the knife which are used to create sharp knife or sharpening in Thon Bon and Phuc Hung workshop. It can be said, these workshops have reached the pinnacle of stone processing industry. In addition to these techniques, these workshops also use drilling techniques to make jewelry. These objects will be sharpened or exchanged with the prehistoric inhabitants after completing the refinement process of the object.

Conclusion

Materials: Th-Co's classification results show that all samples collected in Lam Dong belong to the **Island Arc Tholeiite** group. It is a tholeiitic magma group which is classified as subalkaline (containing less sodium and alkaline element). When the mother's magma crystallises, it will firstly do crystallization of magnesium and iron-rich forms of olivine and pyroxene silicate minerals; architecture from glass, pearl to crystal. Main minerals include quartz, feldspar and alkaline plagioclase. Common minerals are biotite and hornblend. Based on the

distribution, the materials used in Lam Dong are opals and rhyolites which belong to an erodible magma (silicon dioxide) ($> 69\% \text{SiO}_2$). This type of stone has a hardness of more than 7 (on the hardness scale of Mohs). When being broken, it has the sharp edge which is suitable for making bamboo cutting tools, wood or other tools for cutting and disposing of wild animals. Post- New Stone – Early Metal residents in Lam Dong not deeply exploit the material on the surface and located in the ground for manual processing tools ax.

About the processing stages: Research results of 3 groups of workshop relics in Lam Dong based on the characteristics of relics: raw materials, stone nodes, tools, scrap tools, pieces can be defined as 3 stages in the process of making tools: Stage 1 (Gan Thi 1, 2, Hoan Kiem relic, 3 reconnaissance pits in Phuc Hung), The Stage 2 (Thon Bon relic, reconnaissance and excavation pit in Phuc Hung); Stage 3 (Thon Bon 1, 2, 3, 4, 5).

The workshop relics in Lam Dong have two absolute dates. The result of analyzation at the Ho Chi Minh City Center of Nuclear Power (Vietnam) shows that sample 06.T4.L 4.4 has type of coal samples, L4.D5 coordinates, depth of layer 4, cell D5. And these samples are 4.880 BP. The coal sample 12.PH.TS2.L3 is taken in the excavation hole of the Thon Bon with TS2.L3 coordinates and layer 3 depth are 2.890 BP. It is taken in the reconnaissance pits Phuc Hung.

References:

1. Bui Chi Hoang. "Hoan Kiem archaeological monument (Lam Dong)", *Journal of Archeology*, (5), 2010.– P. 35–49.
2. Le Xuan Hung. "Factory Relics in Lam Dong: Documentation and Awareness," *Journal of Archeology*, (6), 2011.– P. 12–22.
3. Le Xuan Hung. "Relics of Phuc Hung stone tools processing workshop in Prehistoric Lam Dong", *Tay Nguyen Social Science* (2), 2013.– P. 43–54.
4. Le Xuan Hung. *Relics of stone processing workshop in Post-New Stone – Early Bronze Age in Tay Nguyen*, PhD., thesis in Archeology, Vietnam Academy of Social Sciences, Ha Noi. 2015.

5. Le Xuan Hung, Tran Ngoc Dieu Quynh, Tran Quang Thien. “Application of neutron activation method and multivariate statistics in prehistoric stone artifacts study in Tay Nguyen”, *Journal of Archeology*, (3), 2015.– P. 19–30.
6. Le Hoang Phong. “Excavation of prehistoric stone processing workshop of Phuc Hung (Lam Dong), *Journal of Archeology*, (4), 2011.– P. 11–20.
7. Nguyen Gia For, Le Hai Dang. “Chu K’tu workshop and opal stone processing factory in Tay Nguyen”, *Journal of Archeology*, (1), 2007.– P. 15–25.
8. Tran Van Bao. “Diocese – Workshop of Thon Bon (Lam Dong) with the problem of stone processing workshop in Tay Nguyen”, *Journal of Archeology*, (5), 2007.– P. 31–42.

*Malakhov Sergey Viktorovich,
candidate, of historical sciences, associate professor
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

ORIENTAL CHARACTERISTICS OF SOVIET SOCIALISM IN THE ASSESSMENTS OF THAT TIME (2)

Abstracts: This is a part of the historico-sociological investigation on the socialist characteristics of Russia in the last hundred years, etacratic and generally non-European, considered in the context of what is a socialist social system. The paper contains assessments of the Soviet socialist order by the people who made them around the third quarter of the last century and found it to be non-European and etacratic.

Keywords: the Asiatic mode of production, socialism, totalitarianism, M. Djilas, K. A. Wittfogel, A. D. Sakharov, M. S. Voslensky, A. A. Zinoviev.

*Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

ВОСТОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА В ОЦЕНКАХ ТОГО ВРЕМЕНИ (2)

Аннотация: Это часть историко-социологического разыскания о социалистических характеристиках России последних ста лет, этакратических и в общем неевропейских, рассматриваемых в контексте того, что представляет собой социалистический общественный строй. В ней приводятся оценки советского социалистического порядка людей, дававших их около третьей четверти прошлого века и находивших этот порядок неевропейско-этакратическим.

Ключевые слова: азиатский способ производства, социализм, тоталитаризм, М. Джилас, К. А. Виттфогель, А. Д. Сахаров, М. С. Восленский, А. А. Зиновьев.

Эта работа – часть разыскания о социалистических характеристиках России последних ста лет, этакратических и в общем неевропейских, рассматриваемых в контексте того, что представляет собой социалистическая общественная формация. В ней приводятся развёрнутые оценки советского социалистического порядка людей, дававших их около третьей четверти прошлого века и находивших этот порядок неевропейско-этакратическим. Адекватное понимание её материалов едва ли, на мой взгляд, возможно без их сопоставления с положениями исходной статьи по определённым

выше вопросам, а именно «Характеристики классического социалистического строя (Речь о раннеклассовых обществах)».

В странах, где коммунисты приходили к власти, частная собственность различными способами – посредством принудительных национализации и кооперирования, высоких налогов, искусственных цен – уничтожалась и обращалась в коллективную собственность этакратии, писал в исследовании, обнародованном в 1957 году, М. Джилас [1, 73–74]. Участие в правительственной власти становилось, таким образом, равно-

значным владению, пользованию и распоряжению едва ли не всем национальным имуществом [1, 48, 62, 83]. «Частная собственность совершенно исчезает или продолжает существовать как нечто второстепенное и могущее быть в любой момент уничтоженным» социалистическими властями [1, 44]. «Из-за своего тоталитарного... характера, – писал Джилас, – новый класс отказывается терпеть в стране что бы то ни было, чем он не распоряжается и не управляет, и стремится всё прибрать к рукам, всё подчинить своей власти» [1, 72 и 197]. «Монополия власти и монополия собственности в коммунистической системе гораздо неразрывней связаны между собой, чем в какой угодно другой» [1, 61 и 196], хотя на преобладании государственной собственности основывались в прошлом, отмечал он, ещё древневосточные деспотии [1, 71]. Идеологию М. Джилас рассматривал как одну из трёх структур, поддерживающих коммунистический порядок, однако, в отличие от власти и собственности, не являющаяся детерминантой, обуславливающей его поддержание [1, 193–194].

По определению Джиласа, к этакратии относятся все те, кто пользуется особыми привилегиями и материальными преимуществами в силу принадлежащей им классовой монополии на государственное управление [1, 55]. Такими правами, правами собственности, пользуется очень небольшой слой администраторов [1, 60–61, 83]. Иерархически выстроенная, скованная железной дисциплиной, сплочённая и единая в защите того, что ей принадлежит, этакратия, писал он, значительно лучше организована и обладает более развитым классовым сознанием, чем любой другой класс [1, 76, 93, 102]. Она обязана быть абсолютно единой [1, 39–40, 94–96] и каждый её член должен быть полностью подчинен классу в целом, «по крайней мере, господствующий принцип требует от него такого подчинения» [1, 77]. Это ведёт к превращению социалистических верхов в «безличную и бесцветную массу привилегированных

людей» [1, 64 и 117], отличающихся нетерпимостью и отсутствием морали, готовых отречься от всего, если это необходимо, не имеющих того, что называется честью [1, 181–182, 186]. (При социалистическом строе обезличивание как фон распространяется на всех вообще людей и, по мнению М. Джиласа, является одной из его характеристик [1, 117–118 и 2, 15]. Отметим также, что он не считал восточнокоммунистические страны странами именно социалистическими [1, 10–11, 119, 213–214].) «В коммунистической системе независимости нет ни для кого. Зависимы все, даже те, кто принадлежат к партийной верхушке, даже сам верховный руководитель партии. Все они зависят друг от друга и должны остерегаться того, чтобы не оторваться от своего окружения, от его преобладающих идей и интересов», – объяснял он всё это [1, 103].

В социалистических странах «существует постоянная тенденция превращения олигархической диктатуры в диктатуру единоличную» [1, 100]. Как и в древневосточных деспотиях, верховная власть в них толкует и предписывает догму, «царь [же] и первосвященник – одно лицо». Идеологами в коммунистических партиях этих стран считаются лишь люди, облечённые высокой властью [1, 95]. Социалистическое государство, отмечал он, сосредотачивает в своих руках гораздо больше власти, чем любое другое, и власть эта неограниченна, абсолютна [1, 51, 53, 86, 116]. (Определяющее влияние в государственных структурах той или иной социалистической страны имеет, полагал М. Джилас, руководство её коммунистической партии и политической полиции [1, 74, 88–89, 107–108, 113]. И в СССР, и в Югославии сотрудниками госбезопасности могли быть только члены компартии [1, 90–91] и не наоборот. Обе они, писал он, теснейшим образом переплетены в своей повседневной деятельности и «различие между ними заключается только в распределении работы» [1, 91].) Построенное в конечном счёте на насилии [1, 35,

108, 115–116], оно отличается и крайней неразборчивостью в средствах [1, 173–175, 190]. Этакратические верхи считают возможным утверждать, что методы, применяемые ими, не имеют в этом отношении значения, «важны не средства, важна цель... всё остальное – мелочи» [1, 175]. Эта апология их средств – аморальных, низких, любых – даёт известное представление и о людях, которые к ним обращаются [1, 177, 188–190]. Считая, что всякое нарушение её власти представляет опасность для её собственности, этакратия, подчёркивал Джилас, противится свободе во всех её проявлениях [1, 82]. Формально признаваемые, «свободы [здесь] могут быть использованы исключительно в интересах так называемого “социализма”», и не на бумаге более чем ограничены [1, 108 и 129]. «Законы в этих государствах гарантируют гражданам всевозможные права... Но на деле ничего этого нет» [1, 108]. Даже по суду, отмечал он, «коммунисты сводят счёты со своими противниками не потому, что те совершили преступления, а потому, что они – противники», хотя с правовой точки зрения в большинстве случаев и неповинны [1, 111]. В коммунистических странах «люди быстро начинают понимать, что разрешено и что не разрешено» [1, 88], и не законы и постановления, а действительные и неписанные правила, определяющие отношения между этакратическими верхами и простыми гражданами, являются в них руководством к действию [1, 88–89]. Тоталитарная коммунистическая диктатура, писал М. Джилас, – это душа этакратического строя, его сущность [1, 98].

При социалистических порядках «государство даёт человеку возможность обеспечить себе прожиточный минимум, но при условии его полного подчинения своей воле» [1, 118–119]. Работник в них несвободен и вынужден продавать свой труд на условиях, которых он не может изменить, поскольку «лишён возможности искать другого, лучшего работодателя. Есть только один работодатель – государство» и трудящимся не остается ни-

чего другого, как принимать его условия. «Рынок труда [здесь]... заменён монопольной собственностью нового класса, распоряжающегося рабочей силой по своему усмотрению» [1, 128]. «Несмотря на свой плановый характер, – отмечал он, – это хозяйство едва ли не самое расточительное, какое когда-либо существовало» [1, 141]. Этакратические верхи здесь распоряжаются национальным достоянием как своей собственностью, но растрачивают его как что-то чужое; природа собственности и власти при отстаиваемой ими форме общественной интеграции, пишет он, именно такова [1, 143]. «Как может вообще отдельная [небольшая] группа людей... управлять современной сложной экономикой»? Однако «самое важное... это, несомненно, отсутствие свободы. В коммунистической системе вопрос свободы стал основной проблемой и хозяйственной жизни, и жизни вообще» [1, 141].

У социализма как общественного строя, писал М. Джилас, «есть своя особая сущность, не позволяющая смешивать его ни с чем другим» [1, 199]. И конфликт между Западом и Востоком – это конфликт общественных систем [1, 225–227]. Там, замечает он, где этакратические порядки взяли верх над капиталистическими, последние характеризовались не тем, что имели наибольшее распространение, а тем, что доля их, напротив, была более или менее небольшой [1, 33, 56, 192].

В своей «Восточной деспотии. Сравнительном исследовании абсолютной государственной власти», опубликованном в том же 1957 году, К. А. Виттфогель равным образом склонен был не считать общественный строй, утвердившийся в СССР, собственно социалистическим и называет его «тоталитарным “социализмом”» [3, 411, 439], или «управленческим этатизмом» [3, 444, 446]. Формы общественной интеграции, которые обозначаются здесь как социалистические, определяются им как «земледельческий или промышленный абсолютный этатизм», иначе же – «земледельческая или промышленная деспотия»

[3, 440–441]. «Управленческий этатизм» в СССР Виттфогель характеризовал как идеократический и «наиболее централизованный политический порядок из всех на настоящее время известных» [3, 320, 441]. По его мнению, хозяева этой страны закрепили ту ключевую особенность неиндустриально-деспотических обществ, которую представляют собой исключительные права их этакратии [3, 440]. Высокоставленные идеологи СССР были и влиятельнейшими представителями его правящей элиты [3, 319]. Коллективизация превратила крестьян этой страны в сельскохозяйственных работников, выполняющих тяжелые работы на её новую, этакратическую, элиту [3, 440]. Как и все её подданные, они, по его мнению, являлись государственно-несвободными людьми [3, 441]. К. А. Виттфогель отмечал ту сходную роль, которую играли крупномасштабная ирригация в классических социалистических странах и тяжёлая индустрия – в нынешних, неклассических. В обоих случаях особое значение имела деятельность, не являвшаяся непосредственным производством материальных благ, однако составлявшая его необходимую основу [3, 27–28]. Эта ключевая часть экономики являлась собственностью и делом государства, которое, таким образом, осуществляло жёсткий контроль над хозяйственной жизнью своей страны [3, 48]. Такой же уровень контроля, в его оценке, был достигнут советскими верхами и по отношению ко всем негосударственным отношениям между зависимыми от них людьми, предельно ими фрагментированным [3, 111–112 и 2, 38].

По мнению А. Д. Сахарова, в 1920–1930-е годы в СССР сложилась «особая партийно-бюрократическая прослойка – “номенклатура”, как они себя сами называют, “новый класс”, как их называл [М.] Джилас». У этих людей, писал А. Д. Сахаров в 1975 году, был свой образ жизни, своё чётко определённое положение в обществе – его хозяев, свой язык [1, 122] и образ мыслей. «Номенклатура фактически неотчуждаема и в послед-

нее время становится наследственной. Благодаря сложной системе тайных и явных служебных привилегий, а также связей... взаимных “одолжений”, благодаря большей зарплате эти люди имеют возможность жить в гораздо лучших [по сравнению с простым народом]... условиях». Символом их власти и уровня жизни, обеспечивавшегося ею, по его словам, было «кольцо персональных роскошных дач, окружённых непроницаемыми высокими заборами», обводившее столицу СССР [4]. Такого рода государственными дачами коммунистическая этакратия (которую он приравнивал к «внутренней партии» из «1984» Оруэлла [4]) стала обзаводиться с первых лет её правления в этой стране [5, 359–369]. Безнравственный и лицемерный [6, 4, 39], по мнению А. Д. Сахарова, её правящий класс обязан был своими привилегиями тому обстоятельству, что вся прибавочная стоимость в СССР подлежала государственному распределению [6, 34]. Привилегии эти большей частью были внеденежными [7]. («Обычные... граждане, почти 99 процентов населения, в эти магазины, столовые, жилые дома, больницы, поликлиники [и т.д., бесплатные или полубесплатные] просто не допускаются» [5, 336].) Советский социалистический порядок, как и порядки в других странах «реального социализма», Сахаров расценивал как тоталитарный [4, В, III, V], держащийся на тайном принятии решений [4] и служащий классовым интересам этакратии [7].

«Зарплата значительной части трудящихся [здесь] искусственно занижена, – писал он в 1988 году, – что означает фактически скрытый налог, основная тяжесть которого ложится на людей с меньшим уровнем дохода» [6, 77], и «люди, которые живут на зарплату, большую часть её тратят на [про]питание». В деревне заработки были ещё более низкими [4]. Плохим, в оценке Сахарова, оставалось и материальное положение отечественной интеллигенции – даже по сравнению с людьми физического труда [4; 7]. Он писал о сорокаодночасовой рабочей

неделе – «продолжительней, чем в большинстве западных стран», очень коротком (двухнедельном для большинства) отпуске [4], низких пенсиях и пособиях простых людей [4; 6, 77]. «Лишь недавно введены пенсии колхозникам, [и] они очень малы». «Получение семьёй [не принадлежащей к номенклатуре] отдельной квартиры – [это] счастье, которого многие [люди] ждут [здесь] всю жизнь», «комната [же] для каждого члена семьи [есть лишь у] ... малой части населения [нашей страны]». Сахаров указывал на «низкое качество медицинского обслуживания», при котором «на одного больного в рядовой больнице в день выделяется по бюджету менее одного рубля... в привилегированных [же] больницах – на одного больного по бюджету тратится до пятнадцати рублей в день» и т.д. Отмечал он и «низкое качество образования, особенно в сельской местности» [4], и полунищенское его положение [7]. («Школа наша плохо учит и дурно воспитывает», – писал тогда же А. И. Солженицын [8, 34 и 9, 46]). Паспортная система означала ограничение свободы передвижения в пределах СССР и оборачивалась для крестьян невозможностью уехать в города, дополняясь отсутствием свободы выезда и возвращения в страну, невозможностью для большинства её непривилегированного населения заграничных поездок – даже туристических, не говоря уже о каких-либо ещё, – тем, что Сахаров называл «беспрецедентной закрытостью советского общества» [4; 7 и 2, 38].

«Общий итог всего этого, – писал А. Д. Сахаров в 1988 году, – мы находим в недавнем заявлении М. С. Горбачева – уже четыре пятилетки нет абсолютного прироста национального дохода, а в восьмидесятые годы наблюдалось даже его снижение. Сельское хозяйство страны находится в состоянии перманентного кризиса, [результатом чего является] ... необходимость закупок зерна и других продуктов сельского хозяйства за границей» [6, 76–77]. Подобное состояние экономики сопровождала, по оценке Сахарова, её

постоянная милитаризация, крайне высокая для мирного времени [4]. «Ни в одной стране доля военных расходов, отнесённая к национальному доходу, не достигает таких размеров, как в СССР (более 40 процентов)», – писал он в 1972 году [6, 35]. «У нас самая большая армия в мире, больше, чем у США и Китая вместе взятых», – так, по его словам, обстояло с этим за два года до прекращения существования СССР [6, 114]. Успехи нашей страны военно-технического характера, по его оценке, были результатом предельной концентрации сил в этом направлении. С этим же были связаны и достижения СССР в космосе, когда военные технологии, допуская их двойное назначение, были использованы как гражданские. А. Д. Сахаров не считал случайным то обстоятельство, что в остальном «все крупные научные и технические открытия последнего времени ... создание новых технологий в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве – всё это произошло не в нашей стране». И если так дела обстояли в СССР с точными науками и техникой, то что касается искусства и гуманитарных наук, приходится, полагал он, лишь удивляться тому, что они не исчезли здесь вовсе [4].

А. Д. Сахаров писал, что в советское время наша страна прошла путь, на котором были уничтожены миллионы «лучших в нравственном и интеллектуальном отношении людей» [6, 12 и 2, 15]. К 1975 году такие люди, по существу находясь на положении политических заключённых, являлись узниками советских тюрем, лагерей и психиатрических тюремных больниц. Всего в СССР их, по его оценке, было несколько тысяч [4]. Этот общественный порядок, наиболее существенной отрицательной стороной которого он считал несвободу [7], воспитывал у людей безразличие, конформизм, одноликость, лицемерие и жестокость [6, 12, 33, 77, 81–82; 4], отвечавшие обстановке подчинения этакратии [6, 12] и нравственно опустошавшие людей, живших в нём [4; 6, 13, 77]. Одним из проявлений происходивших

перемен было, по словам Сахарова, и распространение пьянства, приобретающее размеры общенационального бедствия [6, 33], «бесчисленное множество спившихся, опустившихся людей» [5 и 8, 34]. «Потребление алкоголя на душу населения [в СССР в настоящее время] втрое больше, чем в царской России», – писал он в 1975 году [4]. «Наша страна должна служить предупреждением. Она должна удерживать [несоциалистические] ... страны от того, чтобы они не совершили [наших] ошибок» [7]. На вопрос «что можно [в сложившейся ситуации] сделать», А. Д. Сахаров ответил (1973 год) так: «Что можно сделать и к чему нужно стремиться – это разные вопросы. Сделать, по моему, почти ничего нельзя... [Эта общественная] система внутренне очень стабильна. Чем система несвободнее, тем лучше она внутренне законсервирована» [7 и 4, V].

В обнародованном в 1980 году разыскании М. С. Восленского, задача которого, по его словам, состояла в том, чтобы продолжить работу, сделанную М. Джиласом [10], строй, установившийся в СССР, маркируется так же, как его принято было тогда официально в нём называть – «реальный социализм». Характеризуя последний как «не нереальный марксистский, а реальный советский социализм» [5, 99 и 18, 593–594], Восленский писал, что сущностью этого общественного порядка была «диктатура нового «класса “управляющих”»» [5, 82], то есть принятие решений и контроль над их исполнением, которое должно было быть беспрекословным [5, 423], осуществлявшаяся так называемой политбюрократией. Именно она держала в руках управление всеми сторонами жизни советского общества [5, 130, 622–623, 654]. Власть в СССР, писал он, «не советская, а номенклатурная. Это – диктатура, но не пролетариата» [5, 384 и 407, 593–596]. «Центрами принятия решений класса номенклатуры являются не Советы, столь щедро перечисленные в Конституции СССР, а... партийные комитеты разных уровней: от ЦК до райкома КПСС», в ней не названные.

«Они и только они принимают все до единого политические решения любого масштаба в СССР. Официальные же органы власти – лишь безжизненные луны, светящиеся [их] отражённым светом» [5, 127–128 и 122, 390]. В этих партийных, вернее же, директивных («лучшего наименования не придумаешь») структурах [5, 391 и 140–141, 389] в противоположность другим ведомствам не было юрисконсультов. «Номенклатура, – писал М. С. Восленский, – стоит над законом» [5, 129 и 1, 116] и не очень верит в него [10].

Позицию свою он объяснял следующим образом. Правление этакратии «по методу – “азиатский способ производства”. Если идентифицировать этот метод как социализм, то диктатура номенклатуры – феодальный социализм», порядок, ведущий к болотной застою в тех обществах, в которых он утверждается [5, 636 и 652; 3, 420]. Под «системой реального социализма» Восленский имел в виду государства, которые причисляли себя к социалистическим и официально относились к ним и странам некапиталистической ориентации в СССР [5, 596–597, 612]. Диктатура этакратии, писал он, «устанавливается обычно в индустриально слабо развитых странах. Тот факт, что эти страны участвуют затем в общем для всего нашего мира процессе индустриализации, не специфичен для реально-социалистического строя» [5, 636–637 и 1, 33, 192]. Под именем «пролетарских» в таких странах «происходят другие революции» [5, 596–597 и 612], при успехе которых в них складываются правления, повторяющие очертания теократических азиатских деспотий [5, 654, 657]. Говоря словами председателя Социал-демократической партии Германии в 1946–1952 годах К. Шумахера, «всемирный коммунизм – это всемирная реакция» [Цит. по: 5, 593].

Центром порядков, именуемых ими «социалистическими», является, писал М. С. Восленский, «партия», или «номенклатура», как они стилистически различно себя называют [5, 16, 547], – господствующий и привилегированный класс советского

общества [5, 154, 593, 654]. «Все члены класса номенклатуры являются формально служащими. Они занимают определённые – неизменно руководящие – посты в партийном и государственном аппарате» [5, 525] и обязаны быть коммунистами [5, 169]. Как государственная, так и колхозно-кооперативная собственность и собственность общественных организаций в действительности, писал он, принадлежат в СССР её номенклатуре, рассматривающей всё хозяйство страны как единый комплекс своей собственности [5, 181]. И эти «так называемые “формы социалистической собственности”... лишь формы управления ею» со стороны этакратии [5, 193 и 191]. «Ликвидация частной собственности» в России, по его оценке, фактически была переводом «всего имущества в стране в собственность господствующего класса номенклатуры», то есть в общеклассовую частную собственность последней. Известное исключение сделано было при этом лишь для разрешённого максимума «личной собственности граждан» [5, 194].

«Номенклатура – собственник коллективный», – подчёркивал он. «Ещё спартиаты были коллективными собственниками илотов», но они обходились без утверждений, что это – «преддверие коммунизма». «В социалистической собственности доли не покупаются и не продаются. Они достаются с включением в класс номенклатуры, увеличиваются или уменьшаются в зависимости от положения в иерархической структуре, а изгнание из номенклатуры знаменует собой лишение [такой]... доли. Ни в каком случае номенклатурщик не может получить на руки приходящуюся на него долю капитала. Но он регулярно получает поддающуюся в каждом случае довольно точному подсчёту сумму материальных благ» [5, 189], поскольку «за коллективным изъятием прибавочной стоимости происходит её индивидуальное присвоение» [5, 205–206]. М. С. Восленский отмечал классовую сплочённость этакратии [5, 423, 542] и то обстоятельство, что их общность воспринимается ею «не просто как отличная от

других классов общества, но как противостоящая им и имеющая право взирать на них сверху вниз» [5, 154]. Всё это не отменяло, однако, того, что даже высшая элита СССР – за исключением генерального секретаря, – старалась, по его словам, выглядеть равнобесцветной [5, 410]. Номенклатурные посты были много больше связаны с политически обусловленными милостями («политическими качествами»), чем с прагматически подтверждёнными заслугами («качествами деловыми»). На этом основывалось, писал он, и известное и характерное выражение середины советского времени «незаменимых людей у нас нет» [5, 91–93, 135]. Всё, что касалось этакратии, в СССР не разглашалось [5, 16, 120–121, 160, 593]. (Если, конечно, не считать официальной елейной лжи о «служении партии народу», опутывавшей всё вокруг, разорвать которую где-нибудь было очень трудно [5, 546–547]). Представление о классовых гранях при социализме, писал М. С. Восленский, этакратия старается лишить всякой определённости [5, 436].

«Поскольку... государство выступает владельцем всех промышленных предприятий, совхозов, фактическим хозяином колхозов и единственным в стране работодателем, по своему усмотрению устанавливающему уровень зарплаты и цен, оно получает возможность непосредственно изымать создаваемую в народном хозяйстве прибавочную стоимость. Прямое налогообложение населения в этих условиях теряет значение: оно составляет менее 10% государственных доходов. Свыше 90% доходов госбюджета СССР изымается, как принято говорить, “из социалистического хозяйства»» [5, 268]. «При реальном социализме состоять на работе заставляют... Условия труда и оплаты безраздельно определяет номенклатура. Она установила размер зарплаты для различных категорий трудящихся, и переговоры на эту тему не ведутся» [5, 276]. «В пределах страны [коммунистическое государство]... закрыло все пути заработков иным путем, чем работой на него. Выезд же за границу не разрешён» [5, 277]. «На

протяжении ряда лет трудящиеся СССР не имели права вообще переходить по собственной воле на другое место работы... Колхозники по-прежнему не имеют права покидать свои колхозы без разрешения». «Право трудящихся на забастовку до недавнего времени не признавалось – со ссылкой на то, что-де им незачем бастовать, ибо они работают на самих себя» [5, 275]. Всё это значит, писал М. С. Восленский, что «труд при реальном социализме отчётливо имеет принудительный характер», что люди при этом порядке снова живут в условиях внеэкономического принуждения к труду [5, 277]. Этакратия, считал он, представляет собой «класс, основанный на власти, а не на собственности, и соответственно, действующий методом внеэкономического принуждения» [5, 611 и 615]. Материальному стимулированию работников она предпочитает принуждение, кнут, а не пряник [5, 248]. (Полусвободный характер труда связан, по-видимому, и с характером социалистического планирования, которое, как отмечал Восленский, производится по количественным прежде всего, а не по качественным показателям [5, 224–225].) Как следствие всего этого, в СССР, словами Восленского, были «установлены два... различных уровня жизни: один для номенклатуры, другой – для трудящихся» [10 и 5, 256–257].

Об идеологическом воздействии здесь – с его «проповедью спайки и коллективизма» [5, 189] – М. С. Восленский писал, что им преследовалась цель «вдолбить в головы советских граждан определённые формулы, к которым бы они привыкли и знали бы, что говорить надо так, а не иначе. Речь идет не об убеждениях... а об установке». Последней были присущи две особенности. «Во-первых, советская пропаганда не делает серьёзных усилий с целью раскрыть... провозглашённые формулировки и лозунги, но... непрерывно их повторяет, ибо цель – не убедить и даже не разъяснить, а заставить людей затвердить [ту или иную] формулу. Во-вторых, неразрывная связь номенклатурной пропаганды с террором [здесь присутствующая].

Если кто-либо усомнится в правильности формулы или будет говорить что-либо отличное от неё, то его не убеждают, а наказывают» [5, 445]. Вообще же, на его взгляд, в тоталитарном обществе идеология является не самостоятельным, но лишь подсобным средством обеспечения интересов правящего класса [5, 181, 271; 10].

М. С. Восленский отмечал бросающееся в глаза сходство советского социализма с немецким национал-социализмом и итальянским фашизмом [5, 638] и перечисляет их общие черты. «Это возникновение в обществе нового господствующего класса – номенклатуры... обладающей монополией власти во всех сферах общественной жизни. Этот класс старается сохранить в тайне не только свою структуру и привилегии, но и само своё существование... Однопартийная система, при которой просто есть только одна партия, или же формально существующие другие партии являются лишь марионетками [правлящей]... На все ключевые посты в государственных органах, а также в профсоюзных, кооперативных, общественных и других организациях назначаются... номенклатурные чины. Это – диктатура номенклатуры... от вождя, окруженного культом личности, тайной полиции и лагерей, вплоть до искусства “социалистического реализма”» [5, 640–641]. (Он пишет о чувстве превосходства и духе «беспощадности к врагу, преданности и прочих эсэсовских доблестей», поддерживаемых в среде советских работников госбезопасности. «Именно эсэсовских: вся эта идеология полностью уместилась в известную гиммлеровскую формулу “Наша честь называется верностью”» [5, 428]. Эти люди, замечает М. С. Восленский, склонны считать, что «ни одному слову человека верить нельзя: никаких убеждений, кроме стремления лично получше устроиться в жизни... нет и быть не может, для осуществления же такого стремления каждый готов на всё» [5, 427 и 11, 264–265]. По его оценке, номенклатура вооружённых сил, как и милиции, находилась в подчинённом по отношению

к номенклатуре партии и госбезопасности положении; при том, что последняя вместе с военной номенклатурой являлась опорой власти этого класса [5, 178–181, 271].) И «как бы этот сплав ни именовался: национал-социализмом, реальным социализмом, фашизмом, – речь идет об одном и том же явлении – тоталитаризме» [5, 657]. «Партии фашистов, коммунистов, национал-социалистов – не левые и не правые: они – тоталитарные» [5, 647]. Именно поэтому, отмечал он, «в СССР [и] почти не было опубликовано исследований о национал-социализме» [5, 639].

В исследовании А. А. Зиновьева 1980 года «реального социализма» [9, 223] советского извода, определявшегося им как «коммунизм» – «словом “коммунизм”... я называю тип общественного устройства, какое можно было наблюдать в Советском Союзе... Восточной Европе, в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и других странах» [11, 468 и 298], – он писал: «Не раз приходилось слышать, что термин “коммунизм” неоднозначен... [и] что лучше говорить об обществе восточного или советского типа. Отчасти это так». «[Но] термин “коммунизм” здесь на своём месте» [11, 12 и 9–10]. Наиболее фундаментальными социальными связями этого общества являются, по его мнению, отношения субординации [11, 305–306; 9, 96], лежащие в основе его социального структурирования [11, 191, 318, 369–370], в форме которых передаются при этом порядке и доминирующие в нём отношения собственности [11, 155]. В оценке А. А. Зиновьева, этакратическое общество разделяется на привилегированную руководящую элиту, или номенклатуру, составляющую небольшую, но господствующую его часть [11, 180, 195; 9, 207], и непривилегированных простых людей [11, 154]. Принадлежность к верхам и низам, как правило, становится в нём наследственной [11, 178, 180, 372; 9, 232; 5, 175]. Различия между фактическим вознаграждением одних и других, писал он, в нём могут быть большими, нежели в классических капиталистических

странах [11, 19]. При этом общественном порядке имеет место «форма эксплуатации, в которой эксплуататором является не отдельный человек, а целый слой населения. Члены привилегированных слоев ощущают себя в качестве соучастников эксплуатации и дорожат этим. Существующий коммунистический строй есть их строй жизни и для них» [11, 206–207].

Эти люди, писал А. А. Зиновьев в 1990 году, имеют самые высокие в своей стране жизненные стандарты. В их распоряжении находятся все блага, достижимые в ней, и почти без денег, которые для них в значительной мере условны. «Их богатством являются не деньги, а... положение. На всех уровнях они связаны служебными и личными отношениями, круговой порукой, взаимными услугами. Они образуют правящие клики... зачастую перерождающиеся в уголовные... [Именно] они здесь хозяева. Они суть коллективный эксплуататор [этого] общества в своих интересах... [И] заботятся о прочих соотечественниках лишь в той мере, в какой рабовладельцы заботились о рабах, [а] помещики – о крестьянах» [11, 371 и 353]. (Коллективность собственности, отмечал он, не делает её собственностью нечастной, а лучше сказать – и просто несобственностью [11, 98–99].) Именно высшие, государственные, слои образуют в этакратическом обществе наиболее определённое подобие класса: «объединение людей, связанных единством интересов, образом жизнедеятельности и привилегированным положением» [11, 373]. Прерогативы и место государства при этой форме общественной интеграции были, считал он, и остаются наибольшими [11, 318]. Низшие страты в СССР, составлявшие большую часть населения последнего, в оценке А. А. Зиновьева, были раздроблены, общественно неактивны, имели низкий образовательный уровень; в некоторых же отношениях их состояние напоминало детское [9, 96; 11, 371, 373]. Этнически это большей частью были русские, о которых он писал: «За все годы советской власти [её] высшее руководство...

проводило фактически антирусскую политику. Русский народ в массе своей оказался в гораздо худшем [и трагически безвыходном (11, 422–423)] положении, чем все прочие нации [нашей страны]. Фактически происходило разрушение русского народа... и превращение его в множество разрозненных людей, разбросанных... и занимающих в основном низшие ступени социальной иерархии» [11, 377–378].

«Русская [Октябрьская] революция, – писал А. А. Зиновьев, – по своей социальной сущности была революцией чиновничьей... Миллионы всякого рода начальников, руководителей, партийных секретарей... стали [после 1917 года] господами положения, навязывая всему обществу свою идеологию и психологию, свой образ жизни, своё отношение ко всем аспектам [её]...» [9, 76]. Коммунистический строй, подчёркивал он, не есть продолжение и завершение капитализма, и в этой связи его утверждение в капиталистически отсталой России и ряде других сходных с нею стран случайностью не было [11, 300–302 и 51]. Этот классовый порядок [11, 421] складывается, считал А. А. Зиновьев, на основе отношений, которые он называл коммунальными [11, 21, 401]. При них большое число людей на протяжении многих поколений проживая вместе, сотрудничая и удерживая за собой определённые территории, вынуждается создавать стандартные объединения – коммуны и их союзы, характеризующиеся в первую очередь отношениями субординации [11, 20, 59–60, 77, 95, 300, 302, 470], почему и «термин “коммунизм” здесь подходит лучше, чем любой другой» [11, 21]. (Перечисленные условия со всей определённостью отвечают, на мой взгляд, специфике раннеклассовых земледельческих обществ.) И «реальный коммунистический строй есть прежде всего и по преимуществу способ выживания в предельно трудных условиях... а не способ достижения некоего общества всеобщего благополучия» [11, 465].

А. А. Зиновьев писал, что средства, которыми этакратическое общество переводит экономику

на свойственный ему уровень и удерживает её на нём, суть средства неэкономические, как то: принудительность труда [11, 59, 107, 114–115, 117], его (полу)рабские формы [11, 11–12, 118, 208–209], закрепощение людей [11, 59, 141, 342], их низкая заработная плата [11, 309, 342], минимизация средств потребления [11, 194], привилегированность приоритетных производств, хищническая выработка естественных ресурсов [11, 349] и т.п. «Возьмём, например, принуждение к труду. По идее гражданин коммунистического общества имеет только одну возможность приобрести средства существования, а именно – работая в каком-либо первичном [деловом] коллективе... Он должен быть прикреплен к какому-то коллективу. Человек, не прикрепленный к коллективу, опасен для общества. Его поведение трудно контролировать... Той же цели служит форма вознаграждения за труд. Уровень вознаграждения должен быть таким, чтобы... [он] не смог сделать больших сбережений, которые позволили бы ему оторваться от коллектива. Человек должен быть закрепощён... [И] занят настолько, чтобы у него не оставалось времени, сил и средств на деятельность, угрожающую установленному порядку... Аналогично обстоит дело с прикреплением граждан к месту жительства. Нормой здесь является то, что получение жилья и улучшение жизненных условий зависит от коллективов и от властей. Здесь государство и коллективы распоряжаются жильём фондом, и это становится сильнейшим средством контролировать людей» [11, 341–342 и 56, 136, 289].

О так называемой коллективизации в русской деревне, свидетелем которой он был, А. А. Зиновьев писал, что по существу она представляла собой закрепощение крестьянства [9, 20]. Жизнь крестьян в коллективных хозяйствах была, по его словам, полуголодной, оплата – почти отсутствующей, а работа – очень тяжёлой [9, 22, 31–32, 86, 148]. «Год колхозной жизни в наших местах, – вспоминал он о второй четверти прошлого века, – я приравниваю по крайней мере к году

исправительных лагерей» [9, 22]. «[И после этого] описания сталинских лагерей на меня не произвели [уже] сильного впечатления» [9, 32]. Полное безразличие к тому, что делалось в колхозах, обезлюживание деревень, моральное оскудение людей, которым некуда было из них бежать, и прочие «общеизвестные явления привычного теперь советского образа жизни», последовавшие потом, подвели под этим черту [9, 14, 31–32], не перечёркнутую и поныне.

В социалистическом обществе предприятиям, отмечал он, нет необходимости быть экономически рентабельными, однако они должны удовлетворять определённым внеэкономическим требованиям [11, 345]. «Коллектив вообще может заниматься никому не нужным делом. Его продукция может просто пропадать. Но раз он официально признан ... члены коллектива получают свою долю [государственного] вознаграждения [11, 310]. «С чисто экономической точки зрения все сто процентов коммунистических предприятий, взятых по отдельности, являются нерентабельными. И всё же они существуют. Какие из них считать ... нерентабельными, это решают управляющие органы», – парафразируя и дополняя изложенное в 1980 году, писал он позднее [11, 345 и 221]. Работники этих коммун, не имея отношения к собственности на средства их деятельности, не воспринимают их дело как своё и не заинтересованы в его должном выполнении, работая постольку, поскольку это достаточно для видимости работы [11, 98, 126–127, 186, 309, 353–354]. Лучшие сотрудники здесь сплошь и рядом не имеют как следствие этого каких-либо преимуществ [11, 106]. В лучшей работе коллектива бывает, писал Зиновьев, заинтересовано его руководство, да и то не всегда и до известных, официально установленных, пределов [11, 82, 163, 192]. И чаще продвижение по службе бывает успешным за счёт кажущихся, а не действительных успехов учреждения [11, 311]. «Коммунистическое общество, повторяю, есть общество плохо работающих людей» [11, 120, 108, 353–354]. «Судьба ком-

мун, – отмечал он, – мало зависит от того, хорошо или плохо работают её отдельные члены. Коммуна имеет очень слабую степень независимости от других коммун в своей деятельности. Её функции, доля и характер производимого продукта ... здесь строго определены. И коммуна не в силах изменить [это] своё положение» [11, 186 и 192]. В социалистической экономике, писал А. А. Зиновьев, судьба деловых групп не связана с результатами их работы, что крайне ослабляет отношения конкуренции, но делает очень влиятельной привентацию [11, 193, 346; 9, 253] – отношения препятствования, предполагающие соподчинённость сторон, – весьма отрицательно сказывающуюся на деловых возможностях коммун [11, 132–134, 307–308]. «Цель привентации состоит не в том, чтобы выделиться из массы прочих членов общества за счёт лучшего выполнения данного вида деятельности, как это имеет место в случае конкуренции, а в том, чтобы помешать индивидам выделяться именно таким образом, низводить [их] ... до некоего средне-общественного уровня» [11, 132].

Эта форма общественной интеграции – «коммунизм как объединение множества таких однообразных коммун» [11, 95], – в его оценке, ведёт к безынициативности, бесхозяйственности, потерям средств, низкой производительности труда [11, 193, 296] и другим подобным явлениям, позволяющим утверждать, что «коммунистические страны неспособны догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом (и вообще деловом) отношении» [11, 222]. По ряду причин, важнейшими среди которых были военно-политические, СССР, писал он, был «вынужден тянуться за Западом в сфере технологии. Своими силами подняться на уровень Запада в этом отношении ... И в смысле материального уровня жизни коммунистические страны неспособны». Какими-либо объективными стимулами экономического прогресса они, по оценке А. А. Зиновьева, не располагают, и если бы не было Запада, ни о каком подъёме экономики в них не было бы, писал он в 1990 году,

и речи [11, 349–350]. И в сопоставлении: идеологически так называемое капиталистическое окружение устойчиво рассматривалось в СССР как несшее ответственность за те стороны жизни в этой стране, которые вызывали недовольство её простого народа [11, 260–261, 361].

Территориальные власти в СССР – советы – формально являлись свободно избиравшимися, на деле же, писал А. А. Зиновьев, их депутаты отбирались и фактически назначались партийными структурами, ставшими после Октябрьской революции высшей властью в России. Во всех своих звеньях территориальные советы находились под контролем коммунистической партии, а их руководители были членами её параллельных комитетов [11, 214–215, 320]. «На высшем уровне они выполняют законодательные функции, но опять-таки чтобы скрыть тот факт, что соответствующие законы, решения, постановления уже были одобрены [высокими] партийными органами. [И] в принципе [подобная] система власти может обойтись [и] без советов» [11, 326–327]. «Есть два способа и два аспекта воспроизводства системы власти и управления: 1) отбор кандидатов и назначение на посты сверху; 2) выборы путем голосования из числа кандидатов, выдвигаемых снизу. Для коммунистического общества характерным является первый способ. Второй играет роль подчинённую, санкционируя предreshённые результаты первого и маскируя его» [11, 330 и 181].

В оценке А. А. Зиновьева, система власти в СССР в основном представляла собой иерархически структурированную «совокупность комитетов партии, начиная от низших (районных ...) и кончая высшим» [11, 323 и 211–212], в которой «районный комитет партии является стержневой частью власти в районе, областной – в области, и так до самого верха. Но... на уровне [коммунальной] ... властью является уже ... дирекция учреждения». «На уровне районной власти можно заметить тот перелом в партийной структуре, который свидетельствует о качественном различии

партийного аппарата власти и партии как множества [её] рядовых членов» [11, 212 и 167–169]. Так называемая партия разделяется в такой стране на «множество ... партийных организаций в первичных коллективах и практически независимый от них партийный аппарат... [Второй из них] есть часть государственного механизма, причём – стержневая» [11, 321 и 323–324]. В коммунистической партии состояла в СССР почти вся официально руководящая – этакратическая – часть общества [11, 166, 171]. На низовые руководящие посты в нём привлекались, писал он, самые средние, с безупречными, по мнению верхов, анкетами лица. Номенклатура высших рангов отбиралась из числа руководителей низших уровней по тем же правилам. Это давало преимущество людям посредственным и, кроме того, наименее связанным соображениями морали [11, 81–82, 85–87]. «Образовательный и интеллектуальный уровень массы представителей [коммунистической] власти значительно ниже образованной и творческой части населения. Однако он выше уровня большинства населения страны», – писал А. А. Зиновьев в этой связи в 1990 году [11, 334 и 157]. Он отмечал, что этакратическая власть поддерживает в своей среде отношения круговой поруки [11, 158, 224] и что разногласия в ней весьма нечасто доводятся до раскола [11, 259–260].

«Все формы власти в коммунистическом обществе и все лица, причастные к власти и имеющие какую-то власть, не гнушаются никакими средствами (способны на всё), если это дает желаемый результат и не наказуемо достаточно сильно... Этому принципу подчиняется и государственная власть коммунистической страны в целом. Если руководство страны сочтет какую-то операцию нужной и сравнительно безопасной, ничто внутри общества не способно остановить его от осуществления этой операции, какой бы... безнравственной и жестокой она ни выглядела» [11, 158–159 и 264]. Идеология этакратического порядка оправдывает любое его поведение [11, 83, 237].

Общегосударственное общественное мнение, влияющее на него, здесь, в оценке Зиновьева, отсутствует [11, 185]. По указанным причинам «коммунистическая власть имеет ограничения своему произволу лишь во внешних препятствиях и в своих возможностях преодолевать их» [11, 159]. Отметим также, что отказ от содействия ей Зиновьев рассматривал как одно из условий несоциалистически-морального поведения [11, 264].

Весьма значительную роль играют в коммунистическом обществе, по мнению А. А. Зиновьева, его идеологические структуры. Затраты на них он считал сопоставимыми с расходами, например, на военное дело [11, 241–243]. Идеология, советскую марксистскую форму которой Зиновьев находил лицемерной и лживой [11, 130], хотя и не обязательной [11, 37, 243], обеспечивает, по его словам, определённое поведение людей в известных обстоятельствах, а именно такое, которое желательно для господствующих кругов этакратического общества [11, 243, 257, 275]. Задачей её является и контроль за всем тем, что происходит в области духовной культуры, запрет того, что не согласуется с их интересами и поощрение того, что им соответствует [11, 246].

Коммунистическое общество, в оценке А. А. Зиновьева, есть общество нормативное, но неправоное [11, 238]. Законность в нём основывается на вариативно-установочных, а не на формально-правовых началах [11, 236]. (Установки, по объяснению Зиновьева, суть ориентировочные решения коммунистических властей [11, 230–232]). В нём, по существу, отсутствует равенство перед законом этакратических и неэтакратических страт, правоприменение произвольно, а процедуры судопроизводства позволяют нарушать принципы права в любом из его звеньев. Здесь власть во множестве случаев санкционирует предание и непредание суду тех или иных лиц, предписывая при этом и меры их наказания [11, 239–241].

В том же отношении, в каком оно не является правовым, не является это общество, в его оцен-

ке, и моральным. «Коммунистическое общество стремится быть моральным в смысле своей идеологии... и делает всё для того, чтобы разрушить... остатки морали личностной» [11, 261 и 264]. Первое, в его объяснении, значит следование правилам коммунальности, вынуждающим избегать опасности и из всего извлекать выгоду [11, 64, 264]. («Идеологическая основа», на которой они складываются... – писал об этом А. А. Амальрик, – это стремление к материальному благополучию... и инстинкт самосохранения, т.е. понятию “выгодно” противостоит понятие “опасно”. Трудно понять, имеются ли у большинства нашего народа, помимо этих чисто материальных, какие-либо нравственные критерии – понятия “честно” и “нечестно”, “хорошо” и “плохо”... которые являются сдерживающим и руководящим фактором, когда рушится механизм общественного принуждения и человек предоставлен самому себе. У меня сложилось впечатление, быть может неверное, что таких нравственных критериев у народа нет или почти нет. Христианская мораль... выбита и выветрена из народного сознания, делались попытки заменить её “классовой” моралью, которую можно сформулировать примерно так: хорошо то, что в настоящий момент требуется власти. Естественно, что [они]... деморализовали общество и лишили его каких-либо несиюминутных нравственных критериев» [2, 33–34].) «Коммунизм – это прежде всего общество плохо поступающих людей» [11, 72]. (О людях его поколения, ориентировавшихся в СССР на высокие нравственные принципы, А. А. Зиновьев писал, что большинство их погибло – на войне или в лагерях [9, 50–51]. При том, что работникам госбезопасности, напротив, создавалась тогда в нашей стране, по его словам, такая репутация, что они «казались воплощением ума, честности, смелости, справедливости и благородства» и «пользовались высшим доверием народных масс» [9, 73, 163].) То, что вне его считается предосудительным, в нём может таким и не быть [11, 65, 72, 142, 265]. В социалистическом

обществе люди не верят в моральные качества других людей и не надеются на них [11, 265]. Обычным состоянием по крайней мере значительной части их является, считал он, и недоброжелательность по отношению к другим [11, 125, 285]. «Здесь люди... воспитываются так, что лишь немногие... оказываются способными быть моральными личностями, да и то не всегда» [11, 264].

В оценке А. А. Зиновьева, социалистический порядок тяготеет к стандартному безличностно-му состоянию («предпочтенье, отдаваемое безличью перед лицом» [12, 152]) [11, 65, 137, 142–143, 150, 154], «незаменимых людей [в котором] нет» [11, 75, 143], где просто меняют близких в том или ином отношении людей, ибо важна только функция, которую может выполнить любой подходящий человек [11, 143, 269], и лучше быть «как все» [11, 78; 9, 266]. «Возвышение над средним уровнем даёт [здесь]... мало преимуществ, а чаще оно вообще порождает дополнительные неприятности. В общем и целом положение рядовых граждан и руководителей зависит не от превосходства над другими в данном виде деятельности, а от других факторов, в том числе – и от способности не выделяться... Преобладающей [же] в обществе становится тенденция к посредственности во всех формах деятельности» [11, 133]. В его оценке, этакратический порядок не в последнюю очередь характеризуется насильственностью, ложью и однообразием, с ним связанными [11, 65, 264–265, 342–343; 9, 224]. «Доминирующим состоянием жизни коммунистического общества является унылость, серость, скука, но облечённые в форму официальной бодрости, праздничности... Здесь всё серо... Всегда и везде одно и то же... однообразно и заранее предсказуемо» [11, 282]. И «даже на высших уровнях за всё приходится платить определённой формой поведения, наводящей тоску» [11, 283].

При благоприятных условиях и отсутствии внешних влияний общество реального социализма со временем может, полагал он, принять сле-

дующий вид: «Население страны будет прочно закреплено за определёнными территориями, а на них – за определёнными учреждениями. Перемещения будут производиться только с разрешения и по воле руководящих инстанций... Принадлежность к [тому или иному] слою станет наследственной... Часть населения будет регулярно изыматься... для особого рода [производств, обращаясь в «работников, которых общество вырывает из естественной среды и принуждает трудиться в условиях... близких к условиям рабского труда» (11, 12 и 208–209)]... Строго регламентировано не только рабочее, но и свободное время... Регламентированы все средства потребления... Главе партии будут воздаваться божеские почести. Вся творческая деятельность будет деперсонифицирована. Продукты творчества будут обозначаться именами директоров, председателей, заведующих учреждениями... Однообразие мыслей, желаний, целей, действий... Бездуховное развлекательное искусство. Все достижения науки и техники будут использоваться привилегированными слоями в своих интересах... Разница в образе жизни между господствующими слоями и прочими будет подобна разнице в образе жизни между жителями... фермы и животными, которых они разводят. О “трудящихся” будут заботиться на тех же основаниях, на каких заботятся о животных. Идеологическое засилие... Ложь, насилие над личностью, подлость будут пронизывать [всё]... “Временные трудности”, т.е. специфически коммунистические кризисы, выходом из которых будут массовые репрессии [и]... войны. Население будет обречено на мелочную борьбу за существование... [Но] пресекать [ся будут даже]... намёки на [его] неповиновение» [11, 436–437].

Все значительные преобразования здесь, писал А. А. Зиновьев, осуществляются как решения сверху и являются вынужденными [11, 288–289, 334]. Тем не менее этакратическое общество стабильно в высокой степени и едва ли может быть разрушенным изнутри [11, 275–276]. Этот порядок, полагал он,

«может рухнуть в какой-то коммунистической стране лишь вследствие вмешательства извне, а именно – со стороны западных стран» [11, 440].

Большая половина тех авторов, чьи развёрнутые оценки советского социализма приводятся здесь, были из России (А. С. Ланде, П. А. Сорокин, Р. Ю. Виппер, И. П. Павлов, Н. А. Бердяев, А. Д. Сахаров, М. С. Восленский, А. А. Зиновьев). Меньшая – из Великобритании (Б. Рассел), Румынии (Х. Г. Раковский), Австрии (О. Машль), Италии (Б. Рицци), Германии (К. А. Виттфогель) и Югославии (М. Джилас). Почти все они какое-то время были близки к социалистам (Ланде, Рассел, Сорокин, Бердяев) или даже являлись коммунистами (Раковский, Машль, Рицци, Виттфогель, Джилас, Восленский, Зиновьев). Большая их часть со временем была вынуждена оставить свои страны по невозможности оставаться в условиях установившихся в них социалистических (Ланде, Сорокин, Виппер, Бердяев, Восленский, Зиновьев), фашистских (Рицци) или национал-социалистических (Виттфогель) порядков. (По оценке Ю. И. Семёнова, именно исследователи диссидентского толка, жившие за пределами СССР, включая тех, которым в своё время пришлось покинуть его и которые в той или иной мере использовали в своих работах марксистские подходы, ближе всего подошли к наименее противоречивому решению вопроса о характере общественного строя социалистических стран [13, 5–6].) Почти все они (за исключением Рицци) жили какое-то время в России после установления в ней комму-

нистического правления или бывали в ней после 1917 года. Ввиду этого их оценки советского социалистического строя, представляющие собой аттестации его очевидцев и высоко образованных людей имеют очень высокую значимость. Намеренное и полное замалчивание этих оценок в СССР может рассматриваться как подтверждение последнего и с коммунистической стороны.

В материалах, приведённых в этом разделе, очевидна множественность сетчатых, перекрёстных совпадений его контента. Это не значит, что взгляды их авторов по рассматриваемому здесь кругу вопросов определённо близки – в широком концептуальном смысле, во всяком случае. Но это, мне кажется, значит, что их отношение к вопросам этого круга подтверждает те общие характеристики социалистического строя, которые в настоящей работе, из нескольких статей складывающейся, отчасти уже изложены. Закончим её второй раздел словами О. И. Шкаратана: «И Б. Рассел... и М. Джилас, и многие другие обращали внимание на сходство сущностных черт так называемого советского социализма и той системы, которую К. Маркс называл “азиатским способом производства”... Сходство действительно обескураживающее. Россия относится к евразийской цивилизации, которая существенно отличается от европейской» [14, 86].

Выводы приведены с учётом материалов как второй, так и первой части раздела, а именно «Восточные характеристики советского социализма в оценках того времени (1)».

Список литературы:

1. Джилас М. Новый класс [Критика современного коммунизма] / пер. – Н.-Й.: Изд-во Ф. А. Прегер. 1961. – 246 с. (Джилас М. Новый класс / пер. Е. А. Полак // М. Джилас. Лицо тоталитаризма. – М.: Новости. 1992. – С. 159–360.)
2. Амальрик А. А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? – Амстердам: Фонд им. Герцена, 1970. – 71 с.
3. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. – New Haven – L.: Yale University Press. 1957. – XIX, 556 p. (Виттфогель К. А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование)

- дование тотальной власти / пер. А. А. Страхова. 2017.– URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml#translator (обращение: 7.12.2017).)
4. Сахаров А. Д. О стране и мире. 1975 // Работы А. Д. Сахарова.– URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_32.html (обращение: 1.8.2018)
 5. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.– 2-е изд.– Л.: Overseas Publications Interchange. 1990.– 671 с.
 6. Сахаров А. Д. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления.– Л.: Советский писатель. 1990.– 128 с.
 7. Сахаров А. Д. Интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Улле Стенхольму.– 1973 // Работы А. Д. Сахарова.– URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_27.html (обращение: 1.8.2018).
 8. Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза.– П.: YMCA-Press. 1974.– 51 с.
 9. Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. 1988.– 282 с.– URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/textsudba.pdf> (обращение: 1.8.2018).
 10. Класс господствующий и обречённый [Интервью М. С. Восленского М. В. Назарову] // Посев. 1984.– № 11.– С. 28–33.
 11. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма.– М.: Центрполиграф. 1994.– 498 с.
 12. Поливанов М. К. Направление перемен // Из-под глыб.– М.: YMCA-Press. 1974.– С. 151–157.
 13. Семёнов Ю. И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. 1993.– № 20.– С. 5–105.
 14. Шкаратан О. И. Исторические факторы формирования социально-экономической системы советской и постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007.– Т. X. № 2.– С. 85–98.

*Solmaz Azay kizi Sadigova,
associate professor of bibliographianship department
Ph.D., on History,
Baku State University Azerbaijan
E-mail:solmaz_bdu@mail.ru*

INITIAL RESOURCES ON SOCIO-POLITICAL INFORMATION

Abstract: Modern society has an impact on all spheres of public life in global processes. This information is a fundamental factor for the survival of the transformation process of the main features of the community. The main feature of this information is a fundamental factor for the survival of the transformation of society. Resource means a variety of reserve funds and sources. In modern society, material, raw materials, energy, labor and financial resources, as well as information resources are available. In addition to information resources, any resource additionally disappears. For example, the burned fuel ends, Funds are spent, and so on. The information resource “never ends”, you can use a lot. One of the information resources is socio-political information resources. There are 2 types of sociopolitical information resources: 1. Primary social information resources; 2. Secondary social information resources. Printed source documents play an important role in the development of socio-political information resources.

Keywords: socio-political, information sources, primary sources, information provision.

Resource is the source of stock of the different means. There are resources of adjoining information resources of raw material, energy, labor and finance in the modern society too. Another any resources from information resources disappears during use. For instance, fuel burnt and finishes, finance means is spent and. But information resources do not finish, they are a lot of to use. One of such information resources is socio-political resources. There are 2 kind of socio-political information resources: 1. Initial socio-political information resources; 2. Second socio-political information resources [3].

Printed primary documents have a main role in development of socio-political information resources. In the primary sources printed about information resource 46 covers of the multivolume of “Our independence is eternal” is necessary (1997–2013). Responsible to issue of the publication is Chief of the President Administration, academician Ramiz Mehdiyev [5].

Examples of primary documents is Zahid Qaralov’s book of “Ideology and morality”, which is 484 pages and has been printed in the publishing house of “Legal literature”. Author has dedicated book to the 85 annual of historical personality, big ideologist, social and political figure Heydar Aliyev’s being born.

The publishing house of “DA publishing” of Turkey has printed the book of “Heydar Aliyev and national politics” of Hidayat Orujov in the Turkish. As the present to speaking turkish languages readers this book open with “Twin brother” named front word of the author. National-spiritual roots of Azerbaijan-Turkey relations have been remembered to reader in the first word address, in the directions of conceptual thoughts of “Azerbaijan’s happiness is our happiness, Azerbaijan’s sorrow is our sorrow” saying Ataturk, “We are two states, but is one nation” saying Heydar Aliyev’s has been touch the some aspects of present-day connections.

We shall be able to show resources printed about to other areas of some science. For instance, R. Mehdiyev's Philosophy.School supplies. It has been printed in publishing house of "East-West" in 2010 consisted of 360 pages. Independent scientific subject (discipline) and system commentary of the philosophy spiritual activities area of the people including subject (theme) of the philosophy, it's methods, purpose and duties, wide conversation about base conceptions, categories and currents are opened in this school supplies. At the same time by introduction to the philosophy in the book, of the philosophy, including philosophy bases of the modern philosophy, history of the philosophy of the East, political philosophy, philosophy of the history are commented. Problems of Azerbaijan's philosophy in ancient and the middle ages, the formation of Azerbaijan's philosophical thought in centuries of XIII–XX are separately looked. Edition has been intended for students, teachers, all readers who interested in philosophy. The second edition of the book has been prepared with request of the staff of teacher and student of the higher schools. Book has been recommendation by the Ministry of Education of Azerbaijan Republic for higher schools as school supplies.

Sources on Azerbaijan history about the history. The second edition. Decorator and editor: doctor of history sciences, professor honored scientist worker Suleyman Aliyarli. Very necessary documents surrounding the time from ancient times until XIX century's 70 years and the selects from description aspect text are included this book.It has been printed in 2004 is consisting of 400 pages. Other book about history is Ogtay Afandiyev's "Azerbaijan Safavilar State" which has been published in the publishing house of "East-West" in 2007 consisting of 344 pags. This is interesting scientific monograph about Shah Ismayil Khatai who has created the glorious pages of our national statehood's history, created boundaries of the whole Azerbaijan, has raised our mother tongue-Turkish to the state level. This book has been devoted the brightest and grandiose time of the his-

tory of Azerbaijan people, the history of Safavilar or Gizilbashlar State created by I Shah Ismayil Khatai. Author first benefiting from persian sources, also rare manuscripts, sources and investigation in Europe, has commented system of Safavilar State, political history of Safavilar State, it's social-economic system, office system, army system and etc. problems.

Decisions elected of the European Human Rights Law-Court. III cover. Baku, "Zardabi LTD" MMC Publishing Establishment, year of 2007, 294 pages.

Book has been printed by office in the Azerbaijan Republic of European Council.Editor: Intiqam Aliyev.It is next gift to reader in the area of translation to the Azerbaijani of the decisions elected of the European Human Rights Law-Court of Baku office of the European Council of presenting collection.Means has been intended for advocates work with practise (judges, advocates and others), representatives of the state organs and work with defence of the human rights and problems.

Printed about pedagogy has a main importance too. "Application pedagogy" of Nuraddin Kazimov has been printed in the publishing house of "Chash-ioghlu" in 2010. Rzayev O.H., Mammadov S.M., Ismayilov Ş.N., Bases of Education's Control (school supplies). Baku, Mutarjim, 2010. Damirov A.H., Mammadov S.M., Ismayilov Sh. N. New training technologies and modern lesson. Baku, 2007 and so on.

Economy is one of main branches in this area. F. Rasulov and G. Ibadoghlu has printed "Bases of economics" named school supplies consisting of 200 pages in the publishing house of "Science" in 2004. In this book introduction of economy, basic conception and principles of the microeconomics, macroeconomics and international trade are presented, economic categories, events and laws are commented which are very important to learn modern economic knowledges. In the school supplies basic theses of the classic and modern economical theories, market's economics basic conceptions, comments of the often using terms in studying economics too, selects from the economical thoughts history,

tests and separated for discussion to questions have a large place. This book has been invented for other economical high school's students, colleges, lyceums and school's pupils, teachers who teach the subject of «Introduction to the economy». Persons which wanted to learn the economy from the book in the independent will be able to use [5].

Bases of the activities commerce named (textbook)- has been printed in 2010. "Bases of activities of commerce" named textbook has been printed by chair of "Trade" with economy scientific doctor, professor Pashayev Karim Pasha administration and editing. In the textbook factors defining the maintenance of the new time and development directions of world's politics are explained, world-wide problems, maintenance and base of global processes are explaining. Textbook had been intended economy of world, politics of world, right, history etc. for the magistrates and wide reader mass of students of higher school specializing.

"National crime right and crime legislation of Azerbaijan Republic" named new textbook has been printed. This book has been prepared by the Lawyers

Confederation of Azerbaijan (LCA) together Germany International Law Cooperation of the federal the Ministry of Justice. Printed in 2012 textbook's author is Baku State University's international general law chair teacher of the law faculty, philosophy doctor for law Rahim Mammadov. Book have been devoted to the analysis of the theoretical and practical problems of the mutual relation of international criminal law and crime legislation of the Azerbaijan Republic. Principles of conceptions about the essence of the modern international criminal law, its posts have been looked through in the book. At the same time, international criminal law and a few number of offers which have directed to improve of the mutual relations of the crime legislation of the Azerbaijan Republic have been reflected in the book. Book have been intended to international lawyers, teacher and students of the law faculty, judges, public prosecutors, any persons being was interested in international criminal law.

This primary resources are play a important role in the information supply of specialist's adjoining creating second information resources.

References:

1. Справочник библиографа, 4-е изд., испр. и доп. науч. ред. Г. Ф. Гордукалова, Г. В. Михеева. – М.: Профессия, 2014. – 768 с.
2. Sadigova S. A. Primary resources on socio-political subjects as an object of bibliographysation [Mətn] // Azərbaycan Milli Kitabxanasının Elmi Əsərləri: bur.7. – Bakı, 2015. – P. 180–182 (ingilis dilində).
3. Sadigova S. A. Information resources on the works of prominent political and public figures of Azerbaijan // Kitabxanaşünaslıq və biblioqrafiya: elmi-nəzəri, metodik və təcrübi jurnal, – Bakı: Mütərcim, 2016. – No. 1. – (38). – P. 71–78. (ingilis dilində).
4. Sadigova S. A. Socio-political information resources: Methodical instructions. – Bakı: Mutarjim, 2016. – 96 p.
5. Sadıqova S. A. Information resources on state and law // Kitabşünaslıq və redaktor sənəti: Elmi-nəzəri və təcrübi-metodik jurnal. – Bakı: Bakı Universiteti Nəşriyyatı, 2018. – No. 1(6). – P. 97–102.

Section 5. Cultural studies

Szu Han Wang,
Instructor of Language Center
National United University
E-mail: szuhan@nuu.edu.tw

IRREMOVABLE RACIAL HERITAGE IN GISH JEN'S TYPICAL AMERICAN

Abstract: In *Typical American*, Gish Jen narrates after the Second World War, how the new generation of immigrants gropes after the sense of identification between Chinese and American culture, and how they construct identity. Through the Chang family's value emerging from the struggling between Chinese Confusion Orthodoxy and American mainstream culture, the definition of "typical American" gradually appears in this novel. Definitely, the author does not highly praise or subjectively denounce either Chinese or American philosophy; instead, she asserts that in the process of constructing culture identity, both Eastern and Western's advantages should be absorbed. This paper tends to discuss how the Changs are substantially assimilated by the American culture, and why Chinese heritages are irremovable in the aspects of typical Chinese philosophy concerning the philosophy of success and conservative family tradition.

Keywords: Gish Jen, Culture heritage, Typical American, identity construction.

In the novel, *Typical American*, the author seldom stresses the elements of Chinese traditional legends or histories. Although the author marks that this is a novel regarding American ethnical culture, the shadow of traditional Chinese heritage can be detected everywhere. In the process of being Americanized, the Chinese values constantly affect the Changs' attitude toward life.

Influenced by the culture of the Western middle class, the main characters, the Changs are spiritually and materially assimilated by Western main stream. In an interview, Gish Jen presents how she deals with the writing materials relating to the Changs and the images of typical Americans,

I wanted to challenge ideas of what a "typical American" looks like, to put forward the

idea that the Changs are not any less American than anyone else. There are people who, when they choose to read ethnic writing, want comfortably exotic stuff that makes them feel like they're traveling in some foreign country. The Changs, though, are not a foreign country. They wonder about their identity: they ask themselves who they are, who they're becoming. And therefore, they are American [2, p. 115].

Handling the plot with regard to Eastern and Western's integration, Jen stressed the significance that the Changs are Americans. Materially, the Chang Family try their best to keep in step with Whites. Embracing own vehicles and houses in suburbs is their cardinal goal in life. As the dominant

consumer goods, Mobiles supply them with the chance to freely move in American territory for the sake of imitating Americans' life. For striving for their own space, houses play the significant role to prove that they have the same life and status as the master social members. In dwelling, the family enthusiastically sell old houses and even borrow moneys for purchasing bigger and newer houses. As a neighbor in the white community, Helen imitates white families to decorate their house with lawns to prove that their material condition absolutely have no difference from others for becoming "typical Americans." Besides, Ralph's individuality has been molded by Grover's celebrating American dream step by step. Ralph not only imitates Grover's behavior but spirit that asserts some day, one can rise in life by one's own efforts and become a millionaire because he trusts that anything could become possible in America. Such belief concerning successful life makes Chang family typical Americans who are spiritually assimilated, too. Besides Chinese New Year, they also let Christmas as their important reunion day. All family members feel accustomed to think and speak in English and sometimes try to use idioms in Chinese. They freely switch such two languages, English and Chinese, and surprisingly find that America is just like a paradise for them to make their dream come true. At the former part of this novel, readers can tell that Chang Family have almost been assimilated by the spirited Western culture but at the later part, what has been concealed in these families heart, Chinese culture, will be delivered.

In Asian American literature, Gish Jen switches the image of Chinese Americans from disadvantaged laundry, restaurants and railroad workers to the middle class due to the reason that after the Second World War, most Chinese immigrants, whose living environment is not merely limited in Chinatown, obtain more opportunities to improve their life and to be educated. In presenting the process of being Americanized, the protagonist, Ralph is

a typical representative not only struggling to surmount the obstacles resulting from the conflict between Western and Chinese cultures but pointing out how Chinese heritages are irremovable in his families, including Helen, Theresa and himself. Seemingly, American culture represents the Western side and Chinese culture stands for the Eastern side. In *Typical American*, heterogeneity between Chinese and American culture is also emphasized, such as the depiction as follows, "The way Americans in general like to move around, the Chinese love to hold still; removal is a fall and an exile" [3, p. 61], just resembling another contrast idea that Chinese culture concentrates on the union of family, and American culture asserts the essence of individualism. On account of the phenomenon that different cultures result in dissimilar values, Ralph transfers his life goal from being an outstanding professor to a wealthy businessman. In American dream, the specific manifestation of Western value of success, how much fortune one can make becomes the standard to judge if one is successful or not. This is the reason why Ralph decides to give up his academic status, which is not the symbol of American success, and follow the business step of Grover, the third generation of Chinese American immigrants.

Apparently, Chinese philosophy of success stands on the opposite side from American one. As to Chinese philosophy of success, people yearn for acquiring scholarly honor overseas and returning hometown in glory because in traditional Chinese concept, "to be a scholar is to be the top of society." Ralph, whose father is an government officer and a scholar, grows up in Mainland China and in 1947, goes to America for obtaining doctor's degree in engineering. Under the influence of Chinese traditional value, Ralph's target of studying abroad is to be an excellent scholar. At the initial part of this novel, the author depicts much in Ralph's diligence and active attitude. On the boat sailing to U.S.A., he sets two goals for himself: one is being the first in his class and

the other is never going back to hometown without obtaining doctor's degree. Besides, "a list of subsidiary aims" are written:

I will cultivate virtue. (a true scholar being a good scholar); I will bring honor to the family; I will do five minutes of calisthenics daily; I will eat only what I like, instead of eating everything; I will on no account keep eating after everyone else has stopped; I will on no account have anything to do with girls [3, p. 6].

These aims above reflect Chinese's philosophy of success. Considering the issue of success, Chinese think more about family than themselves. In second aim, Ralph equivocally shows that his success would be brought honor to the family instead of himself. In the former part of this novel, Jen presents how arduous Ralph is to get the scholar degree and honorable occupation to be a professor. At the moment of becoming a Doctor of engineering, he is so excited to hope that his parents could be there. When coming home, after Helen and Theresa hang pictures on the wall, Ralph cries again and calls his dead parents' name again. Moreover, when Theresa earns the degree of MD, the similar plot happens again about how they appreciate their parents' raising them. However, in Chinese conservative culture, children are almost live under parents' anticipation and Ralph is a typical instance. While anxiously waiting for the announcement regarding if he is qualified to be a lifelong professor, "Ralph had talked himself out of wanting to be professor anyway. First of all, he was not interested in engineering. Secondly, he was no interested in research. Thirdly, he was not interested in teaching" [3, p. 169]. He would rather be a fireman or possess any other occupation with no relation to books. It is perceived that being a professor is not Ralph's own interest but the pressure emerging from Chinese traditional value. Yet, the highest successful position of being a professor in the value of Chinese culture cannot satisfy Ralph in American filled with Western values.

Immigrating to a new land with the hope for being an American dream practicer, Ralph's attitude

toward the new world constantly changes – from passively satisfying his parents' requirement to actively building his dream, then detesting Americans, and finally progressively being a part of the western society and becoming a typical American. Abstaining from being a respectable scholar, Ralph makes efforts in aspiring after fortune and innocently becomes the follower of Grover, who teaches him to evade taxation to make more money. Nevertheless, Grover's malicious motive results in Ralph's failure in running business. In virtue of relatives and friends' help, the protagonist finally comes back to school to teach for making a living. Interestingly, as to Ralph's finally coming back to school and being a professor, such denouement should bring him under a American dream practicer or a Chinese dream practier?

In Western families, without stressing the opinion of filial piety, children don't have to actively obey parents' expectation all their life. However, in Chinese culture, significant events in one's life, such as marriage and social achievement are often mastered by the elders in the family. Referring to the issue of Ralph's love and marriage in *Typical American*, as we discussed above, on the way to American, he has warned himself that he "will on no account have anything to do with girls" [3, p. 6]. Ironically, the first event happens with Ralph's falling in love with Cammy, the secretary of Foreign Student Office in the university. For getting close to Cammy, he sends various presents to her and that finally make Cammy dismissed from her job. Another misfortune comes with Ralph's receiving his parents' letter which asks him to go home immediately owing to China's being taken over by the Communist Part. Disobeying his parents' order, Ralph sends a letter by saying "The U.S. won't let us leave; they're afraid we'll use our training to help the Communists" [3, p. 23]. Like many Chinese students studying abroad, Ralph is imprisoned in the free land. Feeling too infuriate to apply the updated visa, he loses the chance to study. Being failed in love and study, he has no way out and becomes a wanderer in the park until meeting his sister, Theresa, who supplies him new

life. Besides rescuing her younger brother, Theresa also brings him a wife, Helen. Comparing with the hopeless love for Cammy, Ralph's marrying process with Helen is surprisingly uncomplicated because Jen merely writes few pages to describe how they are married. Being a substitute for Ralph's parent in the foreign area, Theresa endorses her best friend and her brother's marriage and she subjectively believes that if their parents were in U.S.A., they would approve this marriage. In tradition Chinese notion, the elder sister or brother usually plays the role of the parent if there is no parent in the family to make a momentous decision. Theresa's mastering Ralph's marital decision is a typical demonstration. However, after many years, Grover sarcastically sums up Helen's marriage by telling her, "You married because he was your friend's brother. A friend of your family's. You figured your parents would want you to. It was the right thing to do. You were a nice Chinese girl" and Helen answers, "I'm proud I did the right thing," and emphasized that it is her duty [3, p. 223]. Actually, Helen admits that she has no idea of whom she loves and in her recognition, marriage, holding a family and bearing and rearing children are naturally her duties.

Another Chinese culture characteristic, patriarchal authority also emerges in Ralph's family. – "At home, the husband would command, the wife obey" [3, p. 69]. Comparing with Theresa and Helen, although Ralph lacks fortitude and endurance in life, he often mentions that he is the head of this family for authoritatively declaring his sovereignty in front of the two women. In traditional Chinese household, women are taken as the roles who embrace no right but produce offspring and do housework. This is the reason why "Ralph playing at husband, Helen at wife" [3, p. 71]. Despite living in Western country, Ralph and Helen's life are still haunted by traditional restriction ingrained in their mind. In Chinese family with hierarchical chauvinism, females are usually the ones who make a concession when there comes dispute and "the joy of family reunion was often quickly followed by cultural conflicts" be-

cause of "China-oriented wives" [6, p. 148]. In the scene of how Ralph teaches his wife to inhale and exhale, the protagonist's patriarchal behavior is apparently revealed. Breathing is innate ability but Ralph painstakingly and repeatedly commands Helen to breathe in compliance with his order. Satirically, Helen pretends that she knows nothing in regard to breath and modestly imitates and consults his husband again and again, as Delrosso designates, "the fate of the traditional woman of Chinese heritage, who can only become wife, daughter-in-law, mother: a person defined through her usefulness to others" [1, p. 186]. Appearing in front of Ralph at the first time, Helen possesses an image of a typical dutiful and weak lady in Chinese ancient period. The author portrays Helen's ideal image in front of Ralph with two details. One is that when Ralph has not become aware of his requiring more tea to drink, Helen has helped him add some tea automatically. The other is that without any slave's serving, Helen, who was a pampered lady in China but cooks for Ralph on her own in America. Such behavior insidiously increases Ralph's patriarchal power and desire. It is no wonder that Ralph "wished he were in China, where if there turned out to be something wrong with the marriage he could always take a concubine. That was a better system, he thought, more sure" [3, p. 69].

In this couple's interaction, Chinese's tradition notion in relation to have male offspring can be read. In ancient society, if the wife is incapable of bearing any boy, her husband might divorce her. Therefore, when Helen bears the first daughter, Callie, she and her husband feel disappointed and are not joyous at all at the beginning. Until the lovely face moves them, they are astonished to discuss why in Chinese rural villages, parents usually drown their daughters. Nevertheless, while recognizing that the second child, Mona, is still a girl, from then on, having no son becomes their regret.

Emphasizing on the entirety of home, the Changs (Helen, Theresa, Ralph, Callie and Mona) live together and hang their group photo on the wall.

Even though they have moved twice, they have never thought of separation until Theresa falls in love with old Chou that irritates Ralph to compel Theresa to leave home. Chinese conservative concept makes Ralph do mischief to his sister, whose association with a married man makes Ralph feel losing his face and expel her from the house. Interestingly, more fortunate than the “no-name woman” in Maxine Hong Kingston’s *Woman Warrior*, Theresa rents an apartment to live her life independently but not jumps into the swell to commit suicide. Ironically, after expelling his sister from the house, for chasing American dream, Ralph is busy making up false account and neglects that her wife has adultery with Grover Ding. Ralph’s failure in running the restaurant brings about marriage crisis in his family and domestic violence makes Helen hospitalized. At the crucial moment, Theresa comes forward to save this family without caring about how unkindly his brother treated her before. For rescuing Ralph and Helen, she meditates,

It was her duty, she told herself. She was in many ways Americanized, but in this respect she was Chinese still – when family marched, she fell in step. And wasn’t this what she’d longed for? Reunification, that Chinese ideal, she could not eat an orange without reciting to herself, as she did at New Year’s, *quan jia tuan yuan* – the whole family together. Her exile was over [3, p. 265].

Theresa’s coming back proves how significant the idea of household is. In immigrants’ cultural heritages, some are abandoned but some are continued and resumed. In spite of being Americanized in many aspect, Theresa stresses she is still Chinese in family management. Evidently, Theresa regards herself as one member of the family all long and takes the responsibility for rescuing the troubled family. In her perspective, momentary independence is only temporarily exile but not the normality in natural life. As the most ideal image of typical American, Theresa holds diligence and kindness in accord

with Chinese spirit, and independence and aggressiveness corresponding to American spirit. Although being more superior than her brother in studies, she pretends that her scholarship is canceled for taking care of Ralph’s self-esteem. She even holds more than one job to earn more money for help her brother and sister-in-law buy a new house and never ask for personal requirement in her family. In the Changs’ circumstances, although the immigrants have been Americanized by degrees, Chinese traditional household concept has been deeply rooted in their mind.

Zhou proposes that “the paradox of freedom and limits” is a significant issue in Jen’s novel and it is also the main barrier that Ralph, Theresa and Helen have to conquer [8, P. 157]. Noting discrepancy of thinking, Collision and coalition between American and Chinese culture are mentioned numerous times, as A. Robert Lee proposes,

For in *Typical American* Jen has written a kind of ethnic fantasia in which displacement, if not otherness itself, is put under the deftest ironic scrutiny. Which otherness is the greater, for instance, China as ‘enormous circum-spection’, a ‘terraced society’, or America as ‘a wilderness of freedoms’, ‘spread-out’? How to reconcile, at another reach, the Chinese-Confucian goal of ‘reunification’ with the American-Franklin-esque goal of ‘the self-made man’? This sense of cultural divide, and of the spaces between, the novel especially locates in the Changs’ acquisition of English [3, P. 271].

Different from the early immigrants, Ralph and old Chao asserts that their children should learn English first to prevent the situation that they speak English with accents. In this way, these young girls speak fluent English but are often confused by the elder’s Mandarin. As time passes, these children know how to speak Chinese in simple way so Chinese culture is naturally handed down by these generations. Although in the process of subject formation, “Chinese Americans suffer from the external and internal forces of fragmentation,” constituents of Chinese culture have

been fixed in their subjectivity and Chinese heritage has been delivered all the time [7, p. 111].

In *Typical American*, numerous words are written in italic type, including dialogues, the stressed context and especially Mandarin which easily arouses Chinese readers' interests. Arrestingly, as to Mandarin in the novel, after phonetic transcriptions, Chinese translation will be presented as follows, "In close quarters, relationships count so heavily that to say something has no relationship in Chinese – mei guanxi – is to mean, often as not, it doesn't matter" [3, p. 178]; "Chi de ku zhong ku, fang weir en shang ren – eat the bitterest of the bitter, become the highest of the high" [3, p. 288]. Furthermore, we can read other Chinese phonetic transcriptions that Gish Jen arranges, such as "Xian ban fa," "Ting bu jian," or "Ting de jian" and so on. In these Chinese pronunciations, we are impressed that no matter how long or how far these immigrants live abroad, or no matter how fluent their English is, the thinking in their mind cannot be divided from Chinese value and heritage. Furthermore, the most stubborn character with reference to Chinese tradition among the Changs, Helen would rather not dine when she just went to America and found there was no Chinese food. However, after nine years, she starts to listen to English songs, participate in clubs nearby and learn how to play cards. Yet, when she meets someone, she still asks others "Have you dined?" due to Chinese habits. While Theresa praising her for her fluent English, Helen replies in Chinese way by saying "Not at all" instead of "Thank you."

Gish Jen arranges "It's an American story" as the initial sentence in this novel to emphasize that the Changs actually are typical Americans, as what have been mentioned in "Interview: Gish Jen,"

Gish Jen starts her book with the line 'It's an American story'; by guiding us through one Chinese immigrant family's experiences, she perceptively and brilliantly challenges readers to reexamine their definitions of home, family, the American dream, and, of course, what it is to be a 'typical American.' . . . As for

the present title, there's this irony within the book which has to do with the phrase 'typical American.' 'Typical American' is a phrase that the Changs use to describe people who are not them, and yet by the end of the book, of course, they become 'typical Americans' themselves [3, p. 112–4].

Since the Changs are Americans can we conclude that Chinese heritages do exist in their life? Of course, the answer is "yes" because for any immigrant, incorporation of different cultures happens naturally in their circumstances.

As immigrants, the Changs confidently maintain and protect Chinese culture from external influence and Western shock. The Chang family criticize Americans' defects as what have been described in the novel: "'Typical American no-good,' Ralph would say; Theresa, 'typical American don't-know-how-to-get-along'; and Helen, wistfully, 'typical American just-want-to-be-the-center-of-things.' They were sure, of course, that they wouldn't 'become wild' here in America" [3, p. 67]. In reality, embracing the disadvantaged position in the exotic space filled with powerful Western culture, Chinese culture possessed by small groups must be affected. In their recognition, anything new, modern and different relates to Americans, and everyone struggles to search for identification in the new environment full of hybrid cultures. Chinese Americans try their best to seek their dreams and become typical Americans although they are potentially confused by their uncertain identity, as Rachel Lee comments, "Jen's story compels us to interrogate what counts as travel, and what counts as the most traumatic of identificatory dislocations" [4, p. 13]. Once determining to stay in the new land that supplies them free space and tolerance, it is the necessary progress for Chinese Americans to rethink their identity and to re-position themselves. In difficulty and suffering concerning pursuing American dream, we can conclude that the Changs in *Typical American* are both Chinese and totally Americans.

References:

1. Delrosso Jeana. "The Convent as Colonist: Catholicism in the Works of Contemporary Women Writers of the Americas." *MELUS* 26.3. 2001.– P. 183–201.
2. Jen Gish and Yuko Matsukawa. "Interview: Gish Jen." *Asian Perspectives* 18.4. 1993.– P. 111–120.
3. Jen Gish. *Typical American*.– New York: Plume, 1991.
4. Lee Rachel. "Who's Chinese? Gish Jen's Stories Explore the Gendered Terms of Our Traveling Cultures." *The Women's Review of Books* 19.5. 2002.– P. 13–14.
5. Lee A. Robert. "Eat a Bowl of Tea: Asian America in the Novels of Gish Jen, Cynthia Kadohata, Kim Ronyoung, Jessica Hagedorn, and Tran Van Dinh." *Ethnicity and Representation in American Literature* 1994.– P. 263–280.
6. Liu Haiming. "Transnational Historiography: Chinese American Studies Reconsidered." *Journal of the History of Ideas* 65. 1. 2004.– P. 135–153.
7. Wang Shih-ming. "Writing on the Slash: Experience, Identification, and Subjectivity in Gish Jen's Novels." *Sun Yat-sen Journal of Humanities* 13. 2001.– P. 103–117.
8. Zhou Xiaojing. "Becoming Americans: Gish Jen's *Typical American*." *The Immigrant Experience in North American Literature: Carving Out a Niche*. Ed. Katherine B. Payant and Toby Rose. Westport, CT: Greenwood 1999.– P. 151–63.

Section 6. Linguistics

*Isaeva Kamala Ramiz gyzy,
Ganja State University
E-mail: kema.isa@inbox.ru*

CONTRADICTION RULES OF THE ORDER OF VOWELS IN THE COMPOSITION OF THE WORD AZERBAIJANI LANGUAGE, AND WAYS OF THEIR NORMALIZATION

Abstract: The article is devoted to the study and description of the process of occurrence of a contradiction between vowel sounds in the composition of the word in the Azerbaijani language and ways to normalize the sequence of their order. It notes that the contradiction that is formed between vowel sounds in the composition of words in the Azerbaijani language, occurs on the basis of two principles. First, the contradiction that is formed between vowel sounds that have the same orthoepic pronunciation conditions. This contradiction occurs between the back-lingual and the front-lingual vowel sounds. The contradiction that has arisen between vowel sounds with the same condition of pronunciation is connected with the sky, lip, open position of the lip and the position of the vowel e in the second syllable. Secondly, it is associated with the order of vowel sounds in the composition of the back and fore and the front. The article indicates the ways to resolve such contradictions through coherent speech.

Objective: to examine the process of formation of the contradiction between the vowel sounds in the composition of the words of the Azerbaijani language and indicate ways of resolving such contradictions through coherent speech.

Keywords: vowels, order, sequence, contradiction, normalization, pronunciation, norm.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ НОРМЫ ПОРЯДКА ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В СОСТАВЕ СЛОВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА, И ПУТИ ИХ НОРМАЛИЗАЦИИ

*Исаева Кямаля Рамиз гызы,
Гянджинский государственный университет
E-mail: kema.isa@inbox.ru*

Аннотация: Статья посвящается исследованию и описанию процесса возникновения противоречия между гласными звуками в составе слова в Азербайджанском языке и способам нормализации последовательности их порядка. В ней отмечается, что противоречие, которое образуется между гласными звуками в составе слов в Азербайджанском языке, происходит на ос-

нове двух принципов. Во-первых, противоречие, которое образуется между гласными звуками, имеющими одинаковые орфоэпические условия произношения. Это противоречие происходит между заднеязычными и переднеязычными гласными звуками. Противоречие, возникшее между гласными звуками с одинаковым условием произношения, связано с небом, губой, открытого положения губы и позицией гласной е во втором слоге. Во – вторых, оно связано с порядком гласных звуков в составе заднеязычных и переднеязычных. В статье указываются пути урегулирования таких противоречий посредством связной речи.

Цель исследования: рассмотреть процесс образования противоречия между гласными звуками в составе слов азербайджанского языка и указать пути урегулирования таких противоречий посредством связной речи.

Ключевые слова: гласные звуки, порядок, последовательность, противоречие, нормализация, произношение, норма.

Введение

Язык является важным средством коммуникации между людьми. Он непосредственно связан с жизнью человеческой цивилизации. Каждый народ является носителем языка, на котором он общается. Язык представляет собой сложную систему. Составными элементами системы каждого языка являются звуки, слова, предложения, которые тесно взаимосвязаны между собой. Эти структурные элементы образуют фонетическую, морфологическую, лексическую и синтаксическую системы. Язык каждого народа систематически меняется и совершенствуется. Основу азербайджанского языка составляет азербайджанский литературный язык. Произношение и выбор слов, употребление грамматических форм, построение предложений в литературном языке подчинено определенным правилам, то есть обязательным нормам.

Последовательность порядка гласных в составе слова в Азербайджанском языке происходит в соответствии с принципом их активизации в речи. Эта активизация гласных в речи служит образованию устойчивых общезыковых норм и их стабилизации. Общезыковые нормы заключаются в применении единой системы традиционных правил, охватывающих устную и письменную формы речи. Следует отметить, что общезыковые нормы лишены принужденности. Подобные

правила состоят из речевых вариантов, сформированных в коммуникативной языковой среде.

В процессе нормализации противоречия в последовательности порядка гласных в составе слов азербайджанского языка прослеживаются две отличительные друг от друга особенности. Первая относится к гласным звукам, которые имеют одинаковые условия произношения. Второе заключается в нормализации последовательности порядка между гласными, которым присущи различные произносительные условия.

1. Норма противоречивой последовательности между гласными звуками, имеющими одинаковые условия произношения.

Нормативная последовательность между гласными звуками с одинаковыми условиями произношения отличается друг от друга по своей интенсивности. В то время, как часть гласных в составе слова способна образовывать интенсивную последовательность, другая часть гласных лишена этой возможности. Ограничение интенсивности между гласными звуками в составе слова прослеживается внутри фонетических единиц в переднеязычном и среднеязычном порядке. Следовательно, описание характерной особенности каждого из них соответствует поставленной цели.

а) Ограничение в упорядочении между заднеязычными гласными звуками.

Ограничение интенсивности между заднеязычными гласными прослеживается в случае употребления во втором слоге открытого губного гласного о (o) и частично замкнутого губного u (y). Основная причина ограниченной интенсивности открытого губного гласного о (o) во втором слоге заключается в том, что это гласный звук не отвечает всецело требованиям упрощения произношения речи. Принцип упрощенного произнесения гласных и в начальном слоге и в последующих слогах определяется по степени их интенсивности. Начальный слог находится в сильной позиции. Это связано с тем, что вся тональность и тяжесть произношения приходится на начальный слог. Следовательно, он подвергается активной интенсивности. В последующих слогах, входящих в состав слова активизация интенсивности произношения заметно замедляется. В таком случае нарушается принцип упрощения, который влияет на интенсивность произношения гласных звуков, а в последующих слогах участие определенной части звуков становится ограниченным. В лингвистической литературе имеются определенные сведения и суждения относительно связи интенсивности произношения звуков с сильной или слабой позицией [1, 14; 7, 86; 9, 175].

Образцы, которые наглядно демонстрируют употребление о (o) во втором слоге, показывают, что языковые факты, формирующиеся по такому порядку встречаются значительно реже. Ограничение гласной о во втором слоге, которое возникает в результате отсутствия интенсивности, по всей видимости, регулируется за счет активной последовательности небных гласных в заднеязычном порядке. Образование той последовательности и отличительной особенности, которые гласный звук лишен образовывать во втором слоге, выполняются путем активизации небных гласных в заднеязычном порядке.

Употребление гласной о во втором слоге в составе слов встречается в отдельных речевых ареалах: olmör (не получается), uoxlör (проверяет),

qoxlör (вдыхает аромат), buğöyu (тут), doldoror (наполняет) [8, 58].

Среди тюркских языков употребление гласной о во втором слоге чаще всего можно встретить в Киргизском и Алтайском языках: orto(середина), orok, hozon, koldor, soqon(лук), soqonlorqo, soqonlor (лучки) [4, 143, 146].

Принимая во внимание употребление гласного о во втором слоге в Азербайджанском языке, его диалектизмах и в других тюркских языках, можно сделать вывод, что данное явление существует в тюркских языках с давних времен и сохраняется, как признак, присущий порядку гласных звуков.

В процессе стабилизации фонетической нормы языков употребление гласного о во втором слоге, как и в большинстве тюркских языков, в Азербайджанском языке также ограничивается [4, с. 143, 145; 8, с. 58; 3, 18; 5, 85–86; 10, 219].

Употребление гласного о во втором слоге в некоторых монолитных словах Азербайджанского языка связано с упорядочением и нормализацией такого противоречия в речевом потоке.

Использование закрытого губного гласного (а – u) а-у после открытого небного гласного в порядке заднеязычных гласных противоречит принципу последовательности гласных. Следовательно, такой порядок можно встретить только лишь в некоторых монолитных словах: axur, yağmur, arzu, armud, aul и др. Ввиду того, что такой порядок, не соответствуя принципу упрощения, прекратил свое дальнейшее развитие и превратился в общеязыковую норму определенной части слов в монолитной форме.

б) Ограниченная упорядоченность в порядке переднеязычных гласных.

Как и в порядке заднеязычных гласных, так и в порядке переднеязычных можно встретить противоречивому упорядочению. Противоречие, возникающее в упорядочении гласных звуков, прослеживается при употреблении среднеязычного е во втором слоге, который не стал общеязы-

ковой нормой. Он одновременно прослеживается в ограниченных порядках открыто – небных и открыто- губных, открыто-небных и закрыто- губных, закрыто- небных и открыто- губных, закрыто- небных и закрыто- губных, а также открыто губных гласных звуков.

В Азербайджанском языке гласный е, не отвечая всецело требованиям принципа упрощения, при произношении в начальном слоге приобретает общеязыковую норму: *get, el, en, eş, beş, bel, tez, gec, eşit, keçid* и другие. А во втором слоге употребление гласного е после э носит всего лишь локальный характер: *geder, deyer, keçer, seçer* [8, 56]. При употреблении гласного е в начальном слоге, использование во втором слоге открытого губного гласного, ввиду несоответствия принципу упрощения произнесения, лишено интенсивности.

Поэтому он может образовывать ограниченную норму только в локальных условиях: *getsön, desön, keçsön* [8, 258].

После гласного е закрытый губной *ü* используется в ограниченном количестве слов локального характера, присущих только группе Восточных диалектов: *belüzdə* (у вас на спине), *beynüzdə* (у вас в мыслях), *evüzdə* (у вас в доме) и другие. Таким образом при употреблении е в начальном слоге использование какого – либо возможного порядка гласных звуков во втором слоге носит только лишь локальный характер. Примеры с употреблением гласного е во втором слоге в своей основе носят локальный характер. Например, порядок э-е (у-э) прослеживается в следующих Восточных диалектах: *əlek, əmek, ətek* и в группе следующих Западных диалектов: *gəler, bəuəner, əlləşer, gəzer* и другие.

Порядок *i-e* (и-е) прослеживается в следующих Восточных диалектах: *bilek, bilmek, işlek, direk*, и в группе следующих Западных диалектов: *biler, iter, izler, içer*.

Только в слове *kimə* – (кому) порядок *i-e* (и-е), став монолитным, превращается в общеязыковую норму.

Порядок *ö – e* (ё – е) прослеживается в группе следующих Восточных диалектов: *ördek, ötmek, ölçmek, döşek, ölmek*, и в группе следующих Западных диалектов: *öler, ölçer, görer, öter, böler*.

Порядок *ü-e* (ю-у) прослеживается в группе следующих Восточных диалектов: *güneş, güleş, ürek, düzmek* и в группе следующих Западных диалектов: *güler, üzer, bürüyer, üyüder*. Порядок *ü-e* (ю-у) только лишь в слове *güney* в традиционном порядке становясь монолитным, превращается в общеязыковую норму [8, с. 258].

При употреблении гласного э (э) в начальном слоге, использование открыто-губного гласного *ö* во втором слоге можно встретить в некоторых монолитных словах и на локальных языковых территориях. К примеру, такие слова, как *bəpövşə, bəpövüş* (подснежник) в речевом потоке состоит из монолитных единиц. Употребление гласного *ö* после гласного э во втором слоге можно проследить в группе Восточных диалектов: *gəlsön, bəuənsön, bəzənsön* и другие [8, 258].

Употребление гласного *ü* после гласного э встречается только в словах локального характера: *əlüzdə* (в руках), *əynüzdə* (на вас), *əməlüzdə* (в ваших поступках) и другие [8, 160].

Порядок гласных *ö-ö* в составе слов *kötöy*(наказание), *köntöy* (грубость), *kösöv* (обугленный), становясь монолитными, превращаются в общеязыковую норму. А вот в группах Западных и Восточных диалектов порядок гласных *ö-ö* образует норму локального характера. В группе Западных диалектов: *gögör* (видит), *ötör* (обгоняет), *ölör* (умирает), *döyör* наказывает), *dözör* (терпит) [8, 221], а в группе Восточных диалектов: *körsön* (если увидишь), *görsöz* (если встретите), *bölsöz* (если поделите) [8, 257, 258].

После употребления в начальном слоге гласного *ö*, на упорядочение гласного *i* во втором слоге можно встретить при локальных речевых условиях: *göger* (видит), *gördi* (увидел), *döyir* (наказывает), *dönib* (повернувшись), *dözüm* (терпение) [8, 59]. Использование гласного *ö* во втором слоге

после гласного *ü* превращается в общезыковую норму только в таких монолитном слове, как *bülöv*, *bütöv* (целиком). В остальных случаях порядок *ü-ö* остается в пределах нормы локального характера: *büzüsör* (сжимается), *gülüsör* (смеется), *bürüyör* (окутывает) [8, 160, 221, 222, 257].

После же закрытого небного гласного *i* (и) гласный звук *ö* (йё) не способен образовывать никакую локализованную или монолитную норму. Это основано тем, что порядку *i – ö* (и-йё) не присуще упрощение в произношении.

Использование гласных *i* (и) и *ü* (ю) после гласного *i* (и) характерно только для локализованной речи: *bilürsüz* (знаете ли), *içirsüz* (будете пить), *incisün* (если обидишься), *bitirirsüz* (заканчиваете) [8, 58], *güldü* (засмеялся) *düzdü* (верно), *kusib* (обиделся), *uzü* (лицо), *düşür* (Спускается) *tüşür* (спустился), *tülki* (лиса) [8, 59].

Из всех приведенных примеров языковых фактов следует, что в Азербайджанском языке порядку гласных, которому присущи одинаковые произносительные условия, остается только лишь в локализованном пространстве. Ограничение же норм локализованного пространства изменяется под влиянием общеразговорного языка, в том числе информационных и коммуникативных средств переходить в норму разговорного языка.

2. Противоречие нормы последовательности между гласными звуками различного условия произношения.

Нормализация противоречия в условиях различного произношения происходит в направлении между заднеязычными, переднеязычными и среднеязычными звуками.

а) Ограничение в упорядочении, происходящее между переднеязычными и заднеязычными гласными звуками. Ограничение, которое происходит между переднеязычными и заднеязычными гласными звуками основано на том, что оно возникает между гласными различных условий произношения [8, 58, 59].

А это является главной причиной образования противоречия, которое непосредственно связано с требованиями упрощенной речи. Иными словами, такое упорядочение нарушает ритмическую последовательность с точки зрения связанности речи. В результате такое упорядочение переходит в норму посредством регулирующей роли речи только лишь в ограниченной группе монолитных слов. Монолитность в порядке переднеязычных и заднеязычных гласных происходит между гласными в следующих порядков:

В порядке *i – a* (и-а):

Что касается относительно данного порядка, то следует отметить, что в Азербайджанском языке возникала монолитная норма между следующими словами: *ılan* (змея), *ınam* (вера), *ınap* (верь), *ıraq* (Боже, упаси), *ırmaq* (родник), *islaq* (промокший), *ıslanmaq* (промокнуть). Образование порядка *i – a* (и-а) в данных словах происходит в результате определенной трансформации в фонеморфологическом составе самого слова. Так, например, слово *ılan* (змея) в Азербайджанских диалектах и тюркских языках существует, как вариант слов *yılan* (ложь), *ılıq* (теплый), *yılı*, *yılıq* (теплый), *islaq* (промокший), *yıslaq* (промокший) [6, 139–141; 8, 95].

М. Ширалиев связывает наличие согласного *y* (й) в таких словах, как признак, увеличивающий звук [95]. Согласный *Y* (й) в начале некоторых слов утратил свое фонетическое значение и гласный звук *i* (ы) ввиду тяжести в произношении заменяется звуком *i* (и). Таким образом, в указанных словах образуется порядок *i-а* (и-а). Данное противоречие явление нормализуется посредством речи:

Порядок *İ-ı* В процессе нормализации порядка *i-ı* (и-ы) посредством речи происходит соответственно порядку *i-а* (и-а) [6, с. 139, 141; 8, 95].

Так, например, среди диалектов Азербайджанского языка были выделены слова *ılıq* (теплый), *ıldırım* (молния) [8, 95].

В древних тюркских источниках слову *ılan* (змея) были разработаны варианты *yılan* (ложь),

ilıq –uııq (теплый) [2, 266]. В данном примере не исключается наличие варианта uıııq (свет) от слова ıııq (свет). В подобных примерах, в которых согласный у (й) сокращается, а гласный ı (ы) превращается в начальную фонему слова, переходя в звук i- (и) и образуя порядок i-ı (и –ы)

Порядок i-о (и – о)

В Азербайджанском языке порядок i – о (и – о) можно проследить в словах: girov (залог), sinov (сильно желать), sirtov (жилет) и другие. В данных словах порядок i – о (и-о) также под влиянием речевого потока становится интенсивным и переходит в языковую норму.

Порядок ə – о (э – о). В Азербайджанском языке порядок ə – о (э-о), как противоречивая норма, встречается в словах в словах dəmırov (сыпь), gərtməşov-(нечистота). Естественно, что чередование гласных ə- о (э-о) не является языковым явлением. Однако под воздействием речевого потока порядок гласных ə- о (э-о) переходит в общеязыковую норму.

в) ограничение в упорядочении между заднеязычными и переднеязычными гласными.

В направлении заднеязычных и переднеязычных гласных звуков ограничение противоречие в упорядочении встречается в слове quzey (прохладное место). В его составе участвуют гласные u – e (у –е). Иными словами, монолитная норма

порядка u – e (у –е) в Азербайджанском языке не прослеживается [8, 95].

Заключение

Противоречивые нормы порядка гласных звуков в составе слова: Азербайджанского языка, и пути их нормализации.

Гянджинский государственный университет
Исаева Кямаля Рамиз гызы

В результате проведенного исследования было выявлено, что противоречивые нормы образуются в структуре языка за счет трансформации, связанной с интенсивностью в речи. Причину возникновения подобного явления можно связать с существующим в структуре языка несоответствием в развитии нормализации по единому принципу. Ввиду того, что процесс нормализации в структуре языка не основывался на едином принципе, под влиянием речевого потока образовался новый способ нормализации порядка последовательности гласных звуков. На современном этапе в коммуникативной речи Азербайджанского языка происходит расцвет и оживление в направлении процесса нормализации устной и письменной форм языка. А это, в свою очередь, означает, что возникающие противоречивые нормы в структуре языка, утрачивают свое значение, что способствует установлению значительной устойчивости языковой структуры и является важным условием беспрепятственной передачи информации.

Список литературы:

1. Ахундов. Фонетика Азербайджанского языка.– Баку, 1984.
2. Древнетюркский словарь.– Л., 1969.
3. Гасанова С. Фонетика тюркского языка.– Нахичевань, 2003.
4. Исахов Ф.Г. Гармония гласных в тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.– М. 1955.
5. Расулов А., Рустамов Р. Тюркский язык.– Баку, 1991.
6. Русско-башкирский словарь.– М., 1948.
7. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания.– М., 1975.
8. Ширалиев М. Основы Азербайджанской диалектологии.– Баку, 2008.
9. Трубецкой Н. С. Основы фонологии.– М., 1960.
10. Юсифов М. Введение в тюркологию.– Баку, 2001.
11. Зиндер Л. Р. Общая фонетика – М., 1979.

*Storozhenko Lina Grigorievna,
candidate of philology, associate professor,
at the Department of Documentation
and Information Activities
State University of Telecommunications,
E-mail: st-leena@i.ua*

*Barabash Elena Vyacheslavovna,
senior lecturer, Department of Humanities
National Aviation University
E-mail: barolena@ukr.net*

HUMANITARIAN CONTEXT OF FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS

Abstract: The paper considers the peculiarities of the formation of the communicative competence of foreign students in the context of humanitarian education. The structure and content of communicative competence are determined. Attention is focused on the relevance of the competence approach in higher education.

Keywords: competence, competence, communicative paradigm, educational process, foreign students.

Recently, humanitarian education of university students is a key topic for discussion. The issue is actively discussed at the state level, in scientific circles, at international educational events, etc. The gradual increase in interest in humanitarian education is due not only to the globalization processes in the world as a whole, but also to the role of humanitarian disciplines as a tool for the formation and development of a full-fledged personality.

Humanitarian disciplines today are not just part of the culture of a person receiving higher education at a university, it is also the key to the success of a future specialist. That is why at the state level, decision No. 1/9–120 of March 11, 2015 was adopted “On the organization of the study of humanitarian disciplines”, which states that higher education institutions have the right to independently determine the forms and methods of teaching humanitarian subjects, and students can proposed a list of humanities for self-selection [5].

Over the past decades, Ukrainian teachers have been trying to adapt the structure and content of

higher education, the quality of training and the educational process with European requirements. Accordingly, in the context of these changes, there is a reorientation of approaches to the formation of knowledge and skills of future specialists. One of the ways to modernize education in Ukraine is the transition to a competence-based learning paradigm, which is determined by the level of student readiness for further development and self-improvement. In this process, the priority is given to the timely mastery of each student by the totality of those or other competencies stipulated by the curricula of higher education.

Especially acute and relevant this issue becomes in the plane of education of foreign students. Indeed, in the modern conditions of Ukraine’s integration into the world scientific and educational space, an important place in the higher education system is occupied by the training of foreign students, which significantly affects the level increase and contributes to the formation of a positive image of the country in

the international arena and is a source of additional funding for domestic education.

According to the data of the Ukrainian State Center for International Education, in recent years there has been an increase in the attractiveness of Ukrainian educational institutions for foreigners, as evidenced by the growing number of students in universities [1].

Undoubtedly, the key factor influencing the choice of Ukrainian universities for foreign students is, of course, the availability of education. But there are a number of problems that become an obstacle on the road to quick adaptation to their unusual language, social and cultural life.

That is why the study of the humanities (language, literature, history, philosophy, music, etc.) that form, above all, communication skills is a necessary component of a full-fledged educational process for foreign students.

A number of studies of Ukrainian and foreign scientists are devoted to the solution of the actual problem of humanitarian education and the formation of the communicative competence of foreign students. In particular, the didactic principles of humanitarian preparation of foreign students are substantiated in the works of L. Vasetskaya, T. Dementieva, L. Rybachenko, and others; N. Bibik, A. Pometun, M. Yatsyk, J. Raven, and others study the process of improving the system for training specialists through the implementation of the competence-based approach; Trends in the modernization of higher education in Ukraine in general are considered: V. Andrushchenko, V. Astakhova, G. Vasianovich, L. Gubersky, I. Zyazyun, etc.

Despite a fairly wide range of studies related to the implementation of the competence approach, there is some uncertainty in the very interpretation of the concept of “competence”, which is often identified with the concept of “competence”. N. Bibik considers the concept of “competence” as a derivative and narrow in relation to the term “competence”. The researcher claims that “competence” is a socially

fixed result of education, and “competence” is an evaluation category that defines a person as a subject of professional activity, his ability to successfully perform his functions [2].

M. Yatsyk highlights certain signs of competence, emphasizing that this is, firstly, a complex integral characteristic of a person; secondly, it implies the possession of generalized methods of action, which provide the ability to quickly and mobilely apply their knowledge and skills, integrate them in each individual situation [4, p. 15–16].

Along with this, scientists are trying to define and form a structure of competencies that varies depending on the field of knowledge and specialty. It remains unshakable that among the key competences of a specialist of any industry, communicative competence takes a dominant place, which is considered in the humanitarian context and contributes to the moral development of a person, as well as his professional development. Most researchers consider communicative competence as an integral quality of a person, which makes a person able to establish and maintain necessary contacts with other people, as well as form a specific set of knowledge and skills that ensure effective communication [3].

Based on the above, communicative competence is key in the formation of personality and for the full formation of a future specialist. This is especially true for foreign students, since they need not only to understand the language of the host country, but also to successfully communicate, perceive and absorb educational material, which ultimately affects the level of educational achievement of the student.

In addition, the process of integration of a foreign student into a social environment depends on communicative competence. Socio-psychological adaptation implies the adaptation of a person not only to a new type of activity (in this case, to study), but also to others. If a foreign student can easily find a common language with peers, he will feel greater psychological comfort and satisfaction with the situation. Conversely, the lack of communication skills

narrows the circle of friends, causes a feeling of loneliness, can provoke asocial forms of behavior.

Also, communicative competence should be considered not only as a condition of today's efficiency and well-being of the student, but also as a resource of efficiency and well-being of his later life.

Considering the practical need for the formation and application of communicative competence by foreign students in various fields, let us highlight some of its components that are considered in the humanitarian context: multicultural (familiarization and understanding of the culture and traditions of the host country); social (characterize a person's ability to live fully in society; to get out of life situations without conflict, to perceive the activities of social institutions); informational (ability to process and use information from various sources with a specific communicative purpose); self-development and self-education (the need for productive scientific and educational, creative activities throughout life).

To form full-fledged communicative competence of foreign students, it is necessary to clearly define the structure and content of the competence itself; to provide interaction of various subjects, directions

and technologies in order to achieve a full-fledged result; choose rational methods, develop programs, technologies and techniques for the development of communicative competence of foreign students.

In our opinion, the structure of communicative competence in a humanitarian context should include behavioral personality (communication skills as elements create the communicative behavior of a certain person); emotional (creating and maintaining a positive emotional contact of communicants – it is the emotional background that creates the feeling of psychologically comfortable/uncomfortable communication); cognitive (knowledge about the value-semantic side of communication, about personal qualities that promote/interfere with communication); value-semantic (definition of values that are activated in communication) components.

The above classification may well serve as the basis for the development of communicative competences not only for foreign students, but also for all students. And its humanitarian outline is to ensure the full implementation of one of the strategic goals of education: the student's readiness for further development and self-improvement.

References:

1. Актуальні статистично-аналітичні показники надання освітніх послуг іноземцям [Електронний ресурс] / Український державний центр міжнародної освіти // Міністерство освіти і науки України. – Режим доступу: URL:<http://intered.com.ua>
2. Бібік Н. Компетентнісний підхід: рефлексивний аналіз застосування / Н. Бібік // Компетентнісний підхід у сучасній освіті: світовий досвід та українські перспективи. – К.: «К.І.С.», 2004. – С. 47–52.
3. Черезова І. Комунікативна компетентність як інтегральна якість особистості / І. Черезова // Науковий вісник ХДУ. Серія «Психологічні науки». – Вип. 1. – Том 1. – Херсон, 2014. – С. 103–107.
4. Яцик М. Формування професійної компетентності майбутніх магістрів з менеджменту економічної безпеки у процесі фахової підготовки: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / М. Яцик; – Хмельницький, 2016. – 298 с.
5. URL: https://ru.osvita.ua/legislation/Vishya_osvita/46343

*Khachatryan Lalik M.,
doctor of philology, professor,
Armenian State Pedagogical University
after Kh. Abovyan, Yerevan
E-mail: Lingualal51@mail.ru*

MKHITARIST CONGREGATION IN VENICE AND THE CONTEMPORARY LEXICOGRAPHY OF OLD ARMENIAN

Abstract: At the beginning of the 18th century the in Venice became an Armenological cradle where various monumental works of different characters sprang up, such as lexicographical, grammatical, bibliographical, religious, historical and philological. All sorts of dictionaries published in the Modern Armenian reality can be unconditionally considered to have descended from the Mkhitarist Congregation's lexicography.

Keywords: vocabulary structuring, metalanguage, polysemy, etymology, semantic explanation, idiomatic version, grammatical description.

At the beginning of the 18th century the Mkhitarist Congregation became an Armenological cradle where various monumental works of lexicographical, grammatical, bibliographical, religious, historical and philological character sprang up. In 1717 Mkhitar Abba Sebastatsi founded an Armenian congregation on the Island of St. Ghazar (Venice, Italy) which is famous as Mkhitarist Congregation.

Lexicography has a fundamental value in the scientific heritage of Mkhitarist Congregation. In this sphere were created valuable literary monuments devoted to the word-stock of Armenian which had an important role in the context of the further development of lexicography.

The first lexicographical monument of Mkhitarist Congregation was compiled by Mkhitar Sebastatsi [1]. In the history of the Armenian lexicography it is considered to be the first complete Armenian dictionary. Old Armenian literary handwritten monuments, the Armenian translation of the Bible and the Greek originals served as sources for the creation of the dictionary.

The dictionary includes approximately 120.000 explanations of words. One of its merits is the explanation of proper names, taken mainly from the Bible.

Due to this, it is considered to be the first dictionary of proper names, particularly, names of people in the whole Armenian Culture.

The masterpiece of the dictionaries is considered to be the work of three Mkhitarist Vardapets, is otherwise named "New Haykazian Dictionary" (NHD) [2]. It was compiled due to the efforts of three outstanding Vardapets Frs. Gabriel Avedikian (1750–1827), Khachatur Surmelian (1751–1827) and Mkrtych Avgerian (1762–1854). The merits of the work by these Vardapets are as follows: the material of the dictionary consists of the original and translated manuscripts of the 5–17th centuries and the authors made use of around 1000 manuscripts of the Mkhitarist Order library.

The authors of NHD have chosen certain principle for the explanation of word meaning, that is to present the meanings of words chronologically. This principle consists in the fact that for each meaning of a word examples are brought from original texts in chronological order in the way these meanings occur in Literature. In terms of this principle NHD stops being merely an explanatory dictionary and acquires historical value. With the help of this dictionary one can learn the exact periodization of the semantic

changes of Classical Armenian word stock as well as follow the chronology of original texts.

As Classical Armenian illustrations for word meanings, examples from the Bible are brought first, after which text illustrations from subsequent centuries are presented according to meaning.

Therefore, by following the semantic illustrations of words, we can state whether this or that word belongs to the 5th century or not, which author it was first used by, since which century that word has developed new meanings and which writer used these particular meanings in his works, or whether this word is a **borrowing** or not. NHD uses various means for the explanation of word meaning which ascribe an **encyclopedic** character to the dictionary. Thus, through mastering a number of foreign languages, the authors of the dictionary illustrated the equivalents of headwords with numerous languages, such as Greek, Latin, Arabic, Persian, Turkish, Assyrian, Hebrew, etc. This fact gives the value of **translation** to the dictionary. The authors of NHD very often gave the etymology of headwords, thus ascribing an **etymological** value to the dictionary. Thousands of loanwords from Greek, Latin, Persian, Hebrew, etc, are provided with their exact etymologies in NHD.

Obviously, it is practically impossible to touch upon all the lexicographical values of NHD within the framework of one article. However, the superficial analysis presented here is enough to give an overall idea about the linguistic structure of the dictionary. The latter conditioned the huge progress which Armenian Lexicography made outside the limits of the Mkhitarist Order.

After its publication NHD became the only authentic literary monument which all the specialists without exception dealing with problems of Classical Armenian relied on. NHD had such a high scientific value and strong magic power that no one even dared to make a lexicographical attempt.

Armenian Lexicography entered a new phase of development in the 20th century: new dictionaries of various character sprang up, such as etymological and root, explanatory, for translation, specialized–

terminological, idiomatic, etc. There was even an attempt to make additions to the renowned NHD: we mean Norayr Bysantine's lexicographical additions. The author gave descriptions of new word entries based on the recently–emerged literary texts. In 1990 M. Minasyan got this

dictionary published in Geneva (New Dictionary of the Haykazian Language, edited and enriched by Norayr Bysantine) [3].

All sorts of dictionaries published in the Armenian reality can be unconditionally considered to have descended from the renowned NHD: first of all this refers to the choice of the word stock of the language, the structure of the word entries, semantic explanations, manifestations of polysemy, idiomatic versions, translations from foreign languages, etymologies of root morphemes, manifestations in dialects, the metalanguage of the dictionary, etc.

Although these kinds of dictionaries include the vocabulary of the Armenian language and its meanings, their lexicographical approaches are based on certain set and accepted principles which have come down to us thanks to abbot Mkhitar Sebastatsi and his venerable students.

The influence that the lexicographical heritage of the Mkhitarists had in subsequent years, especially in the field of compiling Classical Armenian dictionaries, is overwhelming.

Around 160 years after the well-known NHD, in 1998 the first concise dictionary of Classical Armenian was published in Armenia which was written by the author of the present speech [8]. We have devoted the dictionary to the bright memory of our outstanding lexicographers G. Avedikian, Kh. Surmelian and M. Avgerian and to their richly-endowed merit, that is, the 160th anniversary of the publication of their lexicographical monument “New Dictionary of the Haykazian Language”.

Continuing our studies in this field we published the revised variant of this dictionary in 2003 [9]. Using the literary monuments of Classical Armenian we bring examples for each of the dichotomic value

of morphologically polysemantic words from original texts. We undoubtedly had NHD's guiding data as a basis for our research.

R. Ghazaryan's dictionary was published in Yerevan in the year 2000 [4]. This is a complete dictionary based on the principles of not only NHD, but also "Handbook Dictionary": it has enriched Classical Armenian vocabulary to a certain extent due to the data from new sources of Literature. In view of the Mkhitarists well-known dictionaries, R. Ghazaryan also compiled dictionary of synonyms [5] and dictionary of Idiom [6].

2010 saw the publication of L. Hovhannisyan's dictionary, the words of which were not mentioned in New Haykazian Dictionary [7]. It included words, styles and idioms the author had taken from Old Armenian Literature.

L. Hovhannisyan, through comparison with the masterpieces of the Mkhitarist Master Teachers (Vardapets), has collected and explained, according to the original evidence, numerous newly formed words the original versions of which probably have not been known by the authors of NHD. The given dictionary is a unique addition to the word list of NHD and is instrumental to the word-explanations.

In 2013 we authored and published educational dictionary, which presented Old Armenian vocabulary from Armenian Literature of the 5–12 centuries, selected by certain principles [10]. The dictionary

includes the material of these literary monuments; it is planned for humanitarian higher educational institutions by the course of Old Armenian in order to carry out practical works and non-transpositions from Old Armenian to Modern Armenian. By necessity, the under-language of the dictionary presents not only the meaning of the head words, but also their main part-of-speech-grammatical characteristics. In case of nouns, these characteristics are its number, declension, the nature of its declension, the parallelisms, etc., in case of verbs- the conjugation, the type of the second base, the type of the conjugation, the gender, the parallelism of the conjugation, etc. Taking into consideration the practical value of Old Armenian educational dictionary, it was republished in 2016 in Venice by Mkhitarist Congregation with classical orthography. Partial improvements in word stock were made in the second publication [11].

As we can see, not only had the lexicographical heritage of the Mkhitarist Congregation have a great impact upon the later development of Armenology, but it also had an immense impact in the sphere of the worldwide lexicography.

As specialists of Classical Armenian and authors of textbooks and dictionaries, we fully confirm that G. Avedikian's, Kh. Surmelian's and M. Avgerian's richly-endowed merit is a literary monument of not only Armenian Lexicography, but also Armenian book printing in general.

References:

1. Sebastatsi Mk. The Dictionary of Haykazean Language, St. Lazar, Venice, – V. 1. 1749. – V. 2. 1769. (на арм. яз).
2. Avedikian G., Surmelian Kh., Avgerian M. New Dictionary of the Armenian Language, – V. 1–2. St. Lazar, Venice, 1836–1837. (на арм. яз).
3. Minasyan M. New Dictionary of the Haykazian Language, edited and enriched by Norayr Bysantine, – V. 1–5. – Geneva, 1990. (на арм. яз).
4. Ghazaryan R. Dictionary of Classical Armenian, – V. 1–2. – Yerevan, 2000. (на арм. яз).
5. Ghazaryan R. Classical Armenian Dictionary of Synonyms, – Yerevan, 2008. (на арм. яз).
6. Ghazaryan R. Classical Armenian Dictionary of Idioms, – Yerevan, 2012. (на арм. яз).
7. Hovhannisyan L. Dictionary of Classical Armenian: Words Not Mentioned in New Haykazian Dictionary, – Yerevan, 2010. (на арм. яз).
8. Khachatryan L. Explanatory Dictionary of Classical Armenian, – Yerevan, 1998. (на арм. яз).

9. Khachatryan L. Explanatory Dictionary of Classical Armenian, morphologically polysemantic words,– Yerevan, 2003. (на арм. яз).
10. Khachatryan L. Classical Armenian Educational Dictionary,– Yerevan, 2013. (на арм. яз).
11. Khachatryan L. Classical Armenian Educational Dictionary,– Venice, 2016. (на арм. яз).

Section 7. Pedagogy

*Baranova Lilia,
senior lecturer, Department of Foreign Languages
State University of Telecommunications Kyiv, Ukraine
E-mail: lnbaranova@bigmir.net*

FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF FOREIGN LANGUAGES

Abstract: At the present stage of the development of pedagogical science, not only new forms, methods and means of optimizing the methodological preparation of future foreign language teachers are becoming more and more relevant, but also introducing new approaches that determine the strategy of learning and the choice of methodology capable of implementing such a strategy. One of the most important is the competent approach, which ensures effective formation of cross-cultural competence of future foreign language teachers. Cross-cultural competence is a complex branch of scientific knowledge, therefore, it involves the development of pedagogical technologies for the formation of structural components, technological procedures for assessing the level of formation and practical-oriented application systems in higher education institutions.

Keywords: cross-cultural competence, teacher, foreign languages competent approach.

Formulation of the problem. The new structure of social relations associated with the transition to a global information society has made significant adjustments to the awareness of the importance of higher education in foreign languages, which is intended to ensure effective interaction of people in the global information social paradigm, the essential characteristics of which are processes of intensification of intercultural communication, with the formation of a new multimedia-mediated context of its implementation.

Linguodidactics and teaching methods for foreign languages designed to respond to social changes and orders in a timely manner have greatly expanded the purpose of foreign language education, which is to form a polyling and multicultural personality competent in the field of intercultural communication in the totality of different contexts of its imple-

mentation, especially in the preparation of foreign language teachers.

Analysis of achievements and publications. The intensive development of the multimedia-mediated context of intercultural communication has necessitated the formation of the necessary language for its full-fledged mastering of the linguistic and multimedia competence of a foreign language teacher.

One of the central problems of linguodidactics and teaching methods for foreign languages was the formation of a communicative competence leading to a polyling and multicultural personality of a foreign language teacher providing an opportunity to participate in intercultural communication.

Research in the field of training a foreign language teacher in the logic of the communicative approach in the context of the dialogue of cultures, communicative – activity, communicative – cognitive and

socio – cultural approaches formed a significant theoretical and methodological basis for teacher training foreign language to participate in intercultural communication on the basis of the formation of communicative competence. Actual problems of formation on its basis and professional competences are presented: pragmaling, edict, linguistic and sociocultural, linguodidactic.

In today's conditions, intercultural communication can not be viewed in isolation from the information space as an integral part of modern polyculture. This determines the multimedia-mediated context of polylingual and multicultural training of a teacher of foreign languages in a combination of cultural, psychological, and linguistic characteristics of interaction.

The problem of using multimedia in the training of foreign language specialists was studied by specialists from different parties: the approaches to the use of the potential of multimedia technologies in the multicultural and polylinguval context were determined; features of the application of multimedia technologies in language education; the role and place of multimedia technology in learning foreign languages.

It is obvious that the competence of the polyling and multicultural personality of the foreign language teacher in intercultural communication can not be considered beyond the close interconnectedness with its multimedia-mediated context. The development of multimedia indirect intercultural communication involves the formation of the necessary linguistic and multimedia competence, which is a complex resource of a polyling and multicultural personality, which provides an opportunity for effective multimedia indirect intercultural communication of a foreign language teacher.

An effective means of forming the lingvo-mimetic competence of a future foreign language teacher is the Electronic Network Professional Portfolio, whose work involves participation in various fields of multimedia-mediated intercultural communication of foreign language teachers, which involves the active formation of their lingvomultimediac competence.

Despite the diverse nature of the research carried out on the problems of forming the communicative competence and the multimedia competence of the foreign language teacher, they do not exhaust the problem of the formation of linguistic and multimedia competence in the relationship between the formation of multimedia and communicative in the conditions of its direct functioning in the multimedia context of intercultural communication at the multidisciplinary linguistic and multimedia level.

The study of scientific literature on this problem, the establishment of research in this direction, the observation of the educational process in higher educational institutions, practical experience in the field of linguistic and multimedia training of foreign language teachers, specialists in foreign language education have revealed a number of significant contradictions between: – the need for modern high school teachers in a foreign language, possessing lingvomultimedia competence, necessary for participation in multimedia indirectly intercultural communication, and not developed the concept and structure of linguistic multimeters iynoyi competence of foreign language teacher; – the established scientific-theoretical and methodological basis of the formation of competences of foreign language teachers in the field of intercultural communication and in the multimedia sphere and not developed an effective scientifically based methodical model of their integral formation on the interdisciplinary lingual-multimedia level; – the variety of existing spheres of multimedia indirectly intercultural communication of foreign language teachers available at work with portfolio, and not developed the method of forming the linguistic and multimedia competence of the teacher of foreign languages, necessary for participation in them.

The above contradictions require their solution, that is, the development of a model and methodology for the formation of linguistic and multimedia competences of the teacher of a foreign language.

The model of linguistic and multimedia training in the process of teaching a foreign language is proposed

to include: – a three-component goal, determined by the needs of society and the personality of the teacher of a foreign language in the mastery of linguistic and multimedia competence; – principles that ensure the achievement of the goal: a) the integrity of the communicative and multimedia training polylingual and multicultural personality of a foreign language teacher; b) the unity of the process of development and self-development of a teacher of a foreign language in the process of linguistic and multimedia training; c) the diagnostic basis for the formation of linguistic and multimedia competencies; content of linguistic and multimedia training and technology of its development; organizational and didactic conditions: a) adequate technical equipment of the linguistic and multimedia training of the teacher of foreign languages; b) inclusion in the process of linguistic and multimedia training of foreign language teachers technology of the Electronic Network Professional Portfolio and a special course that provides opportunities for multimedia indirect intercultural communication of the teacher of foreign languages when working with it in the interrelation of all available spheres.

Conclusion. The conducted analysis and research showed that the linguistic and multimedia

competence of a foreign language teacher will be effectively formed under the condition of developing a methodology for forming the linguistic and multimedia competence of a foreign language teacher when working with the Electronic Network Professional Portfolio.

In order to teach intercultural communication, it is necessary to expand the content of teaching through the inclusion in the course of a foreign language of a number of components aimed at the development of intercultural competence – socio-cultural, sociolinguistic, linguistic studies (for example, business-language courses, geography and spoken language at the senior stage of study). If culture in the whole variety of meanings of the word becomes the content of teaching a foreign language, then for some teachers the authoritarian style of teaching this subject becomes almost unacceptable. Therefore, the school faces the task of humanizing pedagogical foreign language communication.

The urgent areas of further development of the outlined problem are the development of pedagogical conditions for the formation of intercultural competence of future teachers.

References:

1. Pragmaling and didactic basics of teaching foreign languages to linguistic students (on the material of the English language) Text .: author. dis. dr ped Sciences / A.M. Hakobyants – Pyatigorsk, 2009.– 37 p.
2. Andronkina N. M. Cognitive-activity approach to the formation of linguistic sociocultural competence in teaching the German language to students of a language university Text .: Abstract. dis. Cand. ped. Sciences / N.M. Andronkina. SPb. 2009.– 50 p.
3. Bezukladnikov K. E. Formation of linguodidactic competences of a future teacher of a foreign language: a monograph Text. / K. E. Bezkladniki; Perm. state ped. un-t Perm, 2008.– 270 p.
4. Problems of training of the master vichitel – No. 4 (Part 2), Olga Berezovska Inna – Trigub, 2011.

*Serikbayeva U. B.,
candidate's (Ph.D) degree in Philological sciences,
associate professor of linguistics, Almaty*

*Erzhanova Zh.,
senior instructor of AUPET, Almaty
E-mail: jeunne15@mail.ru*

MOTIVATION IS THE WAY TO SUCCESS

Abstract: Motivation is very important in language learning. It helps make learning successful. Some factors were taken into consideration that affects motivation where the teacher can influence directly.

Keywords: motivation, learners, foreign language, activities, tasks, materials, language classes.

What is motivation? Motivation is the thoughts and feelings we have which make us want to do something, continue to want to do it and turn our wishes into action, i.e. motivation influences: a) why people decide to do something, b) how long they want to do it for, c) how hard they are prepared to work to achieve it. Motivation is very important in language learning. It helps make learning successful. Many factors influence our motivation to learn a language. These factors include: a) the usefulness to us of knowing the language well, e.g. for finding jobs, getting on to courses of study, getting good marks from the teacher, b) our interest in the target language culture (the culture of language we are learning), c) feeling good about learning the language: success, self-confidence (feeling that we can do things successfully), d) encouragement and support from others, e.g. teacher, parents, group mates, university, society, e) our interest in the learning process: the interest and relevance to us of the course content, classroom activities, the teacher's personality, teaching methods. Learners may have strong motivation in one of these areas and little in another, or their motivation may be quite balanced. Different learners will also be motivated in different ways from one another and motivation can change. Learners may, for example, be quite

uninterested in learning a particular language, then meet a teacher who they like so much that they begin to love learning the language. Motivation can change with age, too, with some factors becoming more or less important as learners get older. We can see that motivation needs to be both created and continued.

Here are some suggestions from two experts on motivation about how teachers can encourage greater motivation in their learners. 1. Teachers can set a personal example with his/her own behavior (i.e. students are motivated as the teachers themselves). 2. The teacher has to create a relaxed atmosphere in the classroom (i.e. the teacher has to try to prevent anxiety in himself/herself or the students). 3. The teacher has to present tasks in an interesting way which makes the tasks seem achievable to the students. 4. The teacher should develop a good relationship with the students. 5. The teacher should increase the learners' self-confidence about language learning (i.e. the teacher helps students feel they can be good at learning the language). 6. Every teacher has to make the language classes interesting, familiarize students with the target language culture (adopted from "Ten commandments for motivating language learners: results of an empirical study by Z. Dornyei and K. Czizer, Language Teaching Research, Hodder Arnold 1998).

There are some factors that affect motivation that the teacher can influence and some that are very difficult for the teacher to influence directly. It is worth pointing out that learners in a class will not necessarily all share the same views and be motivated by the same things. In a teacher's mind, motivated students are usually those who participate actively in the class, express interest in the subject matter and study a great deal. Teachers can easily recognize characteristics such as these. They also have more opportunity to influence these characteristics than students' reasons for studying the second language or their attitudes towards the language and its speakers. If we can make our classrooms places where the students enjoy coming because the content is interesting and relevant to their age and level of ability, where the learning goals are challenging yet manageable and clear, and where the atmosphere is supportive and non-threatening, we can make a positive contribution to the students' motivation to learn.

Although little research has been done to investigate how pedagogy interacts with motivation in second language classrooms, considerable work has been done within the field of educational psychology. In a review of this work Graham Crookes and Richard Schmidt ((1991) "Motivation: Reopening the research agenda" *Language Learning* 41/4:469–512) point to several areas where educational research has reported increased levels of motivation for students in relation to pedagogical practices. Included among these are: 1. Motivating students into the lesson. At the opening stages of lessons (and within transitions), it has been observed that remarks teachers make about forthcoming activities can lead to higher levels of interest on the part of the students. 2. Varying the activities, tasks, and materials. Students are reassured by the existence of classroom routines which they can depend on. However, lessons, which always consist of the same routines,

patterns and formats, have been shown to lead to a decrease in attention and an increase in boredom. Varying the activities, tasks and materials can help to avoid this and increase students' interest levels. 3. Using co-operative rather than competitive goals. Co-operative learning activities are those in which students must work together in order to complete a task or solve a problem. These techniques have been found to increase the self-confidence of students, including weaker ones, because every participant in a co-operative task has an important role to play. Knowing that their team-mates are counting on them can increase students' motivation. Clearly, cultural and age difference will determine the most appropriate way for teachers to motivate students. In some classrooms students may thrive on competitive interaction, while in others, co-operative activities will be more successful. It is important to stress that not all activities need adapting to maximize interest. Some learners may like the simplicity of a straightforward activity sometimes. However, variety is important and many activities that appear to lack intrinsic (essential) interest can easily be adapted. This is when the teacher teaches a subject – such as mathematics, physics or engineering – through English. The material of such lesson is similar to a standard course-book sequence in that it combines varied skills work with a focus on grammar; it is different only in that the topic is one associated with subject teaching rather than language teaching. The main advantage is that learners are learning both the language and the content simultaneously, which makes this approach particularly appropriate for younger learners (students in our case). A disadvantage is that insufficient language knowledge may inhibit the learning of the content. The teacher needs to ensure that the material is intelligible, e.g. by checking comprehension, using simplified texts, and taking "time off" to deal with language issues. But teachers cannot reach their aims if they don't encourage their students.

References:

1. Zoltan Dornyei, Kata Csizer. Language Teaching Research 2. – With permission of Hodder Arnold, 1998 – C. 203–15.
2. Crookes G.E. Schmidt R. “Motivation: Reopening the research agenda” – Language Learning, 1991.– 41/4:469–512.
3. Doff and Jones. “Mistakes” – from Language in Use Upper Intermediate Classroom Book, 2005.– 139 c.
4. Lightbown and Spada. “Motivation in the classroom setting” – from How Languages are Learned, 1997.– C. 86–87

*Kapanova Aina Tulegenovna,
candidate of pedagogical sciences,
professor of RAE
Aktobe, Republic of Kazakhstan
E-mail: aynaaynakapanova@mail.ru*

THE VALUE OF THE UNION OF DUAL AND PROJECT TRAINING FOR KRMU

Abstract: The article is devoted to the problems of the process of modernization of the system of technical and vocational education. Relying on the dual education system, the educational institution will be able to combine both theoretical and practical training in the educational process, and also in combination with the Project Technology, it helps to discover the talents and capabilities of young specialists in research and design directions.

Keywords: the modernization of education, the motivation to acquire knowledge; acquisition and development of research skills; mutual interest of the parties.

*Капанова Айна Тулегеновна,
кандидат педагогических наук,
профессор РАЕ
г.Актобе, Республика Казахстан
E-mail: aynaaynakapanova@mail.ru*

ЗНАЧЕНИЕ СОЮЗА ДУАЛЬНОГО И ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ КРМУ

Аннотация: Статья посвящена проблемам процесса модернизации системы технического и профессионального образования. Опираясь на систему дуального образования, учебное заведение сумеет совместить в учебном процессе и теоретическую, и практическую подготовку, а также в сочетании с Проектной технологией способствует раскрытию талантов и возможностей молодых специалистов в научно-исследовательском и конструкторском направлениях.

Ключевые слова: модернизация обучения; мотивация получения знаний; приобретение и развитие исследовательских навыков; взаимная заинтересованность сторон.

В целях индустриально-инновационного развития государства в Казахстане по поручению главы государства начался процесс модернизации одного из главных направлений программы реализации цели – системы технического и профессионального образования. С учетом потребностей индустриализации вузам предстоит осуществить переход на новое качество подготовки

специалистов и создание эффективной системы образования через дуальное обучение.

В условиях рыночных отношений и все усложняющихся требований к содержанию образования, способам организации учебного процесса необходимы поиски новых резервов повышения качества и эффективности подготовки будущих специалистов.

В настоящее время остро стоит проблема не только качественной теоретической подготовки специалистов, но и приобретения ими практических навыков работы, предстоящей после окончания ими обучения.

Производственная практика на сегодняшний день должна рассматриваться не только как средство формирования профессиональной адаптации и навыков, развития познавательной и творческой активности будущих специалистов, диагностирования их уровня профессиональной направленности и подготовки, но и как средство формирования профессиональных компетенций. Ныне сформированная система практики не полностью соответствует развитию у студентов творческой активности и самостоятельности при освоении профессиональной деятельности. Студенты не всегда осознают связь теоретических знаний с конкретными задачами, которые они сами выполняли во время практики, что значительно затрудняет процесс формирования профессиональной компетентности специалиста [1; 2].

Проблема формирования профессиональной компетентности особенно остро стоит во время социальных преобразований и реформ. В этих условиях вопрос о количественных и качественных показателях человеческой деятельности становится делом первостепенной важности. Включенность человека в профессиональную деятельность зависит от личности субъекта деятельности, профессиональной подготовленности, наличия опыта и профессионально важных качеств. С другой стороны, это зависит также от особенностей объекта и сферы деятельности, особенностей данной профессии и конкретного вида профессиональной деятельности, которые обуславливают содержание, направленность и сроки обучения, а также средства и методы профессиональной подготовки.

Формирование структуры профессиональной деятельности должно быть обеспечено в рамках учебной и внеучебной деятельности вуза. Среди различных средств социализации личности осо-

бое место занимает производственная практика, поскольку в силу своей специфики она наиболее тесно вплетена в социальную реальность и служит связующим звеном между теоретическим обучением студента и его будущей самостоятельной деятельностью.

Производственная практика создает условия для обогащения жизненным опытом, расширения социальных контактов студента, формирования навыков самоуправления. Общаясь в коллективе с разными людьми, участвуя в решении возникающих производственных проблем, студент проявляет, развивает и укрепляет специальные умения и ценные нравственные качества. Именно в процессе практики студенты непосредственно усваивают определенную систему норм, правил, социальных ролей и ценностей, которые в дальнейшем помогут им реализоваться в качестве компетентных специалистов в своей области знаний.

Мировое признание получила **дуальная система профессионального образования**, которая является наиболее распространенной и признанной формой подготовки кадров, которая комбинирует теоретическое обучение в учебном заведении и производственное обучение на предприятии [1; 2].

Использование дуальной системы обучения дает следующие преимущества этой системы по сравнению с традиционной:

- устраняет основной недостаток обучения – разрыв между теорией и практикой;
- создает высокую мотивацию получения знаний и приобретения навыков в работе, т.к. качество знаний напрямую связано с выполнением служебных обязанностей на рабочих местах;
- заинтересованностью работодателей в практическом обучении своего работника;
- учебное заведение, работающее в тесном контакте с работодателями, учитывает их требования, предъявляемые к будущим специалистам в ходе обучения.

Дуальная система позволяет совместить в учебном процессе и теоретическую, и практическую подготовку.

Одновременно с учебой студент осваивает избранную профессию непосредственно на производстве, то есть учится сразу в двух местах: в образовательном учреждении и на предприятии.

Положительный опыт взаимодействия предприятия и учебного заведения по подготовке специалистов позволит для КРМУ провести дальнейшее совершенствование принятой в университете «Программы проектного обучения».

Т.к. под проектом понимается самостоятельно разработанное и изготовленное изделие (услуга) – от идеи до ее воплощения. Проектная деятельность – это деятельность, направленная на выполнение проектов. Приобретение навыков практической работы студентами, вовлеченными в Проектное обучение, позволит работать над приобретенным теоретическим исследовательским материалом в плане реализации идеи в изделие (услугу).

В процессе теоретической подготовки студентам возможно предлагать рассмотрение тематику Проектов в связи с их прикладным применением [1; 3].

Темы СРС также должны быть связаны с изученными ими производствами.

Предлагаются темы для самостоятельной работы, включающие такие аспекты:

- анализ строительных технологий, применяемых на производстве, на соответствие требованиям технологических регламентов;
- анализ работы технологического оборудования, применяемого на производстве, на соответствие эксплуатационным требованиям;
- анализ качества выпускаемой продукции на соответствие требованиям стандартов.

Что должен будет сделать студент, если он выбрал одну из предложенных тем для самостоятельной работы?

Будучи на предприятии, он не просто осматривает производственные помещения и установленное в них оборудование, прослушает объяснения специалистов – руководителей процессов, но и, ознакомится также с технологическим регламентом соответствующего производства, просмотрит режимные карты или журналы, где фиксируются сведения о ведении персоналом технологического режима и обслуживании оборудования, качестве поставляемого сырья и выпускаемой продукции [1; 2].

На основе сопоставления полученных сведений, и, требуемых регламентами норм ведения процессов студент должен выполнить анализ по предложенным темам СРС.

Результатом самостоятельной работы станут рекомендации студента по устранению замеченных им несоответствий.

Свои выводы он представит для коллективного обсуждения при защите СРС и тем самым освоит начальные понятия научного эксперимента и навыки.

Обсуждение рекомендаций, представленных каждым из студентов, будет способствовать получению практических навыков в коллективном решении проблем, возникающих в производстве, даст начальные понятия в области эффективности его организации и управления.

В последующем студенты, совмещая теоретическое и практическое обучение, придут к более детальному пониманию специальных дисциплин. При этом необходимо будет сделать упор на увеличение программного времени практического обучения специальным дисциплинам.

Это с нашей точки зрения, даст следующие преимущества;

- позволит максимально приблизиться к конкретным запросам производства, начиная с первого года обучения студентов;
- работодатели, будучи участниками практической подготовки студентов, смогут получать именно таких специалистов, какие им нужны;

– будущие специалисты будут более осознанно и заинтересованно стремиться закрепиться на предприятии после обучения. А это уже весьма высокий уровень мотивации.

Мы видим большой потенциал в развитии практической подготовки профессионально-тех-

нических кадров, в результате чего мы получаем возможность выйти на объединение интересов бизнеса, молодого человека и государства – совершенно новый уровень трехстороннего партнерства.

Список литературы:

1. Государственная программа развития образования Республики Казахстана на 2011–2020 гг. URL: <http://www.edu.gov.kz>
2. Капанова А. Т. Расширение возможности НИРС при дуальной системе обучения. Приоритетные направления развития науки и образования: материалы III международной научно-практической конференции (Чебаксары, 04 декабря 2014г) ЦНС «Интерактив плюс», 2014.– ISBN978–5–906626–52–3.
3. Капанова А. Т. Применение инновационных технологии в условиях университета им.С.Баишева. Современный научный журнал – № 13(125). – Белгород. 2012.
4. Борибеков К. К. Организация разработки государственных общеобязательных стандартов образования в Республике Казахстан. Региональный международный семинар на тему: «Реальный сектор экономики и учебные заведения: партнерство для модернизации профессионального образования». Алматы., 2003 – С. 35–40.
5. Абовский Н. Чему учат и не учат инженеров / Н. Абовский, Л. Енджиевский // Вестник высшей школы. 2005.– № 8.– С. 14–15.
6. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria Международной конференции по развитию педагогической науки в Евразии, Австрия, г. Вена, 15 февраля 2015 г. ISBN-13978–3–902986–53–3. ISBN-10 3–902986–53–0 – С. 24–29.
7. Приоритетные направления развития науки и образования: материалы III международной научно-практической конференции (Чебаксары, 04 декабря 2014г) ЦНС «Интерактив плюс», 2014.– ISBN978–5–906626–52–3.

*Rusalkina Liudmyla,
doctor of philosophy associate professor
of the foreign languages department
Odessa National medical University
E-mail: l_rusalkina@ukr.net*

INTEGRATION OF PROFESSIONAL AND LINGUISTIC DISCIPLINES OF FOREIGN-LANGUAGE ORIENTATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER MEDICAL SCHOOLS

Abstract: the article aims at considering an issue of professional and linguistic disciplines integration. Influence of the disciplinary integration on improvement of the educational process at medical higher schools is studied.

Keywords: future doctors, foreign language teaching, integration of disciplines.

*Русалкина Людмила Георгиевна,
доцент кафедры иностранных языков
Одесский национальный медицинский университет
E-mail: l_rusalkina@ukr.net*

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ИНОЯЗЫЧНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению вопроса интеграции профессиональных и языковых дисциплин. Изучается влияние междисциплинарной интеграции на улучшение учебного процесса в медицинских вузах.

Ключевые слова: будущие врачи, преподавание иностранного языка, междисциплинарная интеграция.

На нынешнем этапе развития педагогической науки понятие интеграции профильных и лингвистических дисциплин в образовательном процессе вызывает повышенный интерес у ученых-методистов. Проблема стала еще более актуальной, поскольку студенты неязыковых вузов не всегда обладают достаточной мотивацией к изучению иностранного языка, поскольку не ассоциируют его с будущими профессиональными обязанностями. Рациональное использование межпредметной интеграции может способствовать формиро-

ванию и усовершенствованию у студентов связей между фактами, явлениями, процессами, умение систематизировать и актуализировать полученные знания.

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса интеграции профессиональных и языковых дисциплин, изучение влияния междисциплинарной интеграции на улучшение учебного процесса в медицинских вузах.

Понятие «интеграция» насчитывает ряд определений. В словарно-энциклопедических

изданиях его рассматривают в языковом, философском, логическом и других аспектах и трактуют как объединение в единое целое каких-либо частей или элементов, как процесс или действие этого объединения. Понятие «интеграция» указывает на объединение в целое дифференциальных частей, взаимосвязь, сочетание отдельных элементов. Интеграционное объединение дифференциальных частей определяется состоянием их сопряженности. Словарное толкование понятия «интеграция» определяется как «объединение чего-либо в единое целое» [6, 237].

По мнению И. Яковлева, интеграция – это процесс развития системы, в результате которого возникает главное интегральное качество – целостность или органическая целостность, то есть интеграция выражает динамику системы, а целостность – результат движения [7, 16–19]. По И. Козловской, «интеграция – такое взаимопроникновение элементов одного объекта в структуру другого, в результате которого возникает полностью новый объект со своими свойствами. Предметом интеграции могут быть и компоненты эмпирического уровня, и высокие уровни систематизации знаний» [2, 52]. Итак, интеграцию будем толковать как процесс объединения, взаимопроникновения или состояние дополнения, обновления в целое ранее изолированных частей. В свою очередь, педагогическую интеграцию в медицинском вузе рассматриваем как единство целей, принципов, содержания и форм организации процесса обучения и воспитания, направленное на формирование системности и обобщенности знаний будущих врачей.

В рамках иноязычного образования подходящим, на наш взгляд, является определение В. Сластенина: «интеграция – это не эмпирическое объединение произвольного множества элементов процесса обучения, связанных только ситуативно, а переход количества в качество. Это внутренняя взаимосвязанная и взаимообусловленная целостность процесса обучения, имеющая свойства, ко-

торые отсутствуют в ее отдельных компонентах (целях, содержании, методах, формах и т.п.)» [4]. Уровень межпредметных связей рассматривается как нижний уровень интеграции, который характеризуется «ассимиляцией инструментария, активизацией знаний, их обобщением и систематизацией» [5, 209].

Проблему межпредметных и междисциплинарных связей в образовательном процессе исследовали ученые: П. Атутов, С. Батишев, И. Зверев, П. Кузьменко, П. Кулагин, В. Сидоренко, В. Стещенко и др. Исследователи по-разному трактуют термин «межпредметные связи». Причину видим в объективно существующем функциональном характере самих межпредметных связей.

По нашему мнению, межпредметные связи не только способствуют систематизации образовательного процесса и повышению прочности усвоения знаний студентами, но и стимулируют познавательный интерес студентов к обучению. В результате полученные знания становятся не только конкретными, но и обобщенными, что дает возможность студентам переносить их в новые ситуации и применять на практике. Анализируя исследования межпредметных связей как педагогическую категорию, приходим к выводу, что отсутствует единый взгляд на эту проблему. Исследователи (Н. Бурцева, М. Левин, Н. Черкес-Заде и др.) рассматривают межпредметные связи как дидактическое условие, которое способствует повышению доступности обучения, положительно влияет на основные компоненты процесса обучения: содержание учебного материала, методы преподавания, которые использует преподаватель, и методы обучения, самостоятельно осуществляемые студентами. Ученые (П. Кулагин, Н. Лошкарева, В. Федорова и др.), определяя межпредметные связи как дидактическое условие, одновременно характеризуют их как педагогическую категорию, которая требует изучения программного материала с учетом содержания смежных учебных дисциплин и бла-

годаря этому влияет на все стороны образовательного процесса. Н. Лошкарева указывает на необходимость выделения в содержании этого термина двух значений, которые условно можно толковать как теоретическое и конкретное. С теоретической точки зрения, межпредметные связи понимают как принцип дидактики, или как одно из проявлений принципа системности и последовательности, или как дидактическую условие. В конкретном значении межпредметные связи трактуют как выражение фактических связей, устанавливаемых в процессе обучения или в сознании студента между различными учебными дисциплинами» [3, 18].

В данном исследовании рассматриваем межпредметные связи как определенный уровень интеграционного взаимодействия, который способствует эффективной организации образовательной, воспитательной и научно-исследовательской деятельности в процессе иноязычного образования. Заметим, что принцип системности в обучении нельзя ограничивать рамками одного предмета. По мнению Г. Вергелес, «межпредметные связи содержат взаимосвязи между умениями, навыками, способами деятельности, которые должны быть сформированы у обучающихся, между методами и приемами передачи знаний, между действиями преподавателей в отношении студентов» [1, 36]. Некоторые исследователи (Ю. Кузь, М. Скаткин) рассматривают межпредметные связи как проявление дидактических принципов системности и научности. Следует подчеркнуть, что в самом определении межпредметных связей уже заложено понятие системности, поскольку его нормативные функции составляют динамическую систему управления развитием концептуального стиля мышления студентов, то есть целостного видения мира, через методично обусловленное интеграционное использование учебных и научных дисциплин, позволяет охватить все стороны изучаемого явления или процесса, его связи и отношения с явлениями окружающего мира.

Анализ вышеупомянутого позволяет сделать выводы о том, что развитие проблемы определения межпредметных связей сопряжено с развитием философских и научных взглядов ученых; межпредметные связи должны неразрывно реализовываться на основе педагогических и дидактических принципов и содержать целостность, научность, системность и доступность.

Результативность обучения в условиях междисциплинарных связей иностранному языку в медицинских высших учебных заведениях происходит на основе:

- умений студентов–будущих врачей осуществлять междисциплинарный перенос знаний при решении познавательных и профессиональных задач, самостоятельно решать междисциплинарные проблемы (увидеть проблему, составить план ее решения, отобрать нужные знания по различным предметам, обобщить их, сделать выводы):

- мотивации образовательной деятельности студентов с помощью междисциплинарных связей;
- степени сложности междисциплинарных задач для студентов разных курсов (I и II), уровня их подготовки;
- степеней осознанности междисциплинарных связей в изучении предметов медицинской направленности.

Междисциплинарные связи реализуются в различных формах организации аудиторной и внеаудиторной деятельности медицинских вузов: на обобщающих занятиях, семинарах, лекциях, экскурсиях, факультативах, конференциях, в домашних заданиях.

К основным требованиям, предъявляемым к междисциплинарным целям обучения и образовательным программам, можно отнести следующие: 1) учебные материалы междисциплинарных образовательных программ должны в равной степени отвечать целям овладения иностранным языком и специальности; 2) иностранный язык в междисциплинарных образовательных программах должен выступать не целью обучения,

а средством организации обучения профессиональной деятельности и достижения ее результатов; 3) профессиональные знания, связанные с иностранным языком, должны структурироваться в логическую последовательность, которая позволит студентам организовать продуктивное взаимодействие в группе для решения текущих задач в процессе обучения и обеспечит это взаимодействие средствами иностранного языка; 4) языковой материал должен быть представлен на занятии в виде упражнений, ориентированных на развитие логического и дидактического мышления, что позволит студентам анализировать грамматическую структуру языка, а также моделировать аналогии лингвистических явлений, изучаемых; 5) междисциплинарные образовательные программы должны информационно дополнять друг друга учебным материалом, обеспечивая взаимодействие в ситуациях профессионального общения, а также обеспечивать тематическую

организацию курса обучения, основанный на анализе потребностей студенческой академической среды и обусловлена объемом знаний медицинской специализации, изучается.

Таким образом, необходимость расширения и совершенствования подготовки в системе высшего медицинского образования диктовалась переходом высшей школы к новой образовательной парадигме, направленной на достижение определенного уровня обученности отдельной личности будущего врача и общества в целом. Подводя итог, можно утверждать, что от успешного решения проблемы отбора содержания учебных иноязычных материалов с учетом междисциплинарных связей во многом зависит эффективность англоязычной подготовки будущих врачей. Использование интеграции дисциплин делает возможным обобщение и повышение уровня фундаментальных знаний, способствует развитию логического мышления и его креативному применению.

Список литературы:

1. Вергелес Г. И. Дидактика / Г. И. Вергелес, В. С. Конева. – М., 2006. – 284 с.
2. Козловская И. М. Теоретико-методологические аспекты интеграции знаний учащихся профессионально-технической школы: дидактические основы: монография [под ред. С. У. Гончаренка] / И. М. Козловська. – Львов: Мир, 1999. – 302 с.
3. Лошкарева Н. А. Межпредметные связи как средство совершенствования учебно-воспитательного процесса. – М.: МГПИ, 1981. – 54 с.
4. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М.: Школа-Пресс, 1997. – 512 с.
5. Соловова Е. Н. Интегративно-рефлексивный подход к формированию методической компетенции преподавателя иностранного языка в системе непрерывного профессионального образования: дисс. ... д-ра пед. наук. – М., 2004. – 434 с.
6. Толковый словарь украинского языка / [ред.: Т. В. Ковальова, Л. П. Коврига]. – Харьков: Синтекс, 2002. – 672 с.
7. Яковлев И. П. Интеграция высшей школы с наукой и производством / Яковлев И. П. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 126 с.

*Yan Tian-ming,
English language instructor, Zhejiang International
Maritime College, Zhoushan, Zhejiang, China*

E-mail: timyan2004@163.com

*Chernytskyi Volodymyr,
Ph.D., Prof., National University
of Shipbuilding, Mykolayiv, Ukraine*

E-mail: chernytskyi@yandex.ua

CASE STUDY OF ESP TEACHING PATTERN USING DESKTOP SIMULATOR

Abstract: Starting from the current state of ESP teaching and the implementation of desktop simulator-based work into teaching professions at vocational colleges in China, this paper raises a new ESP teaching/learning approach as an efficient means of ESP competence acquisition improvement. Being the case study of the teaching practice at authors' educational institutions, it explores an ESP teaching content development and application of the desktop simulator aimed at providing a powerful tool for the ESP teaching technique in the educational process.

Keywords: desktop simulator, English for specific purposes (ESP), teaching/learning pattern, marine engineering English (MEE).

Introduction

There are two main categories of teachers engaged in ESP teaching in China: English language teachers and those dealing with occupational subjects provided the share of the bilingual education is relatively high in the syllabus. English language instructors, familiar with the language acquisition practice, are not customized much with professional competences of vocational experts. Moreover, in the course of teaching, they confine themselves frequently to the explanation of a teaching material itself, lacking deep exertion into the contents of subjects and horizontal ties among them. Instructors delivering professional subjects who are familiar with the knowledge in the field, do not possess, as a rule, the competences of well-trained language teachers. They know the equivalent terminology covering the subject, but in the way of arranging communicative situation in English, the instructors fall into a 'silent majority' group with the students, as far as classroom communicative activities are concerned. Therefore, the instructors are of-

ten focused on the knowledge content of teaching which could hardly provide adequate consolidation and improvement of students' ability to acquire basic language competences. The logical result is the lack of activity and communication.

At present, the students enrolled in higher navigation colleges are the fourth and fifth groups of high school students. Compared with the undergraduate students, their English skills are insufficient, their study autonomy is low, and their learning purposes are far from being obvious for them. Although some students realize the importance of English learning, but because the foundation is too unstable to keep up with the progress, they become demotivated easily. They are 'deaf and mute' in listening and speaking, and their study pace is still passive. So when the students are faced with an English language class activity, the complexity of syntax and variety of vocabulary make them feel embarrassed.

The research into ESP teaching in China shows that the theoretical research of ESP is much ahead

of its practical implementation. Scholars pay more attention to the analysis of target situations instead of teaching/learning patterns proper. More emphasis is focused on the curriculum and textbook selection, with few research and practical implementation of teaching techniques. Up to now, the ESP teaching in colleges and universities in China has not entered a mature stage both theoretically and practically due to at least three reasons: firstly, the problem of an ESP place in college English has not been solved well; secondly, there is no unified understanding of the nature and teaching principles of ESP, and thirdly, the study of teaching techniques in the field of ESP are not elaborated and described thoroughly enough. Some teaching techniques suitable for general English are copied in the classroom teaching, but ESP has its own distinctive features. For example, in MME classroom too much attention is paid to grammar and translation into the mother tongue. This technique, being traditionally useful in GE teaching, displays itself as inefficient and even destructive for the students' ability to think and communicate in English. The situation becomes more risky when 'on-line' occupational environment, i.e. international seafarers' crew operation is concerned.

1. Ship's simulator as a new approach to ESP acquisition improvement

Desktop simulator is a kind of hard- and software in which computer simulation methods are used to display the control box, physical platform and other simulation equipment used on board real ship, simulate operation and control functions of an engine room or bridge equipment, and provide training and proficiency assessment for operators. At present, some scholars and educators at maritime colleges and universities of China have carried out an exploration into ESP teaching pattern with the aid of a simulator. For example, Cai Donglin [1] probes into the teaching practice of an engine room simulator. He puts forward some suggestions on how to arrange teaching maritime courses and choose the correct training technique according to the simula-

tor-aided teaching pattern, as well as illustrates the achievements made with the help of an engine room simulator by multiple examples. Zeng Dong [2] discusses the analysis of the start-up of the dead-state ship based on the UNITEST engine simulator and considers the whole starting steps of the dead-state ship. Hu Xianmin [3] makes use of virtual engine room desktop system in a small-size class teaching to assist the reform of professional teaching and demonstrates its efficiency. These studies enrich both theory and practice of a simulator-aided teaching pattern and play an important role in promoting ESP teaching technique at vocational institutions.

However, there are some limitations, since the above-indicated approach mainly involves professional cognition, engine room resource management, troubleshooting procedures, etc., as well as it evidently lacks the integration of simulator-aided education with that of MEE teaching. Therefore, it is meaningful and valuable to explore the empirical research of the ESP teaching pattern based on the simulator operation on the background of traditional teaching technique in order to consider all the benefits of classroom teaching of MEE.

2. Analysis of simulator and ESP teaching pattern

Firstly, it reflects the teaching concept of "learning by doing". An outstanding American educator Dewey, believes that all types of learning are byproducts of action and knowledge can be learned through action and thinking [4]. The ESP teaching mode based on the desktop simulator reminds the idea of "learning by doing" rather evidently. Taking the simulator as an interface, learners can achieve specific knowledge acquisition and language skill enhancement through a group cooperation and task fulfillment, in the real environment situation. This desktop simulator based on virtual reality allows students to experience and study in the environment of a complete virtual engine room with a sense of presence and manipulation of 3D reality image. It can not only realize the seamless connection with the work of a

large ship engine room, but also enhance the professional ability of students in the field of comprehensive use and management of engine room resources.

Secondly, it emphasizes the authenticity of teaching content. As is known, authenticity of materials is the soul of ESP teaching. Desktop simulator software is developed on the basis of real situations and scenes, that are closely related to their specialties [5]. As for the simulator operation commands, an English instruction for each working task appears in a true context. It is a real situation for learners to simulate the completion of a work task through reference books (or their own English proficiency) in combination with instructions and pipeline diagrams, which can improve the students' competence while facing the real job situations. Therefore, the ESP teaching based on desktop simulator embodies the authenticity of ESP teaching content and strengthens the characteristics and connotation of ESP.

Thirdly, it is based on the needs analysis. In ESP teaching, it is urgent to design a desktop simulator which can meet the needs of individual students according to the complexity of individual differences and language learning level. The desktop simulator described in this paper is a Polish-made UNITEST desktop simulator installed at author's college. The system uses a large diesel engine as a model to construct a complete virtual engine room, which covers four operating systems of ME power station, auxiliary devices and systems, etc., with full English interface. It is designed and developed according to the needs of job capabilities and can satisfy the diversity of individual differences and needs of students, stimulate motivation and help learners to improve their ESP competence.

3. The operation modes of the desktop simulator

The UNITEST desktop simulator combines the professional ability demand for the 4th engineer of ocean-going ships. It designs the work task and situation based on the operation process. The procedure starts with the dead-state of the ship. First, the emer-

gency generator is initiated to perform the switching ship-shore power and the emergency power supply, then the main generator is started to execute diesel power supply, and, finally, checks the four major systems of the ME, prepares the relevant stand-by and makes sure that the main engine is operating at a constant speed, which requires the functioning of auxiliary equipment, such as a boiler, air conditioning, refrigeration, etc.

Considering the operation of ship's power system in Working task 1, as an example, the learning situation is to start the emergency generator, switch over the power supply between ship and shore and feed emergency power through emergency switchboard. Students are required to complete their tasks with the help of the engine room desktop system by reading English instructions and reproducing their operating procedures in English. Thus students' reading ability, translation and reciting skills and qualification competence can be activated. The teaching steps are as follows:

- 1) Divide students into groups and distribute instructions for emergency generator start-up. Students are required to read the manual and discuss the instructions in teams. Let students analyze the pipeline diagram through group discussion and select one representative to report;
- 2) Ask each group to practice on the desktop simulator reference in compliance with the diagram and instruction book;
- 3) Comment on the operation process and results of students' activity (discussion, analysis and summary of the malfunction);
- 4) Choose a student to verbalize the whole operation again in English.

The main teaching techniques used are task teaching, situation verbalizing and group cooperation. Students accept the task and complete it in the context of desktop simulator through group cooperation. The form of tasks-cycle was assumed: pre-task, task and post-task, that is, the students read the instruction manual and the pipeline diagram with

the help of a dictionary or a reference book, and use the information gap between different group competence to understand and grasp the main points of the manual. Then a simulation practice is performed according to the manual and pipeline diagram. After the operation is completed, the students are required to verbalize the whole operation process in English.

The evaluation adopted includes process assessment, results assessment, group competition, which can also be used in the form of both display and instant evaluations to avoid a single assessment and evaluation modes. The comprehensive abilities of students' ESP proficiency should be considered as the assessment goal by means of the overall evaluation model of process assessment.

Conclusion

Desktop simulator can not only provide the real work situation and content, but also account for learner's needs analysis. It plays an important role

in changing the present situation of maritime English teaching and also develops students' language competence. Therefore we can state that this new teaching pattern could be adopted in ESP teaching. The relevant software was developed for different specialties, systems or operational simulators, all of which provide a new platform for ESP teaching improvement. But it requires teachers to strengthen their professional knowledge and study the teaching function of an ESP using desktop simulator in order to realize the deep integration of ESP teaching with software, system or simulator and step out onto a new path suitable for ESP teaching pattern. Comparison of empirical results of a semester-long teaching observations in two students' groups by the traditional approach and that of the proposed one, referred to in one of our previous publications [7], completely prove our hypothesis and instill confidence in the approach set forth herewith.

References:

1. Cai Donglin. The teaching and practice of marine simulator, *Nautical Education Research*, 2006. – No. 3. – P. 54–55.
2. Zeng Dong. Starting Analysis of paralyzed ship based on UNITEST engine Simulator, *Journal of Qingdao Ocean crew College*, 2010. – No. 4. – P. 16–18.
3. Hu Xianmin. Research on implementation of small Class Teaching in higher Vocational College based on Virtual engine Room Desktop system, 2014. *Ship and Sea Project*. – Vol. 14. – No. 1. – 115 p.
4. Zhang Heng. *Dewey's lectures in China*. Gold&Wall press, 2011. ISBN: 9787802517158
5. Wang Weiping. ESP teaching mode in higher vocational colleges, *China Adult Education*. 2010. – No. 3. – 139 p.
6. Wang Weiping, Chernytskyi Volodymyr. Digital Educational Resources as a Component of Linguistic Environment Basis for ESP Blended Learning. In: *The Proceedings of, the 3rd International Conference on Education and Social Development (ICESD 2017, April, Xi'an, China)*. ISBN: 978-1-60595-444-8.
7. Yan Tianming. ESP teaching mode based on desktop simulator, *ship & ocean engineering*. 2016. – No. 6. – P. 154–155.

Section 8. Political science

*Vasilyeva Olga,
Ph.D., political science, rector,
State Regional Autonomous Institution of Additional Education
“Regional Institute of Professional Development”
Russian Federation, Veliky Novgorod
E-mail: vasiljeva.ole2014@yandex.ru*

CONDITIONS FOR THE FORMATION OF A NEW POLITICAL AND MANAGERIAL ELITE

Abstract: the article analyzes the state of regional elites at this stage of the modernization of society, as the most important indicator of its state and development prospects, identifies the methods of struggle against the degradation of the political elite.

Keywords: regional authorities, political and administrative elites, heads of regions, influence rating of heads of subjects of the Russian Federation, degradation of political elites, political experience.

*Васильева Ольга Владимировна,
кандидат политических наук, ректор,
Государственное областное автономное
учреждение дополнительного образования
«Региональный институт профессионального развития»
Российская Федерация г. Великий Новгород
E-mail: vasiljeva.ole2014@yandex.ru*

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация: в статье анализируется состояние региональных элит на данном этапе модернизации общества, как важнейшего показателя его состояния и перспектив развития, обозначены приемы борьбы против деградации политической элиты.

Ключевые слова: региональные власть, политические и административные элиты, главы регионов, рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации, деградации политической элиты, политический опыт.

Настоящий период жизни российского общества характеризуется наличием множества новых, острых, широко обсуждаемых в современном мире проблем, не встречающихся ранее, которые

привлекают всеобщее внимание, широко обсуждаются в средствах массовой информации не только нашей страны, но и всего мира в целом. Состояние экономики и политики нашего государства связывается непосредственно с представителями высшего эшелона государственной власти, их деловыми и морально-политическими качествами, что обсуждается в обществе особенно оживленно. И это закономерно. В стране взяла верх идеология дезинформации и умалчивания. Существующий политический режим породил стремление нижестоящих инстанций сообщать «наверх» только благополучную информацию, скрывая и замалчивая неудачи, ошибки и провалы. Сейчас на смену этому, по сути, бесконтрольному явлению наступает время осознания людьми реальной политической обстановки приходит период более объективного осознания существующих политических реалий, более трезвой оценки вклада в общее дело высшего социального слоя – политической элиты.

Важное место в формировании и развитии региональных сообществ занимает региональная власть, её политические и административные элиты. Именно они создают предпосылки для успешного функционирования управления власти на местах, так как формируют нормативное, бюджетное, налоговое, организационное, управленческое пространство.

Ход современных реформ в России, её федеративное устройство во многом зависят от успешного решения проблем местного уровня. В условиях современного этапа модернизации успешное решение проблем местного уровня будет иметь непосредственное влияние и на общее состояние реформ страны в целом. Федеративное устройство России таково, что, в первую очередь, получает развитие территориальный, или региональный принцип, так как отдельно взятые субъекты имеют уникальные территориальные политико-экономические и социокультурные особенности, что свидетельствует о её региональном многообразии.

Перспективы развития общества и его состояние на сегодняшний день являются важнейшим показателем состояния элиты. Состояние элит представляет собой один из важнейших показателей состояния общества и перспектив его развития. «В этом проявляется сложившаяся в течение столетий российская специфика, заключающаяся в том, что в нашей стране состояние, интересы и действия, прежде всего, элитных слоев, правящих групп и их оппонентов были осознаны гораздо лучше, нежели массовых слоев, а их активность во многом определяла драматические моменты российской истории, расколы и социальные катастрофы» [1, с. 205].

Момент выхода государства из кризиса и начало инновационного типа развития можно спрогнозировать. Такой переломный момент наступает только при условии готовности самих элит изменяться и при отсутствии массовых социальных слоёв со сформированными интересами в социальной области.

На проведении дальнейшей ключевой политики главами регионов с августа 2018 года серьёзно отразились их личные встречи с президентом, вопросы коррупции, проблемы внутриэлитного взаимодействия, социально – экономическая и политическая стратегия развития страны в целом, а также региональные инциденты, ставшие достоянием внимания федеральных СМИ.

Все перечисленные выше факторы являются показателями для кадровой перестановки. Кроме того, поводом для отставки губернатора по – прежнему являются экологические проблемы региона, наличие задолженностей по выплате зарплат сотрудникам бюджетной сферы, резкое отставание в развитии инфраструктуры и другие, в том числе социальные проблемы. Кроме того, особое внимание обращается на рост или снижение экономических показателей и связанных с ними инвестиционной привлекательности, промышленного потенциала. Личностные качества главы региона занимают далеко не по-

следнее место в данном списке. Умение общаться с населением, принимать правильные и своевременные решения в непредвиденных ситуациях, открыто говорить о наболевших вопросах – всё это входит в сумму тех факторов, которые будут учитываться при оценке первого года работы новых глав, избранных в период 2017–2018 гг., после чего часть из них может попасть под очередную волну ротаций [2].

Отставки губернаторов активизируют региональные политические процессы. Не всегда эта активность приводит к позитивным изменениям, однако назначение новых руководителей позволяет расшевелить старых факторов, а также провести масштабную ревизию в регионе [3].

Анализируя рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в первой половине 2018 г., можно сделать следующие выводы: на региональную политику повлиял Российский инвестиционный форум в Сочи; укрепляется влияние губернаторов, сумевших эффективно выстроить отношения с крупным бизнесом.

В процессе решения основных задач возникает необходимость в формировании новой структуры страны в целом. Той управляющей элиты, которая взяла бы на себя ответственность за выбор пути развития, заключающийся в прогрессивном повышении качества жизни россиян. формируется новая политическая и управленческая элита страны, готовая взять на себя ответственность за выбор дальнейшего пути развития, обеспечивающего необходимый прогресс в повышении качества жизни российских граждан, способная «достичь качественного изменения жизни, качественного изменения страны, ее экономики и социальной сферы» [4]. Но, как показывает опыт, такая элита тоже не была застрахована от «технических» сбоев в процессе проведения модернизационных реформ, главным из которых явились непоследовательность в принятии решений и эклектичность программных действий и намерений.

Если элита больше не способна развиваться, если она деградирует, то следом за ней рано или поздно начинают подвергаться деградации личность, культура, что неизменно приводит к глобальной катастрофе: вырождаются целые народы, классы, гибнут не только государства, но и целые цивилизации.

В истории России ведущую роль всегда играло государство, а политика преобладала над экономикой. Традиционно доверяющей оставалась только позиция политико – административной элиты. Её функции непосредственно связаны с типом управления государством. Современная политическая жизнь российского государства характеризуется не только наличием проблем, не встречающихся ранее, но и требует активного участия в их разрешении структур гражданского общества.

Опираясь на политический опыт, можно обозначить направления, исключающие деградацию политической элиты. Сюда можно отнести определённый короткий период пребывания у власти, избрание или назначение лиц, их систематическая и подробная отчётность о проделанной работе, смена кадрового состояния организации управления, право выбора при смене руководства. Несколько приемов борьбы против деградации политической элиты. Прежде всего, это – предельные сроки пребывания у власти избираемых и назначаемых лиц, их периодическая отчетность, обязательное обновление кадрового состава органов управления, соблюдение принципа альтернативности при замене, конкурсный отбор и др.

В настоящее время прилагаются серьёзные усилия для того, чтобы провести формирование политической элиты с учётом основных принципов демократии. Делается серьёзная попытка кардинально изменить формирование политической элиты нашего общества на основе демократических принципов: многопартийной политической системы, гласности, плюрализма мнений. И здесь уместно вспомнить предостережение

выдающегося русского ученого И. А. Ильина [5, с. 259], который писал, что любой государственный строй плох, если не создает условия для выдви-

жения к управлению страной лучших людей, любые выборы, любая демократия не имеют смысла, если в ходе их разрушаются государство и нация.

Список литературы:

1. Никовская Л. И., Молокова М. А. Элиты в России: обновление и возможности конкуренции // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете: материалы Международного конгресса 19–22 апреля 2017 г. / сост. П. Л. Карабущенко; под ред. проф. А. П. Лунева и проф. П. Л. Карабущенко. – Астрахань. Астраханский государственный университет. Издательский дом «Астраханский университет». 2017. – С. 205–209. – 364 с.
2. Орлов Д. Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в августе 2018 года // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regcomment.ru/articles/rejting-vliyaniya-glav-subektov-rf-rossiyskie-regiony-i-regionalnaya-politika-v-avguste-2018-goda>-свободный, Загл. с экрана. Яз. рус / (дата обращения 17.10.2018).
3. Актуальные комментарии [Электронный ресурс] URL://<http://actualcomment.ru/osenni-gubernatorpad-kak-novye-vrio-spravlyayutsya-so-svoimi-obyazannostyami-1810150834.html>- свободный, Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 9.10.2018).
4. Артюков О. Задачи Путина: президент обозначил приоритеты развития России [Электронный ресурс] // URL: <http://politics.pravda.ru/authority/kremlin/08-02-2008/255159-zadacha-0/>- свободный, Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 9.10.2018).
5. Сборник «О грядущей России»: Избранные статьи / Под ред. Н. П. Полторацкого. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.

Dang Thi Minh Ly

PhD in sociology, lecturer at Vinh University.

Do Van Quan

PhD in sociology, Ho Chi Minh National Politics Academy

E-mail: minhlydhv@gmail.com

THE MOVEMENT OF POLITICAL SYSTEM OF VIETNAM'S RURAL COMMUNITY: FROM TRADITION TO MODERN TIMES

Abstract: In fact, there are many studies on the political system in rural communities in Vietnam, in many respects and in various scientific slices. However, there still seems to be a need for presence by the analytical direction of sociological studies on the topic: the movement of political system in rural communities in Vietnam: from traditional to modern times. Accordingly, the article shall use a social function and social conflict approach to analyze the interaction between the State administrative system and the Village autonomous system (formal and informal); the social base of politics; politics in the changing movement ... in rural communities in Vietnam.

Keywords: Political system, Rural communities, Local politics, Non-local politics

Introduction

It can be said that the topic of political system in rural areas in Vietnam has been interested and studied by many scientists in various scientific aspects including law studies, politics, history, ethnology, sociology (Nguyen Van Sau and Ho Van Thong 2001; Hoang Chi Bao 2005); Nguyen Quang Ngoc 2009); Phan Dai Doan 2010); Nguyen Quang Ngoc 2014). The above-mentioned works address issues in various aspects of the political system in Vietnamese rural communities on both theoretical and practical aspects; synchronic and diachronic aspects. However, the major studies focused on historical and political dimensions. Meanwhile, the direction of interdisciplinary analysis, emphasizing its changing movement dimension in the sociological approach has not been properly considered. Within the framework of the article, we aim to systematize and analyze some of the basic features of the political system in rural areas in Vietnam from traditional to modern times, from the perspective of synthesizing data of published studies in a sociological approach. The main system from a sociological approach is often emphasized in aspects of social function and social

conflict; between the State administrative system and the village autonomous system (formal and informal); the social base of politics; politics in the constantly changing movement.

2. Characteristics of political system in rural communities in Vietnam

From a policy perspective, the political system is a structure, organization consisting of political parties, the local Government, and socio-political organizations that exist and operate within the framework of the existing law to maintain, protect and develop the society. The system of organizations which the dominant class exercises political power in society through it.

From the sociological approach, the commune-level political system (rural community), in addition to fulfilling the functions and tasks set out in the legal documents, must treat and regulate the interests of the different groups of local residents, including "disadvantageous" groups and "advantageous" groups, and many other interest groups within the legal framework. Whether the grassroots political system is stable, whether it fulfills its function and tasks or not, and how it is accomplished depends on

a number of factors such as the level of economic development, the level of education, standard of living, historical characteristics and cultural traditions of the locality; the political level, the leadership and management expertise of the staff of the grassroots political system, and, of course, also depend on other factors in the macro institutional environment [3, 5–8]. The political system in the rural area composes of the Communist Party of Vietnam, administrations and socio-political organizations operating in the commune. The commune is considered as the grassroots of the society, the place of residence and living of people, the place where the Party's policies and guidelines, the Government's policies and laws are implemented, and the direct connection between farmers and the Party. The working relationship of the grassroots political system reflects in the organizational structure, content and mode of operation: the Party organization has the leading role of the grassroots political system, the commune government has the role of State management, the Fatherland Front and its member organizations such as the Ho Chi Minh Communist Youth Union, the Farmers' Association, the Women's Union and the Veterans' Association, the Confederation of Labor have the role of solidarity, bringing together the masses to participate in activities of building and developing the country, implementing grassroots democracy. The political system in rural areas in Vietnam has its own characteristics. The grassroots level is tied to the rural community. Thus, its organizations and operation is self-governing inherited by tradition. Not only that, rural grassroots is the place to deploy and evaluate the implementation of lines, policies and laws of the Party and State. At the same time, it is also the best place to understand the urgent needs, thoughts and aspirations of the people. In this view, it is possible to understand the political system in rural areas in Vietnam as the State administrative politics.

In addition, rural Vietnamese communities have the village autonomous political life (informal, unofficial). That is the relationship between people,

communities and the state does not completely follow the hierarchy of the State administrative system (informal, unofficial), even may appear "rebellious" status of citizens against the state, of the local community against the local government and the central government. An expert on Vietnam's policies on agriculture, rural areas and farmers, Benedict J. Tria Kerkvliet has raised the issue of the role of the State administrative politics in the area of agriculture, rural areas and farmers through some of his researches on the area of agriculture, rural areas and farmers in modern times. He believes that the dissolution of the cooperative model developed by the Party and the state in the area of in the pre-reform period is not top-down but bottom-up, due to the "Small is the seed of every greatness" of what he called "Everyday Politics" of Vietnamese farmers [5]. Today, the State administrative politics and the Village autonomous politics in rural areas of Vietnam may be identified through the relationship between commune and village. The commune includes a number of villages. The difference in the mode of operation between the commune and the village is that the commune is the grassroots level having the nature of the state and the village is an autonomous and self-governing organization having civil nature. The commune is the administrative unit in terms of economy, culture and society, and the village is mainly a voluntary one. They are different but not contradictory, but complement each other [4, 12–17].

To Duy Hop supposes that, between the State administrative and autonomous polities have complementary relations, but also conflict with each other. And this is a positive effect, as it demonstrates that farmers are not resigned to the voluntarism, unreasonable and unfriendly imposition of the Party and State; they persist in exercising their true mastery, despite the fact that they may be voiced, even being blamed for being a rebel (anti-Party, anti-State), counter-progressive (not following the socialist-oriented socio-economic model proposed by the Party and the State). The problem is to re-position

of freedom, democracy of farmers in particular, of Vietnamese citizens in general; overcoming the prejudice that the political lines of the Party and the State are always correct, the resistance of the people is always wrong. No political direction is always right [4, 34–38].

The characteristics of the State administrative political system before 1945 in rural area in Vietnam are always in the state of inequality: according to hierarchical order of feudal tradition. In the presence of village officials and propertied gentry looks at all the work in the village: domestic and foreign affairs. This machine was created on the basis of a system of social positions of the village. The traditional self-management system of village is the consequence of internal divisions within the village. The population in the commune is divided into 5 classes: Chức sắc including passers or dignitaries; Chức dịch includes the people working in the commune; Già is the old man in all animal designation; Đình refer to men and boys in all animal designations; Ti ấu refer to children. Lí dịch manage primarily three classes of people Lão, Đình, Ti ấu, basing on animal designation, therefore, management and organization is completely voluntary and quite stable; The head of Lí dịch (the village officialdom) is Lý trưởng (Chief); followed by phó lí (Assistant), hương trưởng (public affair) and trưởng tuần or xã tuần (security guard and patrol). The main management tool of the village officialdom has two types of book — Sổ đình (Men' book) and sổ điền (Economic Book): a hand controls manpower (men), and other hand controls economy, field and land. From such an organization, it has created community and autonomy [8]. However, the State administrative politics in rural areas of Vietnam in the feudal times also played a role in shaping modern democracy. According to Bui Quang Dung, politics at the communal level under the Nguyen dynasty and until the early days of the colonial regime consisted of three divisions: men, council of notables and village officialdom. Dân hàng xã (men) are all men 18 years of age or

older, meaning those who are responsible for paying taxes, performing labor and military service. Dân hàng xã have the right to vote and participate in the discussion at the commune level. Hội đồng kỳ mục (Council of notables) includes those who own land and property, have either a position or a dignity, and have the authority to issue guidelines and measures to govern. Lý dịch (the village officialdom) includes government officials at the commune level, headed by the chief (Lý trưởng). Lý dịch is to implement the guidelines of the council of notables and responsible for the village before the central government. Thus, we see that Dân hàng xã have the right to vote, Hội đồng kỳ mục has the right to represent and Lý dịch has the “executive” right. In short, it is a well-known principle of decentralization as the basis for the state organization of modern democracies [5, 7–9].

State administrative and village autonomous politics are one of the most essential characteristics in rural communities in Vietnam. Normally, in every village, the State administrative relationship is official from the state and the village autonomous relationship, ie the civil relations, the internal autonomy of the village. Each village has a full range of gathering by area such as bamboo, alley; by the political, cultural, religious and belief goals, etc. There are also a number of sets for economic purposes, such as trade or plow associations, craft groups, or groups of gender, by age, even by entertainment preference. These sets have their own objectives and content, but in reality have merged, overlapped and formed numerous strands that bind farmers in the village organization. Traditional Vietnamese village should be considered as a stable and stable social territory [7]. The period of high-level agricultural cooperatives in rural areas in Vietnam, the State administrative relationships are of particular interest to organizations such as mass organizations, associations and committees of the Fatherland Front, while village autonomous relationships are restricted or inhibited or so narrow that it no longer exists [6, 23–35]. In the 1930s-1940s, in the revolution of August 1945, our Party relied on

civil society, gathered patriotic forces to overthrow the state of feudal colonialism, and regain national independence for the establishment of the democratic People's State. Our state is the state of the people, by the people, for the people have spoken of the close and organic bond between the state and society, expressing the nature of the class, the nature of the people. But not so that can be said that the state and society are identical, they are still two distinct entities, in the North, almost 100% of the population entered the cooperative. After the unification of the country in 1975, more than 80% of the rural population in the South joined into cooperatives and production groups. Organizations of youth, farmers, women, senior citizens, the Fatherland Front operated according to the purpose and political tasks of the Party — referred to as the state.

In addition, the limitations and variations between the State administrative and village autonomous politics; between the functions and conflicts and the social basis of rural politics is a remarkable point that has been analyzed by Phan Dai Doan. The state embraces society, society is a part governed by the state. In a country where weak civil society is driven by a centralized and downward subsidized plan forming a vertical management system that generates a general tendency “upwards” according to the administrative power scale. State management levels (including the party, government, and the Fatherland Front's communities) tend to disregard horizontal relations and subordinate relations. In the resistance war against the United States, due to the laws of war and defense, created a solid national solidarity that made this trend was limited maximum, difficult to disclose publicly, but in the period of building peace, it is exposed naturally. Once the state governs society, there will be a phenomenon: individuals and families seek to exploit cooperatives, subordinates ask superior for higher resources distributed according to plans, Local officials ask the central government to pour investment ... Because lives of individual and families are dependent on cooperatives, subor-

ordinates depend on superior, resources are provided by the state. Exploitation, ascension depend on the collective, superior, the central. Even after, it would create the bureaucratic way of despising the same level, despising subordinates, despising the masses [3]. According to analysis by Nguyen Quang Ngoc, the settlement of the State administrative political and Village autonomous relations, ie state-village relations (or village management issues) of Vietnamese states throughout history, there has been no successful experience. We have had costly lessons for the impassioned subjective attitude of wiping out the old village with the extreme administrative measures of the era of building inter-village and entire communal high-level agricultural cooperatives. Incorrect treatment of the village-state relationship resulted in the most serious consequences that the conservative and backward aspects of the traditional village were not lost, but in fact growing in the context of deteriorating agricultural and rural economy, hungry farmers, and the heavy and stressful society [7, 6–9]

It is easy to see that politics in rural community in Vietnam in the period before the August Revolution of 1945 often appeared in the state of powerful people. This is a consequence of village-commune politics that is both tolerant and opposed to central politics. The powerful people in rural area in Vietnam came from the most powerful, most influential families in the village. The powerful people are degenerative and metamorphic elements of the village management system, combining with some landlords to become a political and economic power and disturb the whole village life. They, on the one hand, exploit the lack of rigor, the loophole of the law and the state policy towards the village; On the other hand, they take advantage of the complexity, confusion of organizational structure and the nuisances of custom to consolidate power and that power made them corrupted [7, 45–49]

. Politics in rural communities in Vietnam is now free of the bad powerful officials of scale and nature as in the period before 1945, but there are certain

manifestations of this problem, by the cadres. The Party cadres are degenerate, abuse of power, bullying the people, losing the confidence of the people for the leadership of the Party, the management of the State. This situation is one of the dilemmas of politics in Vietnam's rural community today that requires timely and feasible solutions. Practices have shown that there are many solutions to this problem. However, according to the suggestion of Bui Xuan Dinh, the analysis of the powerful officials bullying villagers in feudal times suggested that setting up standards to ensure the rights, regulating the responsibility and authority of the officers in the village administration as well as the monitoring of their activities with specific sanctions through legal documents is very necessary. In other words, "management of the village management apparatus", strengthens the effectiveness of the law, expanding democracy in rural areas, resolves the relationship between law and custom, administration and self-management, etc play a very important role in limiting the "power corrupting" of officials in the village administration. We think that these are lessons learned in the history of anti-bullying that we need to consider for the training and use of the staff, especially the head of the commune, construction of the political system at grassroots level serving the management of rural society today [7, 18].

One of the characteristics of politics in Vietnam's rural community is the indispensable rise of the "organizing" process of civil society. During the old-fashioned cooperative, civil society was very weak, unorganized. Villages became production teams, the patrilineages operated quietly. The activities of civil society in rural areas were narrowed down to the minimum (5% of family land and maintaining beliefs by some family, patrilineage, etc.), very weak. It can be said that the civil society in rural areas does not exist independently, all of which (first of all family and hamlet, village ...) are transformed into the structure of the state. Cooperatives are the subject, the part of the state, the village into a production

team, a production group, and the self-governed social forces are very faint and trivial [2]. From the late 1980s and in the 1990s of the twentieth century, social forces developed strongly and more and more "organizing" emerged. Villages were re-established with the control of the government at all levels, into semi-governmental organizations. Merchants, business operators united, self-controlled by their own will in the association. It can be said that the types of civic organizations (guilds) and semi-civil organizations (villages) are intermediaries between individuals-families and the state [2]. It's not yet saying that the renovation of Vietnam is aimed at verifying the relationship between the state and society, or in other words, creating a solid social basis of politics. In reality, however, the renovation has manifested the functional division of the state and society. In other words, the development motivation has almost always been the state, but now they are multi-organized, diverse forms of economic components of different classes of people, but the order of operation is still fundamentally maintained by the old management which has not promoted all the capacity of society. That is contradictory [9, 6-9]..

One cannot forget to mention the prominent feature of politics in the Vietnamese rural community is the expression of the mechanism of arrangement. In the traditional Vietnamese society before 1945, the arrangement mechanism often has a combination of politics and society (social basis of politics), but more social element. Beliefs, religions: family, ethics, morality are the mechanisms of arranging village officials and notables, Lý dịch (the village officialdom) with the administrative modes was associated with convention. This mechanism has existed for thousands of years and has created stability in the village. However, in the modern era, this arrangement mechanism may inherit but is presently outdated, must be changed. The organization of small-scale peasant village's officers is not a strong arrangement, not macro-level and not enough strength to resist the invasion of France, the United States of America.

In the resistance war against France and the United States, a completely new arrangement model, a political arrangement on a national scale, created a great power, replacing the social arrangement. The fact is that social arrangement integrates into political arrangement. The choice of the above arrangement form is correct. The institution of this arrangement is: Party system at all levels in rural areas; system of government at all levels in rural areas; system off the Fatherland Front and socio-political organizations are the bridge between politics and society, the state and civil society. The advantage of this type of arrangement is the combination of politics and society, the Fatherland Front has played the role of mobilizing the masses following the Party, implementing the policies of the government. Eliminating the situation of poor harmony, but when social arrangement is integrated into political arrangement and politicized, there is the downside that subordinates are dominated by superior; people are dominated by the government. This dominance is more severe in cooperatives [9, 34–40].

According to the current socio-economic transformation, for mass organizations, associations in the Fatherland Front are also becoming increasingly functionalized. The political representation for a gender, age group ... needs to change to meet the objective requirements. These associations also play the role of intermediaries — both in the state and at the same time as part of society, bringing society into the market economy in the line of the Party and the state. The associations in the Fatherland Front are still mass organizations that fulfill the political demands of the party during the war, so there is no function of construction or economic organization. Before the requirement of renovation, if the old politics keep its motive function, then it will be limited even to powerless, so its function has to be transformed into serving for a socio-economic development [2]. In the past, in rural areas, only communal members and staff, families and cooperatives were collectively referred to as the collective farmer class, but now they

are individuals working in agriculture, traders, and farm households processing agricultural products. Collective farmer class is no longer available. At present, there are many new entities in the countryside: production and business organizations of individuals, households, cooperative organizations, clubs and socio-economic associations. These new subjects, to a large extent, operate outside of the state's management. This process also generates and develops many powerful subjects and benefits. The focus is reduced, extending the rights of local levels, especially the existence of folk-affiliated organizations, faith-based organizations, social organizations, etc which are relatively independent subjects [10, 2–9].

Besides, the political system in rural communities in Vietnam now has characteristics with socially identifiable signs: It has the simplest apparatus, the most fluent staffs, the least professional ones, usually matured from the practice. In addition, the political system in rural communities is strongly influenced by patrilineage relations, village and commune cultures, and the functioning of the organization. In particular, the political system is influenced by patrilineages and local ideology, taking advantage of the “A leading light is the crutch of the whole village”. It is quite common practice that the leadership and management of the political system in the Vietnamese rural community is mainly represented by men and the old people, while women and young people are present in some areas such as health, education, youth unions and women association. The members of the political system in rural areas are mostly elected by the peasants by term. If they do not continue to be re-elected, they return to their previous and traditional family work.

3. Movement Trends of Political System in Rural areas of Vietnam -Some Interpretations

Although there have been positive changes, the operational mechanism of the political system in general and in rural communities of Vietnam in particular has been characterized by a one-way relationship from top to bottom; As well as revolving

around a centripetal axis, the concentration of power ... In fact, this operating model, in addition to the advantages, will create "system failure" defects. In particular, it makes the political system less capable of adapting to the demands of ever-increasing, diverse, and complex social change in the Vietnamese rural community today.

Discussing the movement trend of political system in rural communities in Vietnam, Bui Quang Dung has made a noticeable remark: The regeneration of the ruling apparatus clearly expresses the characteristics of the stratification system and the social structure. Once the roles have been created, they will also create hierarchical order, patterns of behavior, and interests. Those roles are very difficult to change and they tend to replicate, even beyond the functions that those roles are made to perform [3, p.107]. In fact, the most important issue of socio-economic and political development in rural areas of Vietnam is the participation of the community and the people. Previously, we had a village community, which was represented by the chiefs (Lý trưởng) and the commune chiefs (Xã trưởng), but now there are also officials in the grassroots political system. However, the problem is that the staff and political system must take care of social development. To do so, it is necessary to renovate the content and mode of operation of the Party and the Party cells so that it is truly the leading nucleus in the rural area. At the same time, to promote the administrative reform and intensify the training and upgrading of commune officials and civil servants; To renovate and raise the quality of activities of the Fatherland Front and socio-political organizations in rural areas; To create favorable mechanisms and conditions for Vietnam Farmers' Association in directly implementing programs and projects in service of production and improvement of farmers' living conditions, guiding the development of forms of collective economy in agriculture ... is becoming an urgent requirement.

In addition to the achieved results, the political system in rural communities is not only lack of di-

rect democracy established by the people themselves (because of the grassroots democracy regulation in communes, wards and townships defined by the Government, the grassroots democracy ordinance in communes, wards, and townships promulgated by the National Assembly) but the democracy through representation is not really representative of the people. Thus, research on the rural political system is particularly important in the context of the extension of democracy, especially grassroots democracy, and the promotion of human rights protection as the spirit of the Constitution 2013. In order to promote the movement trend of the political system in rural areas of Vietnam in the direction of better meeting the needs of the development of agriculture, rural areas and farmers (the Tam Nong area), it is necessary to implement synchronous solutions. It should take into account the good deal of: the State administrative and village autonomous relations; community and autonomous; simultaneously satisfying both objectives: politics and society; between stability and change.

From the overview of related studies on the political system in rural communities in Vietnam before and now always simultaneously two trends: community/democracy and autonomy. Although these two trends have different degrees and expression, for the rural political system, community/democracy is the union of the members of the village together, and each one towards the other. Meanwhile, autonomy reflects the isolation of villages, and independence from the center. If the community functioned to link members of the village (extrovert), autonomy would determine the independence of the village (introvert). This is a characteristic that needs to be taken into account in the issuance of policies and management of leadership and management of political subjects in Vietnamese rural communities today.

From issues such as just analysis and from the power of suggestion in the theory-based sociological approach to research on a certain topic. For example, the application of social system theory may

suggest us new scientific and practical foundations in approaching innovation, building and perfecting the political system in the Vietnamese rural community. Accordingly, until now, we still have a common perception that the characteristics of the political system in general and in the rural Vietnamese community in particular are unified under the comprehensive leadership of the Communist Party of Vietnam (committees of party at all levels). Our political system is not a system of opposing institutions in terms of benefits. Because, the Communist Party/Party committees at all levels are a member of that system but the Party/Party committees at all levels play the leading role.

The Party's leadership on the political system and the whole of society in rural communities in Vietnam is undeniably indispensable. However, in the current situation, this awareness is not wrong but not fully complete. Because the involvement of social forces in rural communities into the general operation of the political system has changed the homogeneity of template and thinking about grassroots political systems in the countryside. The result of the activity of this change is the product of the multidimensional and often variable impact of political-economic practice and social realities in rural communities in Vietnam.

References:

1. Tong Van Chung: Curriculum of Sociological Foundations of Vietnam's Rural Community, Education Publishing House, Hanoi, 2011.
2. Phan Dai Doan: "State and society – From the reality of rural Vietnam today", Sociology, Number 3, 1995.
3. Bui Quang Dung: Rural sociology, Social Sciences Publishing House, Hanoi, 2007.
4. Bui Xuan Dinh: "On the degeneration of the power of the feudal government", Journal of State and Law, number 11, 2002.
5. To Duy Hop: Detailed outline of Rural sociology textbook, Institute of Sociology, Ho Chi Minh National Politics Academy, Hanoi, 2014.
6. Trinh Duy Luan: "The grassroots political system in rural area through the people's opinion", Sociology, Number 1, 2002.
7. Nguyen Quang Ngoc: State-village relations: Historical processes and lessons, <http://khoalichsu.edu.vn>, 2012.
8. Nguyen Minh Tuan: "Village-commune in ancient and present times", Journal of Science and Homeland, Number 11 and Number 12, 2004.

*Karapetyan Mkrtich,
Ph D., candidate, Faculty of Political Science
University of Bucharest
E-mail: mkrkich.karapetyan.ub@gmail.com*

TURKEY'S FOREIGN POLICY SHIFT TOWARDS SYRIA IN THE CONTEXT OF THE SYRIAN UPRISING

Abstract: The article aims at explaining the sudden shift in Turkey's foreign policy towards Syria during the first months of the Syrian uprising in 2011. For that purpose it analyzes Ankara's foreign policy discourse and actions in regards of Damascus, and their actual objectives.

Keywords: Turkey's foreign policy, Syrian uprising, Middle East politics, foreign policy shifts.

Introduction:

The traditionally inimical relations between Turkey and Syria since the formation of the two republics had greatly changed starting with the Adana agreement in 1998, that avoided a Turkish-Syrian war after the Syrians agreed to the Turkish demands and ceased their support of the Kurdish PKK, and by 2011 had dramatically transformed into a close partnership, being largely described as 'strategic'. This development, besides considerations of *realpolitik*, had been boosted by the arrival of the Justice and Development Party (AKP) to power in Turkey, which took a more active approach towards the Middle East, especially the neighboring countries [14, 31], based on the new Turkish foreign policy doctrine advocated by the Foreign Minister Ahmet Davutoglu in his "strategic depth" and "zero problems with neighbors" concepts. He argued, that Turkey should use its Ottoman Imperial past and its unique geography to extend its influence throughout the Middle East, the Balkans and Central Asia. Davutoglu's vision was that this policy, after being successfully implemented, would eventually result in Turkey having "zero problems with neighbors" [1].

This scope was largely achieved with Syria, as the relations reached to a level, that at times Turkey even objected to the US policies against Syria, advocating a dialogue with it, instead of the policy of pressures [13, 150–151]. Between 1999 and 2010, 51 proto-

cols were signed on trade, development and cultural exchanges, while in 2009 the two states had signed a visa free agreement and established a 'Strategic Cooperation Council' [2, 24]. Turkish exports to Syria reached to 1.85 \$ billion compared to the number of only 232 \$ million back in 1999 [25].

However, the outbreak of the so-called 'Arab Spring' in Syria made Turkey change its political discourse and policy towards Syria and assist the anti-governmental forces, causing the dramatic deterioration of Turkish-Syrian relations.

Turkey's initial reaction to the Syrian uprising

For Turkey the uprising in Syria against the Ba'athist regime raised the most serious problems, since the entente with Syria had been the centerpiece of Turkey's Middle Eastern policy and the government had made an immense effort for the development of economic and political relations with its southern neighbor [26, 244]. It was also the perfect "casebook example" of Davutoglu's "zero problems with the neighbors" policy [10, 10].

Since mid-March when the wave of the Arab uprisings reached Syria, starting from some protests in the southern city of Dar'aa, Turkey was initially trying to persuade President Bashar al-Asad to enact social and economic reforms. On March 27 Turkish Prime Minister Erdogan had a telephone conversation with the Syrian president, expressing "his support for the leader of Turkey's neighbor" and "warning him of

the image of security officials using force against the Syrian people”, urging al-Asad to implement reforms [24]. Asad’s response to these accusations was that “there were circles whose aim was to stir up trouble than protest for reforms” [24]. Nevertheless, in April Syria’s president implemented most of the reforms that were being demanded by the protesters at the time: the country’s state of emergency law, that was implemented back in 1963, was lifted, Al-Asad abolished the Higher State Security Court, a special court that prosecuted people regarded as challenging the government, he also issued a decree “regulating the right to peaceful protest, as one of the basic human rights guaranteed by the Syrian Constitution” [18]. Yet, all these steps were considered insufficient or untimely and did not change the Western and Turkish rhetoric against the Syrian regime.

In mid-May Erdogan took a bit tougher stance, already demanding immediate democratization steps, as “the momentum toward democracy in the Middle East is irreversible” [22]. So here Turkey was already playing the democracy card, trying to adapt itself to the external incentives, against an obviously authoritarian regime, something with which it had no problems short time before that, when building up a relationship of “brotherhood” [17], and even a personal friendship with the dictator himself. Though Davutoglu had declared democracy along with integration at all levels as primary goal of the new Turkish foreign policy, the fact of the matter is that Ankara had never made democracy a priority in its relations [10; 11].

Anyway, in this period, Erdogan still kept calling Asad “a good friend of his”, continuing to express Turkey’s concern about the situation in Syria as “a domestic affair” for Turkey, because of the 800 kilometers border between the two countries and their close relations [22].

The Turkish government was also already expressing its concern about a sectarian split in Syria, “We have concerns that sectarian clashes might erupt in Syria that could split the country. We do not want

to see such a thing” [16]. This undoubtedly was mainly in reference to the Kurdish minority of Syria, which, in case of such a sectarian split, could gain more authority in the Northern part of Syria, and thus represent a bigger security threat for Turkey.

Thus, during the first couple of months Turkey’s official stance was one of a friend both to the Syrian authorities, with Bashar al-Asad at its head, and the Syrian people. Erdogan and the rest of the governing apparatus were underlining the friendship between the two regimes, represented by Erdogan and Asad, along with the calls for reforms that the Syrian people needed.

This, besides being a somewhat neutral policy of waiting for more developments in order to be able to decide which side to support eventually, was also a way for AKP party of not losing prestige and potential voters within the country, and especially among the Alawite and Alevi minorities of Turkey (who were mainly supporting good relations with Syria and sympathizing Bashar al-Asad) before the upcoming June 12 parliamentary elections in Turkey, in which the Justice and Development Party (AKP) eventually won an anticipated third term in office for 2011–2015 with about 50% of the popular vote and 327 seats (out of 550) in the country’s unicameral Grand National Assembly [5].

Turkey’s foreign policy shift towards Syria:

Anyway, it seems that the Turkish authorities had already made the bet on the quick overthrow of Asad, after witnessing the fall of Tunisia’s Ben Ali, Egypt’s Mubarak, and Qaddafi’s fate in Libya. They seemed to be strongly confident in the Domino effect theory and its infallibility, which was much debated at the time in explaining the success of the Arab uprisings [20]. That is why, after securing the party’s positions within the country, the AKP government could now implement their desired foreign policy more freely. Hence, after the elections Turkey started taking a gradually harsher stance towards the Syrian government. At the end of June and the beginning of July Erdogan was stating that Ankara’s patience with

the situation was running out and that he was going to send the Turkish Foreign Minister Davutoglu to convey a “resolute message” [7], threatening to join the international measures against the regime. Syria’s answer by the presidential advisor Bouthayna Shaaban was that if Davutoglu was going to deliver a firm message, the Syrian reply would be even firmer in regards the Turkish stance, accusing the Turkish side for not condemning the brutal killings and crimes committed by armed terrorist groups against civilians, the military and police members till then. Shaaban stated, “Syria rejects all regional or international attempts of interference in its internal affairs” [7].

According to a high-ranking Turkish diplomat Davutoglu’s visit was going to show “whether the ties will be cut loose or not... if a new (Turkish) policy is to be outlined on Syria – that’s the last meeting” [7]. This may mean that Turkey was going to offer a deal to al-Asad, and whether he accepted it or not would decide whatever policy the AKP government was going to implement further on. Such a deal could be to allow Muslim Brotherhood’s activity in the country and to give them a quarter or a third of the ministerial portfolios in the government. Instead, Turkey was going to support Asad in order to end the rebellion in Syria [21]. Obviously, this was rejected by Damascus.

The same official was also quoted stating, “the situation here is not like the one in Libya. No one can do anything on Syria without Turkey... I don’t think that military action against Syria is likely, but the process may lead to an embargo, isolation and a Saddam Hussein-like situation for Asad” [7]. The above mentioned shows that Turkey was trying by all means to be an important and major part of whatever action the International Community (the West) would decide to take against Syria, in order not to lose its regional importance in the eyes of the West, the Middle Eastern countries and its own population as well. And at the same time complying with the international perception of the ‘Arab Spring’ as a pure national awakening movement or Renaissance of Arab people against their despotic regimes.

As anticipated, Davutoglu received a lukewarm welcome in Damascus, with only a deputy foreign minister greeting him at the airport on arrival. The Turkish Foreign Minister was very sketchy with the details of the six-hour series of meetings with Asad and his team, but it is clear that the Syrian regime had rebuffed him. After the meeting the Syrian regime once again announced its rejection of any foreign interference, asserting that it would continue the campaign against the “armed terrorist groups” [8].

Although there were talks that Turkey was also transmitting the US’s message to Damascus, Davutoglu stated that the messages he had conveyed to Bashar al-Asad were those of Turkey only [15]. Though, as a US ally, Turkey undoubtedly was also conveying the US message to the Syrian leader, as can also be concluded from Hilary Clinton’s statement at the early stage of the Syrian crisis, referring to Erdogan’s leadership in the Middle East, that “the US would follow Turkey’s lead” [11, 44]. So Turkey had been attributed with an important role for bringing al-Asad down.

Nonetheless, by then Ankara had been refraining from calling for al-Asad’s departure, and was arguing that a democratic transition should take place under his leadership. However by mid-June Erdogan had already changed his tune, describing the regime’s crackdown on the opposition as “savagery” [26, 244]. Not surprisingly, Erdogan’s stern words to the Syrian president coincided in time with Washington’s first public references to a “Syria without Asad” [3]. Obviously, the US had found a great opportunity of getting rid of the Syrian regime, which could not happen without Turkey’s support. And they made Turkey believe that the withdrawal of the regime is a just a matter of weeks.

From the moment Turkey turned against al-Asad’s regime, Erdogan and the AKP government had been betting on a quick resolution that would bring to power Syria’s 70 percent majority of Sunni Muslims [12]. From the position Erdogan took on the Arab uprisings became clear that his hostility towards Israel

and sympathy with its Arab neighbors was not only popular in domestic politics, but was also consistent with his eager embrace of Sunni Islamism, especially the Muslim Brotherhood [11, 46].

So after Turkey made its stance clear against the Syrian government, it started, now publicly, supporting the Syrian opposition, trying to topple the Syrian regime as fast as possible, in order to avoid a long term instability in Syria, which could, and, as we witnessed later, did eventually become a big security threat for Turkey. Ankara, by assisting the regime change in Syria, besides gaining international praise as a party that assisted the “victory of democracy”, would attain more influence in the region in general, and in Syria, in particular, by having a neighboring government composed mainly of Sunnis, and elements of the Muslim Brotherhood organization. This was the main goal Turkey hoped to accomplish with its policy towards Syria, in order to get the best out of the created situation.

Syrian opposition activists had already started gathering in Istanbul since May 2011 to discuss regime change [19]. Similar gatherings were frequent also in the following months, mainly under the auspices of Turkish NGOs, but certainly not without the approval of the Turkish government. And the attendees of these conferences such as “Change for Syria” and “National Freedom Conference”, were not interested in dialogue with the regime in Damascus [3]. Apparently, in this period, Turkey was pursuing a backdoor diplomacy, secretly assisting the Syrian anti-governmental forces, while not having yet publicly announced its posture. Later on, being fully convinced by an international consensus that the Damascus regime would fall soon, in November Ankara already recognized the Syrian National Council (SNC) as the official representative of the Syrian opposition [23], which was due to its relationship with the SNC’s main member, the Syrian Muslim Brotherhood. The fact that the SNC is largely a Sunni Muslim organization and that an estimated 25 percent of its members are Muslim Brothers made it easy for Turkey to back the group [4].

Turkey was also training army dissidents on its territory, and a group of them announced in October 2011 the birth of the “Free Syrian Army” under the supervision of Turkish military intelligence [9], that was going to fight the Syrian regime. And a senior defector from the Syrian army, Colonel Riad al-As’aad, who had established himself in Turkey, claimed to command this army of “15.000 deserters”, while denying that he received any assistance from the Turks [26, 245].

It was already clear that there was no return for Turkey regarding its Syria policy, and it had to do everything possible to get the Asad regime down as fast as possible. This constituted a major u-turn in Turkey’s foreign policy towards Syria, as well as the region in general, creating a series of long-term difficulties for Turkey.

Conclusions

Turkey’s abrupt change of policy towards Syria during 2011, in the context of the uprising in Syria, was mainly driven by external incentives, and was not stemming from purely Turkish national interests. The Turkish policy towards Syria in the mentioned period can be explained within the framework of the neoclassical realist theory, as the international environment and systemic factors were the main incentives of the shift Turkish authorities made in their foreign policy towards Syria, but this change was also affected by some internal factors to some extent, considering that the Turkish government was also taking into account what reaction would that policy have inside the country, and trying accordingly to minimize the negative results. While having to position itself against Damascus, Turkey chose to support the Muslim Brotherhood, considering the latter’s Islamist identity.

Nonetheless, it was not beneficial for Turkey to cut the ties with Syria and abandon a partnership in the establishment of which the Turkish government had invested so much during the previous decade, since the great economic, as well as political cooperation that the two states had managed to achieve would go astray. Moreover, the instability in Syria

and the escalation of the conflict were going to result in the empowerment of the Kurdish positions in Syria, whom the Turks consider their main security threat both inside the country and outside of it. Gaining more autonomy in Syria, the Kurds would represent a bigger and direct security threat to Turkey. By taking sides against the Syrian regime Turkey was also risking its relations with Iran, which is an important gas supplier to Turkey, as well as limiting its economic exchange with other countries of the region, for which Syria had been playing the role of a transitory country.

That is why at first Ankara acted cautiously, adopting a neutral policy of waiting. During the first couple of months the Turkish officials were refraining from partisan announcements and simply insisting on the need of reforms and urging the Syrian government to implement them. By this the Turks were trying to gain more time in order to consider all their options, as well as not to cause any dissidence inside the country that could weaken the AKP's positions before the upcoming Parliamentary elections in June 2011.

Anyway, Ankara had no choice but taking the Syrian opposition's side, sooner or later. The US clearly desired to use the created opportunity and get rid of the Syrian regime, and Turkey, as a US ally and a democracy supporter (as it was trying to present itself), could not be on the opposite side. It could theoretically remain at least neutral, as in the case of the US invasion to Iraq in 2003, but that way Turkey would be left aside of the regional developments and could no longer claim a regional leadership in the Middle East. It was crucial for Turkey to be one of the main

actors in finding a solution for the Syrian crisis. So after guaranteeing the majority of the seats in the Turkish parliament, by this having already made their internal positions much stronger, and also getting new external incentives and ultimately being convinced by the West that a regime change in Syria was just a matter of a few weeks, the AKP government started steadily uncovering its policy change in regards the Syrian government. Turkey started now publicly and much more actively supporting the Sunni Islamist opposition and their militants, hoping to see them in power in Syria in the near future. This would be the best scenario for Turkey in the created circumstances, as after having a Sunni government installed in Syria, it would find now a new partner with more shared identity. Besides, it would claim a much better position both in the region and in the eyes of the West as well.

Nonetheless, Turkey's calculations of a quick regime change in Syria turned out to be wrong and the least desired course of the events was actualized in Syria. As Fuat Keyman and Sebnem Gumusu state, the "Arab uprisings were a substantial crisis for Turkey's role in the Middle East as a regional soft power". [6, 87] The Syrian conflict was a crucial test for Davutoglu's foreign policy doctrine. Because of a few miscalculations about the Arab uprisings and of the problematic Syria policy, Turkey lost its appeal in the international community.

In conclusion, given everything discussed above, it can be argued that had not the US supported Bashar al-Asad's removal, the Turkish government might have turned a blind eye to the uprising in Syria, as it did, for instance, in the case of Bahrain.

References:

1. Aaron Stein. Turkey's Failed Foreign Policy, NY Times, – August 22, 2014. URL: https://www.nytimes.com/2014/08/23/opinion/turkeys-failed-foreign-policy.html?_r=0
2. Ana Almuedo. New Turkish Foreign Policy towards the Middle East: Neither so New, Nor so Turkish, PapersIEMed/EuroMeSCo, – Barcelona, 2011.
3. Asli Ilgit and Rochelle Davis. The Many Roles of Turkey in the Syrian Crisis, MERIP, January 28, 2013. URL: <http://www.merip.org/mero/mero012813>

4. Bayram Balci. Turkey's Relations With The Syrian Opposition, Carnegie Endowment for International Peace, April 13, 2012. URL:<http://carnegieendowment.org/2012/04/13/turkey-s-relations-with-syrian-opposition-pub-47841>
5. Berk Esen and Sinan Ciddi. Turkey's 2011 Elections: An Emerging Dominant Party System?, Rubin Center, October 27, 2011. URL: <http://www.rubincenter.org/2011/10/turkey%E2%80%99s-2011-elections-an-emerging-dominant-party-system/>
6. E. Fuat Keyman and Sebnem Gumusu. Democracy, Identity and Foreign Policy in Turkey: Hegemony through transformation, Palgrave Macmillan UK, 2014.
7. Erdoğan sends Turkish FM to increase pressure on Syria, Hürriyet Daily News, 8/7/2011. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/erdogan-sends-turkish-fm-to-increase-pressure-on-syria.aspx?pageID=438&n=erdogan-sends-turkish-fm-to-up-pressure-on-syria-2011-08-07>
8. Fadwa al-Hatem. Turkey won't let Syria become another Iraq, The Guardian, – 10 August 2011. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/aug/10/turkey-syria-complex-relationship>
9. Haytham Manna. Syria's opposition has been led astray by violence. The Guardian, – 22 June 2012. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/jun/22/syria-opposition-led-astray-by-violence>
10. Henry J. Barkey. Turkish Foreign Policy and the Middle East, Ceri Strategy Papers, – No. 10. – 6 June. 2011.
11. Hillel Fradkin and Lewis Libby. Erdogan's Grand Vision: Rise And Decline, World Affairs, – Vol. 175. – No. 6. – March / April 2013. – 44 p.
12. Jonathan Randal. Syria's Threatened Minorities, NY Times, – May 4, 2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/05/05/opinion/syrias-threatened-minorities.html>
13. Kinga Smoleń. The Arab Spring In Syria. Implications For Turkey's Regional Policy, Teka Kom. Politol. Stos. Międzynar. – OL PAN, 2013. – P. 150–151.
14. Sheharyar M. Khan. The Transformation of Turkish Foreign Policy Towards the Middle East, Policy Perspectives, – Vol. 12. – No. 1. 2015. – 31 p.
15. Only Turkey's messages conveyed, AK Parti, JDP official website, – August 09, 2011. URL: <https://www.akparti.org.tr/english/haberler/only-turkeys-messages-conveyed/11599#1>
16. PM Erdoğan warns of sectarian clashes in Syria, RİZE – Daily News with wires, 5/15/2011. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/pm-erdogan-warns-of-sectarian-clashes-in-syria.aspx?pageID=438&n>
17. PM rejects foreign-policy-shift criticism, Hürriyet Daily News, 12/23/2009. <http://www.hurriyetdailynews.com/pm-rejects-foreign-policy-shift-criticism.aspx?pageID=438&n=pm-rejects-policy-shift-criticism-2009-12-23>
18. President al-Asad issues 4 decrees. Ending the state of emergency. Canceling the Higher State Security Court. Organizing the right to peaceful demonstrations, in Arabic (Ar-raï al-Asad yas'duru 4 maraasiim. inhaa al-a'mal bi-h'alat at-t'awaari. ilghaa' mah'kamat 'amn ad-daula al-u'lyaa... 4 الرئيس الأسد يصدر 4 inhaa al-a'mal bi-h'alat at-t'awaari. ilghaa' mah'kamat 'amn ad-daula al-u'lyaa... 4 الرئيس الأسد يصدر 4 مراسم. إنهاء العمل بحالة الطوارئ.. إلغاء محكمة أمن الدولة العليا. تنظيم حق التظاهر السلمي) URL:<http://www.egov.sy/law/ar/4/0.html>
19. Syrian dissidents convene in Turkey to discuss regime change, AFP, – 1 June. 2011. URL: <http://www.france24.com/en/20110531-syria-middle-east-opposition-groups-turkey-assad-revolution-arab-spring>
20. The domino effect of Arab unrest, CNN, – February 2, 2011. URL: <http://edition.cnn.com/2011/OPINION/02/01/roundup.jordan.egypt/>

21. Turkey 'offered Syria support' if Brotherhood given posts, Ahram Online, 29 September, 2011. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/22896.aspx>
22. Turkish PM Erdoğan takes tougher line on Syria's al-Assad, ISTANBUL – Daily News with wires, 5 December 2011. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-pm-erdogan-takes-tougher-line-on-syrias-al-assad.aspx?pageID=438&n=assad-should-take-immediate-steps-erdogan-says-2011-05-12>
23. Turkish PM: Lost Confidence in Syrian Leadership, VOA News, – No. 14. 2011. URL: <http://www.voanews.com/a/diplomatic-tensions-escalate-as-turkey-meets-with-syrian-opposition-133921103/148222.html>
24. Turkish Prime Minister Erdoğan talks with Syria's Assad, Hürriyet Daily News, 3/27/2011, URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-prime-minister-erdogan-talks-with-syrias-assad.aspx?pageID=438&n=beyond-demand-for-reforms-some-circles-try-to-stir-up-trouble-assad-told-erdogan-2011-03-27>
25. Turkish Statistical Institute. URL: <http://www.turkstat.gov.tr>
26. William Hale. Turkish foreign policy since 1774. – New York, NY: Routledge, 2013. – 3rd edition.

*Rakhimov Sherzod Saidovich,
a specialist of Innovative development of vocational
education, pedagogical professional development and
retraining institute of the Center for Vocational
Education, Ministry of Higher and Secondary Special
Education of the Republic of Uzbekistan,
Independent researcher(PhD)
of the National University of Uzbekistan
E-mail: sherikshox@bk.ru*

ISSUES OF RAISING THE POLITICAL ACTIVITY OF CITIZENS

Abstract: The article provides information on the importance of political activity in the society, the level of political participation, voters, analytical centers, and the level of citizen interest in political activities.

Keywords: political activity, mental centers, social networks, political parties, political and social processes.

One of the main criteria for a citizen to become a subject of political processes is his political activity. Such a citizen is the subject of politics and is not indifferent to the political processes in the society, and also tries to understand the changes in society and fulfills a particular role in these processes. Thus, the extent to which citizens' participation in political processes and their involvement is determined by their participation in these processes.

Scientists say that political activist S. Huntington has been studying the level of political involvement in political activity by three levels – low, medium, high-level, and L. Milbreit (1981) classifying them into the mainstream, legal and active.

Our local scholars B. Jurayev gave citizens a chance to political activists and non-activists, Sh. Ermatov's youth participation in political processes at micro and macro levels, and A. Saitqosimov was citizens of low, medium, high level political science. Given these points of view and in general, it is desirable to classify the level of political activity of citizens as follows:

- a) political active citizens (high and low);
- b) citizens who are politically passive (inactive).

The level of citizens who are politically active is divided into three types, high, middle and low-level politically active citizens, depending on the participation of citizens in political processes and their will.

– high level of political activity, which is a part of the population with high political awareness and active participation in all processes;

– middle level of political activity, whose citizens are part of the people who are actively involved in political processes, whose knowledge of political science is not high but have knowledge in other fields;

– low-level citizens, such as those who participate in the processes, who are not educated in politics and other areas, are part of the majority of the population, mostly follows to citizens of high and middle level;

Citizens who are politically inactive, such citizens are generally citizens who are not politically inclined and have no political knowledge at all. Such citizens are citizens who do not believe in politics or are afraid of participation. Today, it is important to define its criteria for studying the level of activity of all citizens.

Social, political organizations are the main component of society. These are non-profit organizations, political parties, public associations and movements. These are the main participants in political processes. Activity of such organizations are, of course, active citizens.

Citizen activity is a prerequisite for creating political, legal and institutional mechanisms of political consciousness and culture, as well as today's political and legal issues in solving them as a result of joint discussion of individual or collective issues through political activity. If citizens are not indifferent to the changes in society, democratic values in the society will be strengthened, and institutions in society will stabilize

In Uzbekistan, political rights and responsibilities of citizens are defined in the Constitution, and Article 35 of the Basic Law states that everyone has the right to apply, submit, and submit complaints to the competent state authorities, institutions or public representatives, directly or indirectly, with others. The existence of these political rights indicates the existence of a democratic system in society. This is also a sign of political rights.

The Public Reception Hall and Virtual Reception of the President of the Republic of Uzbekistan is practically justifying itself as a democratic institution of citizens' appeals. In the short term (2016–2017) more than one and a half million people applied and the number of people who have not been resolved for many years has been proven to be effective. An important outcome of this system was the increased personal responsibility of managers for quickly eradicating any errors or omissions [1].

As we can see, these indicators also indicate a rise in social, legal and political activity in the citizens. Today, every citizen should not only express his / her political activity not only through various processes within the parties, but also in direct participation in the processes of our society, and their wishes should be taken into consideration first.

Further information: The Virtual Reception and Public Reception Institute, the system of government

agencies that use them, has not been implemented in any other country. The control of each application is the most remarkable aspect of the new system [2].

The main condition for a democratic society in the country is the active involvement of citizens in political processes, in the processes of public administration. One of the key criteria determining the active participation in political processes is their choice.

Elections – is the level and indicator of democracy, which promotes public-political activism of citizens. This democratic process is not limited to the election of a particular candidate or the formation of representative government bodies, but it also promotes political and legal activity of citizens, ensures the diversity of opinions in the country, enhances the sense of belonging of the people to the Homeland, the fate, development of the country [3].

In the modern era of information-electronic era, electoral and electoral processes, in particular the participation of citizens in the elections, the software of electoral systems should be developed and transition to electoral programs, which is a new form of modern online democracy. First of all, it is necessary to create normative-legal basis.

People need to know how to make decisions, how they are exercised, and how they should be actively involved in the preparation and implementation of these decisions. For this, raising their political culture is one of the first factors. Participation of citizens in the development of state program projects is also a form of activity.

Of course, the use of the Internet in political processes will increase political activity as well as political activism. As a result of the research, it has been revealed that Internet access has increased from 12% to 26%, both in the electoral process and in political participation, in particular in political demonstrations, rallies, and petition signatures [4].

It has been revealed in the survey that, due to the use of Internet resources, due to other media outlets, political participation of citizens has become more intense, and political processes and actions are much

easier to do. In addition to participating in the poll, five other political parties, such as political activism, participated in demonstrations, participated in political rallies, contacted politicians, signing petitions, and expressing political views online.

As can be seen from this, political participation issues can not be further activated without using the Internet.

In order to intensify the membership of political parties and to expand the ranks of political parties it is expedient to establish political and analytical centers under the political party. As it has been seen in the UK experiments, it has been observed that members of political parties have declined their participation in the processes over the past two decades, since citizens now prefer to discuss actively through social networks rather than participating in political processes, worrying that the deadlines for the parties can not be fully met. However, over the last five years, the number of party members has increased. This is due to the intensification of political activity in social networks.

That is why, in our country, political participation in the political processes at the political party's political process will lead to the participation of citizens in political processes as a result of their involvement in the process of studying their relations with the party's current activities. Based on these results, political

parties will be able to review and add their programs. Such responsibilities will increase the confidence of party members and citizens in political parties.

It is important for the political parties to be involved and to be convinced that the participation of citizens in such centers will be the result of any discussion that will address the issues affecting the socio-political life of citizens. It is also possible to cast a wider public and party members' vote by posting themes on a party-friendly discussion on political matters. As a result, citizens' accession to the political party through social networks increases, their confidence in the party is strengthened. It is desirable to carry out a political-analytical center and to make a decision on its decision through the Central Council of the political party.

Citizens should be provided first of all with a socially secure livelihood, especially in public affairs, that is to have a permanent job in the community. Such a civil society is also active in political processes, and it is necessary to activate the institutions of society in order to further their political consciousness and culture, to ensure that they are accessible to citizens in remote areas, and the establishment of different analytical centers in the regions. Another factor that can motivate citizens to participate in political processes can be online activity.

References:

1. Appeal by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoev to the Oliy Majlis on December 22, 2017. URL:<http://uza.uz> –AsA – National News Agency of Uzbekistan
2. URL: <https://pm.gov.uz/uz/news/view?id=37>
3. Fundamentals of Civil Society: Study Guide / a. Jalilov, U. Muhammadiyev, Q. Juraev et al. – Tashkent, 2015. – 217 p.
4. Triangular Relationship Between the Internet, Institution, and Political Participation by Ho Young Yoon. A dissertation Ph.D., (Journalism and Mass Communication) at the University Of Wisconsin-Madison, 2017. On – P. 98–115.

Stoyanova Gabriela Svilenova,
 Postgraduate student in Political Science
 MGIMO University
 E-mail: *gabriela.stoyanova94@gmail.com*

Nazarova Regina Olegovna,
 Postgraduate student in Political Science
 MGIMO University
 E-mail: *reginanazarovauk@gmail.com*

TOWARDS SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT: SYNCHRONISING THE BRI AND EAEU MEMBERSHIP WITHIN TAJIKISTAN'S FOREIGN POLICY

Abstract: Tajikistan's National Development Strategy 2030 envisions qualitative economic development that requires substantive investment. Synchronised participation in regional initiatives like the EAEU and BRI can provide local and international opportunities for the country to achieve this goal. Official membership of the former would be a key first step.

Keywords: Tajikistan; National Development Strategy 2030; Eurasian Economic Union; Belt and Road Initiative; Eurasia.

Introduction

In 2016 the Republic of Tajikistan introduced an updated version of its National Development Strategy. The document now extends to 2030 and details a comprehensive set of goals to be achieved as part of three separate time periods [1, 16–18]. While the strategy encompasses virtually all spheres of socioeconomic development, the current rates of economic growth and prosperity in Tajikistan hardly allow for all initiatives to be funded exclusively by the state. In turn, this has brought up a necessity to attract growing investments from the country's influential neighbours, as reflected by Tajikistan's exploration of the Eurasian Economic Union (EAEU) and efforts to participate in China's Belt and Road Initiative (BRI).

This article explores the argument that prospective membership of the EAEU would also be instrumental in Tajikistan's full-blown alignment with the BRI. In the context of ongoing synchronisation between the two projects, if formalised, Tajikistan's current 'informal' integration with the Union presumes

a more substantive position within 'Greater Eurasia' than the country would otherwise have as a bilateral partner. The ensuing stronger regional ties, intensified institutionalisation, and multifaceted economic consolidation entail added regional and global heft for Tajikistan. Subsequently, this would create impetus for the investment and innovation needed for the realisation of its National Development Strategy.

National Development Strategy 2016–2030

Conceptualised in accordance with the UN's Sustainable Development Goals, the National Development Strategy of Tajikistan represents a virtual aspiration to adopt a reformed model of socioeconomic development. Subsequently, there is significant variance in both scale and scope between all relevant tasks – assuming regional leadership in energy transit, lifting citizens out of poverty, developing human capital, and expanding the real sector of the economy among others [1, 5–8]. Overall, the expected results of greater sustainability and competitiveness feature an astonishing threefold increase in GDP, a twofold decrease in poverty, annual economic growth amounting

to 8%, and large-scale social welfare spending [1, 13]. Time-wise, these objectives are spread over three four-year periods dedicated to shifting production patterns, accelerating growth, and building an innovation-based economy respectively.

Such a temporal division does provide some practical guidelines for the realisation of Tajikistan's Strategy, though it offers limited clarity of its financial underpinnings. Government estimates suggest a planned budget of \$118.1 bn, of which \$54.7 bn (46.3%) are expected to come from private actors [1, 30]. It thus becomes essential for Tajikistan to create a stable investment climate and foster regular involvement in its economy. In this sense, the wider region presents general opportunities that the country's leadership recognises as potentially instrumental – 'the proximity to regional leaders and integration projects... can be used to increase competitiveness and develop the national economy' [1, 34]. Tajikistan has indeed demonstrated a corresponding interest in close interaction with neighbouring Russia and China, including through the Eurasian Economic Union and the Belt and Road Initiative, though the practical outcomes have so far been mixed.

Between the EAEU and the BRI

The Eurasian Economic Union became an object of Tajikistan's foreign policy as early as 2014. Despite repeated high-level debates (predominantly between Russian and Tajikistani representatives), the most notable development so far is an invitation for Tajikistan to assume observer status within the Union [2]. The country has so far opted for 'informal' interaction with the EAEU through parallel institutions such as the Eurasian Development Bank (EDB) and the Eurasian Fund for Stabilization and Development (EFSD). The former in fact predicted 'minor' short-term economic benefits from Tajikistan's prospective EAEU membership [3, 8], which can potentially explain the government's limited enthusiasm. Overall, its current policy has secured consecutive multimillion EDB and EFSD loans, including a notable investment credit for

the reconstruction of the Nurek hydroelectric power plant [4]. This approach has yet to meaningfully address the critical issue of labour migration, as well as falling trade turnover rates between Tajikistan and the EAEU member states [5].

The Tajikistani leadership's recent efforts have instead been focused on establishing means of synchronisation with China's Belt and Road Initiative. Importantly, the BRI's China-Central Asia-West Asia corridor currently features Tajikistan as an allied partner as opposed to direct participant [6]. Nevertheless, the Silk Road Fund and the Asian Infrastructure Investment Bank have become the largest source of FDI to Tajikistan, providing crucial funding for projects in the fields of energy and infrastructure [ibid]. However, the basis behind these agreements is rather problematic. To avoid paying loans back, Tajikistan has been ceding lucrative mining rights and even land to China – 1000 km² along the strategic Wakhan Corridor [7, 307], 2000 hectares of arable land near the Uyghur Autonomous Region and the Upper Kumarg and Eastern Duoba mines [8] are several examples of the lack of a sound economic rationale behind Tajikistan's present involvement in the BRI.

Getting the Best of Both Worlds

The current authors posit that through active, formalised engagement with the wider processes of consolidating Eurasia 'from the East,' Tajikistan can acquire a long-term geoeconomic strategy that will lead it to its development goals. In essence, the EAEU and China are both involved in the establishment of a regional architecture with global potential and implications. This has produced certain overlap between their initiatives that the Tajikistani leadership can employ to facilitate its objectives. The use of this unique resource has so far been sub-optimal. One major obstacle is arguably related to Tajikistan's lukewarm attitude towards the prospect of EAEU membership. Yet, in the context of overall synchronisation, formal integration with the Union can already provide significant opportunities for Tajikistan to beneficially position itself within its region.

It is thus important to note that in 2017 China and the EAEU member states signed a joint declaration, agreeing to coordinate the development of the Union and the BRI by – among other means – creating a common economic space [9]. Importantly for Tajikistan, this agreement was supplemented by the creation of a multibillion investment fund for infrastructure projects and a non-preferential trade agreement (NPTA). In other words, joining the EAEU at this stage would give Tajikistan legitimate access to funding for vital domestic projects that would simultaneously bring the country closer to the BRI. The launch of the NPTA in 2019 also alleviates concerns that the government could have regarding bilateral trade with China. The non-preferential rules of origin can be used to track quotas and regulate any potential dumping of excess goods by EAEU member states that could hamper the flow of cheap Chinese goods to the Tajikistani market.

The shared investment fund is not the only source of additional revenue associated with EAEU membership. One of the specific gains Tajikistan can extract as a member of the Union stems from the area of labour migration. Formal integration in accordance with the freedom of movement rules automatically means a simplified official legal framework granting equal rights to Tajikistani mobile workers. Given the fact that remittances already account for roughly a third of Tajikistan's GDP (\$1.9 bn) [1, 33], the added stability and regulations imply substantial macroeconomic consequences. Apart from improvements in living and working conditions, a subsequent effect is the expected increase in the volume of both migrant workers and their remuneration. This allows for Tajikistan's labour force to be regarded as a significant 'private' donor to the state budget and 'investor' in the national economy. Provided that these extra funds are used to foster economic growth and development in line with the National Development Strategy, the Tajikistani leadership will come to en-

joy greater economic independence in the long term due to the decreased need for foreign loans.

The extension of Tajikistan's sovereignty via EAEU membership can also be understood in a broader sense. In order for China to exercise its investment capacity in Eurasia and intermediate trade and investment flows between Asia and Europe, it will need to apply a wide base of shared norms and standards. From this perspective, the role of regional and international organisations regulating trade relations is to provide a virtual 'support system' for the Belt and Road Initiative. Inasmuch as they institutionalise frameworks of interstate interaction in the field of the economy, organisations like the EAEU will be instrumental in deepening and widening the processes of consolidation the BRI requires. For a small state like Tajikistan, the opportunity to properly participate in standard setting and collective norm negotiation would arguably be key in transcending the status of recipient of international trends and achieving sustainable development.

Conclusion

Tajikistan's National Development Strategy 2030 outlines large-scale socioeconomic objectives that require significant foreign investments. This article demonstrated that there is scope for economic cooperation within regional initiatives that can further the realisation of these objectives. The BRI and the EAEU are turning into pillars of Eurasia's architecture. The ongoing synchronisation between these projects can be used by the Tajikistani leadership to secure involvement in economic globalisation both regionally and internationally. Ultimately, formal EAEU membership would be a strategic step in this direction. Apart from opening up short-term opportunities to attract investment and develop Tajikistan's economy, it entails a general boost in the country's political clout, thus providing additional partnership possibilities and bringing it closer to the aim of sustainable economic development.

References:

1. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period up to 2030 (Национальная Стратегия Развития Республики Таджикистан на Период до 2030 года), Dushanbe 2016. URL:<http://www.mintrans.tj/sites/default/files/2017/september/nacionalnaya_strategiya_razvitiya_rt_na_period_do_2030_goda.pdf> [accessed 29.10.2018].
2. Eurasian Economic Commission. The EAEU and Tajikistan Can Ostensibly Extend Economic Cooperation, 2018. URL:<<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-10-2018-1.aspx>> [accessed 29.10.2018].
3. Eurasian Development Bank. Evaluating the Economic Effects of Tajikistan's Participation in the Customs Union and the Common Economic Space, 2013. URL: http://www.analitika.kz/docs/EBD_Tajikistan_Presentation_RUS.pdf [accessed 29.10.2018].
4. Eurasian Fund for Stabilisation and Development. Nurek HPP Rehabilitation (Phase 1), 2017. URL: <https://efsd.eabr.org/en/projects/nurek-hpp-rehabilitation-phase-i/> [accessed 29.10.2018].
5. International Trade Centre. Tajikistan Export and Import by Leading Destination, 2017. URL: <http://www.intracen.org/layouts/CountryTemplate.aspx?pageid=47244645034&id=47244652695> [accessed: 29.10.2018].
6. EAEU Institute. Tajikistan at a Crossroads: Finding an Impetus for Trade Relations with Russia, 2018. URL:< <http://i-eeu.ru/category/news/tadzhikistan-na-perekrestke-chto-dast-impuls-torgovym-svyazyam-s-rossiej/>> [accessed 29.10.2018].
7. Malek H. Y. 'Geo-Political Significance of the Wakhan Corridor for China,' Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences, 2014.– 7(2).– P. 307–323.
8. Reynolds S., 'For Tajikistan, the Belt and Road is Paved with Good Intentions,' The National Interest, 2018. URL: <https://nationalinterest.org/feature/tajikistan-belt-and-road-paved-good-intentions-29607> [accessed 29.10.2018].
9. Eurasian Economic Commission. Trade and Economic Cooperation Agreement between the EAEU and China. 2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx> [accessed 29.10.2018].

Section 9. Psychology

*Aryayev Leonid Nikolaevich,
Psychiatrist,
Thuringian clinic of psychiatry,
psychotherapy and psychosomatic medicine.
Saalfeld, Germany
E-mail: l.aryayev@rambler.ru*

PHILOSOPHICAL CORRESPONDENT OF CHAADAEV: THE VICTIM OF "POLITICAL ABUSE OF PSYCHIATRY"?

Abstract: The article provides a psychopathological analysis of the letter of E. D. Panova to P. Y. Chaadayev. A high probability of having severe psychotic disorder is shown. This casts doubt on the well-established versions of the political, repressive background of Panova's hospitalization and of the connection of this hospitalization with the "Chadayev case".

Keywords: Chaadayev; Panova; psychopathology.

*Аряев Леонид Николаевич,
Врач-психиатр,
Тюрингская клиника психиатрии,
психотерапии и психосоматической медицины
г. Заальфельд, Германия
E-mail: l.aryayev@rambler.ru*

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНТКА ЧААДАЕВА: ЖЕРТВА «КАРАТЕЛЬНОЙ ПСИХИАТРИИ?»

Аннотация: В статье проводится психопатологический анализ письма Е. Д. Пановой к П. Я. Чаадаеву. Показывается высокая вероятность наличия у Пановой тяжелого психотического расстройства. Этим ставятся под сомнение устоявшиеся версии о политической, репрессивной подоплеке госпитализации Пановой и о связи этой госпитализации с «чаадаевским делом».

Ключевые слова: Чаадаев; Панова; психопатология.

Опубликованное в 1836 г. «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева [7, 9–34], содержащее резкие негативные отзывы о прошлом и современном состоянии России, прозвучало, по выражению Герцена [2, 482], как выстрел в темную

ночь. Николай I, ознакомившись с «Письмом» и докладом министра просвещения Уварова, написал: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного» [6, 413]. Вскоре московские

власти объявили Чаадаева «сумасшедшим» и учредили за ним медико-полицейский надзор.

Если власть рассчитывала тем самым дискредитировать его идеи, то цели она не достигла. И дело тут не в психическом здоровье «басманного философа». Парадокс в том, что Чаадаев действительно страдал каким-то недомоганием, которое сам Чаадаев и близкие к нему люди называли то «ипохондрией», то «припадками сумасшествия» [3, 40, 49, 64], но царь ошибся, полагая, что идеи Чаадаева можно вывести из его психопатологических переживаний и тем самым обесценить. Царь лишь случайно «угадал» наличие у Чаадаева психических проблем, но при этом руководствовался ложным, обывательским критерием – «содержанием» его статьи. Угадав в малом, он ошибся в главном: статья Чаадаева отнюдь не была «бесмыслицей», и вся последующая русская философия была поиском ответов на вопросы, заданные Чаадаевым [1].

Цензор А. В. Болдырев, пропустивший «Философическое письмо» в печать, был отправлен в отставку. Редактор Н. И. Надеждин был выслан под надзор полиции в Усть-Сысольск [6, 448]. Чаадаев, напуганный преследованиями, представлял дело так, что «Письмо» было напечатано без его ведома и чуть ли не против его воли [6, 418]. Кроме того, Чаадаев отрекся от адресатки «Философического письма».

Поводом к написанию «Философического письма» послужило послание, полученное Чаадаевым от близкой знакомой и соседки по имени Екатерины Дмитриевны Пановой, урожденной Улыбышевой. Петр Яковлевич сел писать ответ, увлекся, от частного случая перешел к вопросам философским, так что письмо все разрасталось, хотя посылать его вскоре стало некому – из-за кредитных вопросов между Чаадаевым и Пановыми возникло отчуждение.

В конце 1836 г. Екатерину Панову по настоянию ее мужа в губернском московском правлении освидетельствовали на предмет ее умственных

способностей. Губернское правление признало ее ненормальной и отправило в лечебное заведение. Чаадаев в письме к московскому обер-полицмейстеру Цынскому дистанцировался от своей корреспондентки: «*Что касается до того, что эта несчастная женщина теперь, в сумасшествии, говорит, например, что она республиканка, что она молилась за поляков и прочий вздор, то я уверен, что если спросить ее, говорил ли я с ней когда-либо про что-либо подобное, то она, несмотря на свое жалкое положение, несмотря на то, что почитает себя бессмертною и в припадках бьет людей, конечно, скажет, что нет*» [6, 450].

Судя по тому, что Чаадаев перечисляет республиканство и сочувствие полякам в одном ряду с «припадками», эти идеи представляются Чаадаеву «сумасшествием». Невольно возникает вопрос – не на основании ли одних только этих идей она была признана «ненормальной»?

Именно так понял дело биограф Чаадаева А. Лебедев: «... если Чаадаева за эти письма объявили сумасшедшим, то Панову в конце концов по настоянию мужа на самом деле засадили в сумасшедший дом» [5].

Обратимся теперь к тому месту труда Лемке [6, 448–449], к которому восходят все последующие описания «дела Пановой»: «*«17-го декабря московское губернское правление свидетельствовало умственные способности Екатерины Дмитриевны Пановой, урожденной Улыбышевой, по просьбе мужа ее, пожелавшего поместить жену в лечебное заведение Саблера. Из ответов... видно, что Пановой было 32 года, что замужем она пятнадцать лет, детей не имеет; ... На вопрос: «довольна ли она своим местом жительства?»», Панова отвечала: «я самая счастливая женщина во всем мире и всем довольна». На вопрос: «читит ли она и исполняет ли она законы как духовные, так и гражданские?» последовал ответ: «В законах гражданских я как республиканка, по-религии же я также исполняю законы духовные, как и вы все, господа, а когда была польская война, то я молилась Богу, чтобы Он полякам ниспослал побе-*

ду». Когда же ей сказали, что она лучше бы сделала, если бы молилась за русских, Панова ответила: «молилась Богу за поляков, потому что они сражались за вольность». О своих нервах она заявила, что они «до того раздражительны, что я дрожу до отчаяния, до иступления, а особенно когда меня начинают бить и вязать». Все это, особенно моление за поляков, дало основание правлению признать Панову «в расстроенном состоянии умственных способностей» и поместить в сумасшедший дом».

Ничего «безумного» во всем этом нет. Настораживает только манера речи Пановой (именно «солдатская четкость», подмеченная Лебедевым [5], экзальтированность – не просто «довольна», а «самая счастливая женщина во всем мире»), противоречия в ее ответах (то она «всем довольна», то нервы «раздражительны», ее бьют и связывают), провокационная откровенность (молитва за поляков). Но этого мало для диагноза.

Лемке [6, 449] подытоживает: «Читателю ясно, что мы имеем здесь один из тех многих, особенно в старину, случаев, когда за небольшую даже взятку можно было сгноить человека в ужасно обставленных желтых домах». В даче «небольшой даже взятки» Лемке подозревает мужа Пановой. Это выставляет агронома Василия Максимовича Панова в неблагоприятном свете. Если добавить к этому, что родная тетка Чаадаева именовала Панова «вертопрахом» и что среди современников ходила сплетня о его работе в тайной полиции [8, 50], то краски сгущаются еще больше.

Музыковед А. А. Штейнберг [8, 49] постулировала, что Панов с умыслом сдал супругу в сумасшедший дом, чтобы прибрать к рукам ее состояние. Штейнберг опиралась на опубликованное ею письмо Пановой к Чаадаеву, в котором та рассказывает о событиях, предшествующих освидетельствованию.

В этом письме Панова выдвигает против мужа ряд обвинений [8, 53–55]. Проверить их невозможно. Однако же, не могут не настораживать некоторые обстоятельства.

Что Панов был неискренним человеком, плохим хозяйственником, что он понаделал долгов и выманивал у жены ее средства, что он плохо обращался с крестьянами, что он в открытую жил с любовницей при жене, которую запирали, морил голодом и холодом и над которой цинично насмеялся, – все эти вещи не могут считаться заведомо невероятными. Но когда они сразу и вдруг проявляются у одного человека, причем сообщается о них в одном-единственном письме, между прочим, через запятую, не переводя дыхание, – это кажется несколько странным. Далее, тяжести выдвигаемых Панову обвинений противоречит тот факт, что Екатерина Дмитриевна отказывается сообщать о них кому бы то ни было.

С какой целью написано письмо? Явно не за тем, чтобы обличить мужа, – ведь Панова настойчиво призывает Чаадаева сжечь письмо, тем самым исключив любую возможность обнаружения ее обвинений. По началу письма видно, что Панова накануне где-то в обществе виделась с Чаадаевым, хотела побеседовать с ним поближе, но этого не получилось. Панова решила, что Чаадаев «предубежден» против нее, и предположила, что муж, который так же незадолго до того виделся с Чаадаевым («Вы сказали мне вчера, что он приходил к Вам!») [8, 53], оговорил ее («что я низкая и презренная женщина, как, может быть, старался утверждать Панов») (там же). Чего же именно опасается Панова? Возможно, того, что муж что-то рассказал об отношении Пановой к Чаадаеву («Он знает мое мнение о Вас, может быть, он думает, что Вы уже осведомлены об этих обстоятельствах») [8, 55].

В конце письма, с нарочитой небрежностью, сразу за попыткой изобразить светскую болтовню, Панова упоминает о некоем «Царевиче», которому она безвозвратно «дала, что имела». Панова так неуклюже изображает небрежность, отводя подозрения во влюбленности, что невольно эти подозрения усиливает. И вслед за тем идет просьба о личной встрече.

Итак, Панова желает встречи Чаадаевым; опасаясь, что муж наговорил о ней много нехорошего, она спешит оправдаться; оправдываясь, она старается дискредитировать мужа, возвращая ему, среди прочего, обвинение в измене: это не у меня любовник, это он завел любовницу, вообще он мерзкий человек ... Понятно тогда, почему Панова не спешит оповестить мир о его преступлениях: ей важно лишь, чтобы в них поверил Чаадаев.

Панова совсем не отрицает, что она психически больна. Она только настаивает на том, что муж целенаправленно свел ее с ума, чтобы завладеть ее имуществом. Но как она обосновывает это? «Я заявила ему, что мы больше не сможем жить вместе, а если он будет чинить препятствия, я расскажу о его поведении своим братьям, – то, чего он боялся больше всего на свете. Что же он сделал, по-вашему? Каждый день я с удивлением замечала у себя самые странные симптомы: я не могла сделать шага, не обливаясь потом, руки дрожали так, что скоро для меня стало невозможно писать, я совершенно потеряла сон, а всякий раз, когда мне удавалось на несколько мгновений заснуть, я бывала внезапно разбужена каким-нибудь неожиданным шумом, то швыряли оземь тарелки или хлопали с грохотом дверями, даже среди ночи» [8, 54]. Сразу за «объяснением» зловредного поведения мужа идет описание результатов его деятельности, – потливости, тремора, бессонницы. Нет никакого промежуточного звена, нет объяснений того, как ему удалось этого добиться, нет и доказательств – все преподносится как само собой разумеющийся факт.

А это уже ничто иное, как бредовая идея, точнее – бред преследования.

Что до ночного шума, битья тарелок, хлопанья дверьми, то все это напоминает отрывочные кратковременные галлюцинации в продромальной стадии психоза. Позже они обычно развертываются в слуховые галлюцинации, которым в рассказе Пановой идеально соответствуют словесные издевательства мужа и его любовницы. Характерны и темы: насмешки, передразнивания,

сообщения о страшных несчастьях, которые уже произошли или скоро произойдут («Он извещал меня о смерти маменьки, или об отъезде моего брата за границу; я верила всем его ужасным новостям и испускала крики тоски и отчаяния, которые он передразнивал со своею любовницей, издеваясь надо мной!») (там же). Так же типичны обращения гололов друг к другу и обсуждение состояния больного («он сказал своей любовнице – слава богу, да, он сказал «Слава бога! теперь нам нечего бояться, выздоровеет она или нет, теперь она сумасшедшая, и никто не поверит ей, надо отвезти ее в Москву, поместить в сумасшедший дом, я буду управлять ее состоянием, и все будет кончено!») (там же).

Когда Панова рассказывает об отчаянии, нежелании жить (на коленях просила дать ей умереть) суицидальных приготовлениях (азотная кислота), все это полностью вписывается в структуру психического расстройства. Сложнее понять, каково соотношение реальности, вымысла, ложных воспоминаний и психотических переживаний в других сообщаемых ею фактах. История с изоляцией в холодной комнате и кормлением через окошко может быть отражением того, что ее действительно запирали при особо бурных припадках. Отсюда, может быть, проистекают и ее сообщения губернскому правлению об избиениях и связывании. Хотя, с другой стороны, тема связывания и избиения мужем, в соединении с мотивом насмехающейся соперницы, отсылает к садомазохистским фантазиям. Эпизод с врачом, советующим Пановой немедленно оставить «палача», возможно, – искаженное воспоминание о реальном враче, уговорившем ее переехать в больницу.

Сколь ни отрывочны имеющиеся данные, все же это письмо, совокупно с поведением Пановой на освидетельствовании и с упоминанием Чаадаевым ее уверенности в собственном бессмертии, позволяет с достаточной долей уверенности предположить наличие у нее галлюцинаторно-параноидного синдрома. Более точная диагностика вряд ли возможна. Хотя внешне проявления болезни

Екатерины Пановой очень сходны с шизофренией, однако же нельзя уверенно исключить как наличие какого-либо органического расстройства, так и истерической псевдологии.

Таким образом, Штейнберг впала в ту же ошибку, что царь Николай I, только с обратным знаком: тот принял человека за сумасшедшего, посчитав содержание его статьи бессмыслицей, а Штейнберг приняла психотические переживания за истину, потому что они показались ей правдоподобными!

О дальнейшей участи Пановой сведений сохранилось мало. Какое-то время провела она в больнице Саблера, куда ее поместили. В 1843 году она, говоря словами из письма ее брата Александра, «оставившая мужа и совершенно потерянная» жила у своего брата, Владимира, «с каким-то побродягою». Последние годы она провела приживалкой при вдове Александра Улыбышева. Дата и место смерти Пановой неизвестны [4].

Список литературы:

1. Бердяев Н. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008.
2. Герцен А. И. Былое и думы. Роман. Избранные главы. – М.: Эксмо, 2007. – 640 с.
3. Гершензон М., Чаадаев П. Я. Жизнь и мышление. – С.-Петербург. 1908.
4. Кайдаш С. Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI–XIX в.в.). – М.: – Советская Россия, 1989.
5. Лебедев А. Чаадаев. – М., Изд-во «Молодая гвардия», 1965. – 272 с. с илл. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 19(413).)
6. Лемке М. Николаевские жандармы и литература: 1826–1855. – СПб., 1908.
7. Чаадаев П. Я. Философические письма: Статьи. Афоризмы. Письма. – М.: Эксмо, 2006. – 544 с.
8. Штейнберг А. Пушкин А. и Панова Е. Д. // Временник Пушкинской комиссии, 1965 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 45–55.

Wenyu Jiao,
School: The High School Affiliated
to the Renmin University of China
E-mail: wenyuj@sina.com

ANALYSIS OF THE RISK FACTORS OF AUTISM SPECTRUM DISORDER

Abstract:

To identify the relationship between age which is one of the different characters and the probability of getting Autism Spectrum Disorder (ASD), for the people of three different age group: children, adolescent, and adult especially, the association of the simulation characters and three age types will be analyzed by viewing different big data type and building models. We are using the big data method to discover and analysis the preteen of this illness.

Objective: This study aims to build a predictive model for autistic spectrum disorder using artificial neural network and compare its performance to logistic regression model.

Methods: A public database was used in this study. All the participants who were eligible were randomly assigned into 2 groups: training sample and testing sample. Two models were built using training sample: artificial neural network and logistic regression. We used these two models to predict the risk of Autistic Spectrum Disorder in the testing sample. Receiver operating characteristic (ROC) were calculated and compared for these two models for their discrimination capability and a curve using predicted probability versus observed probability were plotted to demonstrate the calibration measure for these two models.

Results:

A total of 368 (38.5%) records out of 955 were from autistic spectrum disorder patients in the data.

According to the logistic regression, behavior screening score has significant impact on ASD. Being white were more likely to be with ASD. People from Middle Eastern countries or from India were less likely to be with ASD while people from the USA were more likely to have ASD. Age of 18 or older has decreased likelihood to have ASD.

According to this neural network, the top 5 most important predictors were age, country of residence being UK, family history of autism, country of residence being Middle Eastern, and Asian.

For training sample, the ROC was 0.79 for the Logistic regression and 0.88 for the artificial neural network. In testing sample, the ROC was 0.74 for the Logistic regression and 0.68 for the artificial neural network. Artificial neural network had worse performance than Logistic regression.

Conclusions: In this study, we identified several important predictors for autistic spectrum disorder e.g., country of residence, behavior screening score and family history. When compared to artificial neural network model, artificial neural network had a similar discriminating capability with logistic regression.

Keywords: Autism Spectrum Disorder, data analysis, modeling, logistic regression, risk factors.

1. Introduction

Not long ago, the news of the death of 15-year-old autistic Lei Wenfeng, who had been missing for four months, moved many people. The incident brought autism back into the public eye.

There are more than two million autistic teens in China. Furthermore, according to the China Autism Education Service Industry Development report, there are over 10 million people with autism in China, and the number of children between the ages of 0 and 14 may exceed 2 million.

According to its definition on the United Nations website, autism is a mental disorder that occurs early in a child's development and lasts a lifetime.

Although autism is well known in society, there is still limited research on it. It is additionally difficult to diagnose. At present, autism cannot be examined by a single examination, but only by the symptoms, family history of ASD. Even in the developed world, autism remains a scientific conundrum.

Previous studies

The Autism Alliance in Boston is constructed by basic and clinical experts from 12 universities, research institutes, and hospitals, including Harvard University, Harvard Medical School, Boston University, Massachusetts General Hospital, Boston Children's Hospital, and so on. Their adjective is to develop more of the field of psychology and translate those results to benefit the autistics and their family. From 2007 to 2009, there are over 200 thesis published discussing the fatal factors that lead to ASD and the common inherited elements among those afflicted.

In China, research on this subject started in the 20th century during the 1980s. The results showed that boys are more likely to get ASD than girls, with the ratio of four to one. The reports also claimed that

there are no method that can cure ASD, at least for now; one can only to control this symptoms.

Experts speculate that boys may be more prone to autism because of genes, hormones, or the way their brains are wired. Still, from a genetic standpoint, there is growing evidence that it is not that boys are more likely to develop autism than girls, but that girls are more protected from autism. Researchers at Yale University looked at the DNA of thousands of children with autism and found new evidence to support this claim. Nevertheless, no matter how different the proportion of men and women with autism are, and no matter the veracity of the above statements, we should treat the illness with peace of mind. Every autistic person (male or female) should take the initiative to care, pay attention.

Aim of this analysis

As what I have introduced in previous parts, this paper is focused on the fact which age may affected possibility of getting ASD, and the actual number of autism people in different range of age with different characteristics like their nation or their complexion. Using big data can help people have a better understanding of the autism and when and what may be a factor of it, this may may can help to have a more efficiency when finding related result, which may have a positive effect on the developing of the treatment od ASD. What's more important is it may can convince parents or family member to pay more attention on their relatives, since ASD can produced in all kinds of people in all ages. It not means being a adult it's safe and don't have to be cared, and as a children to quiet may not a good habit and refuse to speak out loud can be a dangerous signal for all human beings.

2. Data and Method

Table 1. – Features and their descriptions

Attribute	Type	Description
1	2	3
Age	Number	years
Gender	String	Male or Female

1	2	3
Ethnicity	String	List of common ethnicities in text format
Born with jaundice	Boolean (yes or no)	Whether the case was born with jaundice
Family member with PDD	Boolean (yes or no)	Whether any immediate family member has a PDD
Who is completing the test	String	Parent, self, caregiver, medical staff, clinician, etc.
Country of residence	String	List of countries in text format
Used the screening app before	Boolean (yes or no)	Whether the user has used a screening app
Screening Method Type	Integer (0, 1, 2, 3)	The type of screening methods chosen based on age category (0 = toddler, 1 = child, 2 = adolescent, 3 = adult)
Question 1 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 2 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 3 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 4 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 5 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 6 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 7 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 8 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 9 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Question 10 Answer	Binary (0, 1)	The answer code of the question based on the screening method used
Screening Score	Integer	The final score obtained based on the scoring algorithm of the screening method used. This was computed in an automated manner

The rapid growth in the number of ASD cases worldwide necessitates datasets related to behavior traits. However, such datasets are rare making it difficult to perform thorough analyses to improve the efficiency, sensitivity, specificity and predictive accuracy of the ASD screening process. Presently,

very limited autism datasets associated with clinical or screening are available and most of them are genetic in nature. A new dataset related to autism screening was recently released that contained 20 features to be utilized for further analysis especially in determining influential autistic traits and improv-

ing the classification of ASD cases. In this dataset, we record ten behavioral features plus ten individuals characteristics that have proved to be effective in detecting the ASD cases from controls in behavior science.

A public available dataset is used for this study.

3. Results and Discussion

A total of 368 (38.5%) records out of 955 were from autistic spectrum disorder patients in the data.

Basically, a corrgram is a graphical representation of the cells of a matrix of correlations. The idea is to display the pattern of correlations in terms of their signs and magnitudes using visual thinning and correlation-based variable ordering. Moreover, the cells of the matrix can be shaded or colored to show the correlation value. The positive correlations are shown in blue, while the negative correlations are shown in red; the darker the hue, the greater the magnitude of the correlation.

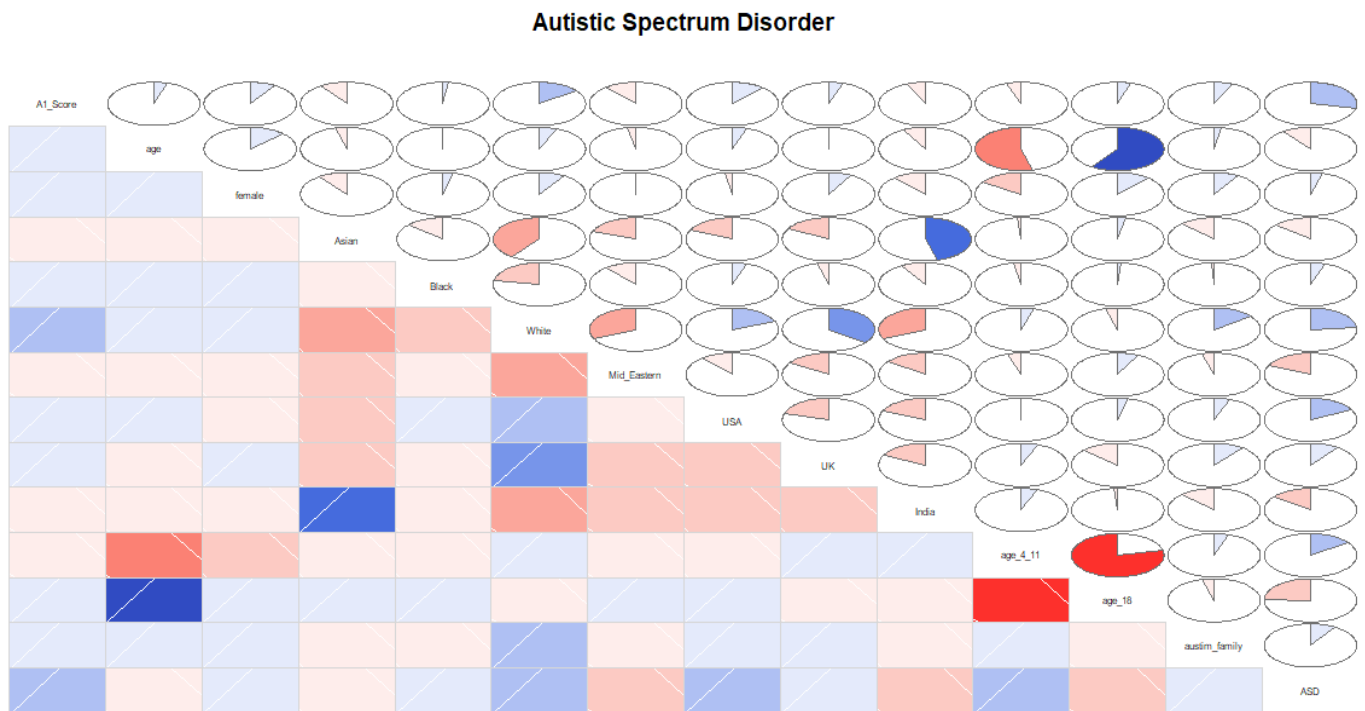

Figure 1. Matrix of correlations between variables

According to the logistic regression, behavior screening score has significant impact on ASD. Being white were more likely to be with ASD. People from Middle Eastern countries or from India were

less likely to be with ASD while people from the USA were more likely to have ASD. Age of 18 or older has decreased likelihood to have ASD.

Table 2. – Logistic Regression for Autistic Spectrum Disorder

	Estimate	Std. Error	z value	Pr(> z)	
(Intercept)	-0.79	0.32	-2.43	0.015	*
A1 Score	1.54	0.20	7.65	0.000	***
age	0.00	0.01	0.07	0.947	
female	0.12	0.16	0.73	0.463	
Asian	-0.10	0.26	-0.39	0.698	
Black	0.49	0.32	1.50	0.132	
White	0.56	0.21	2.68	0.007	**

Mid_Eastern	-0.95	0.31	-3.02	0.002	**
USA	0.65	0.21	3.17	0.002	**
UK	-0.05	0.22	-0.23	0.821	
India	-0.58	0.28	-2.04	0.041	*
age 4 11	-0.48	0.28	-1.75	0.081	.
age 18	-1.66	0.27	-6.14	0.000	***
austim_family	0.16	0.21	0.77	0.443	

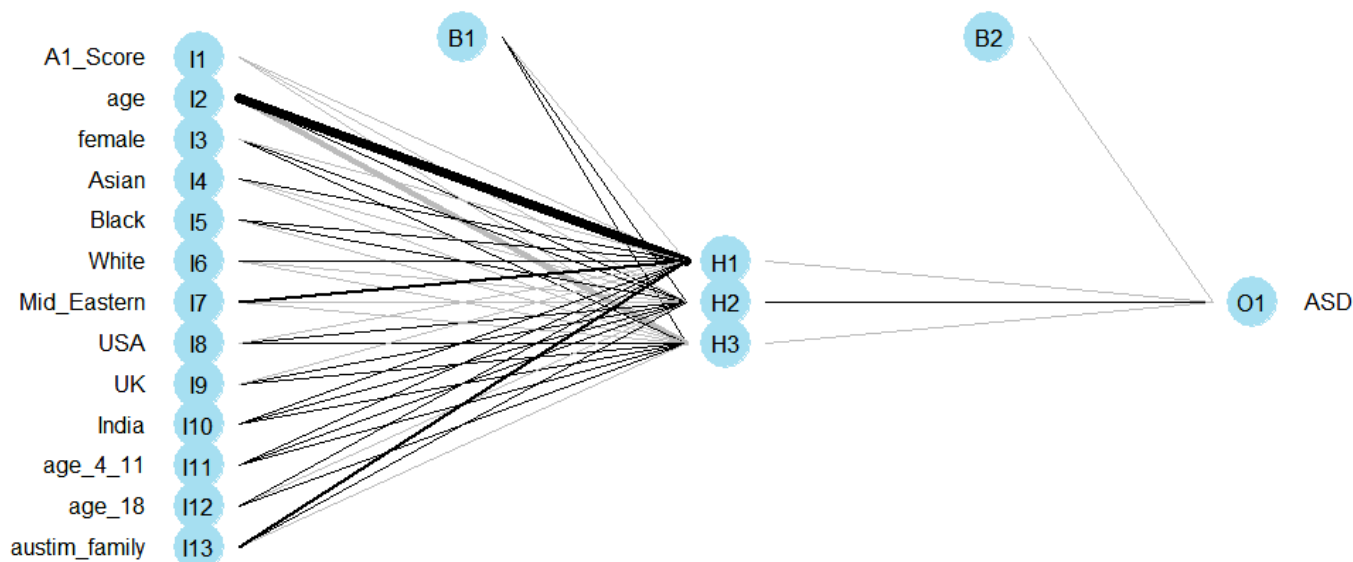

Figure 2. Artificial Neural Network in training sample

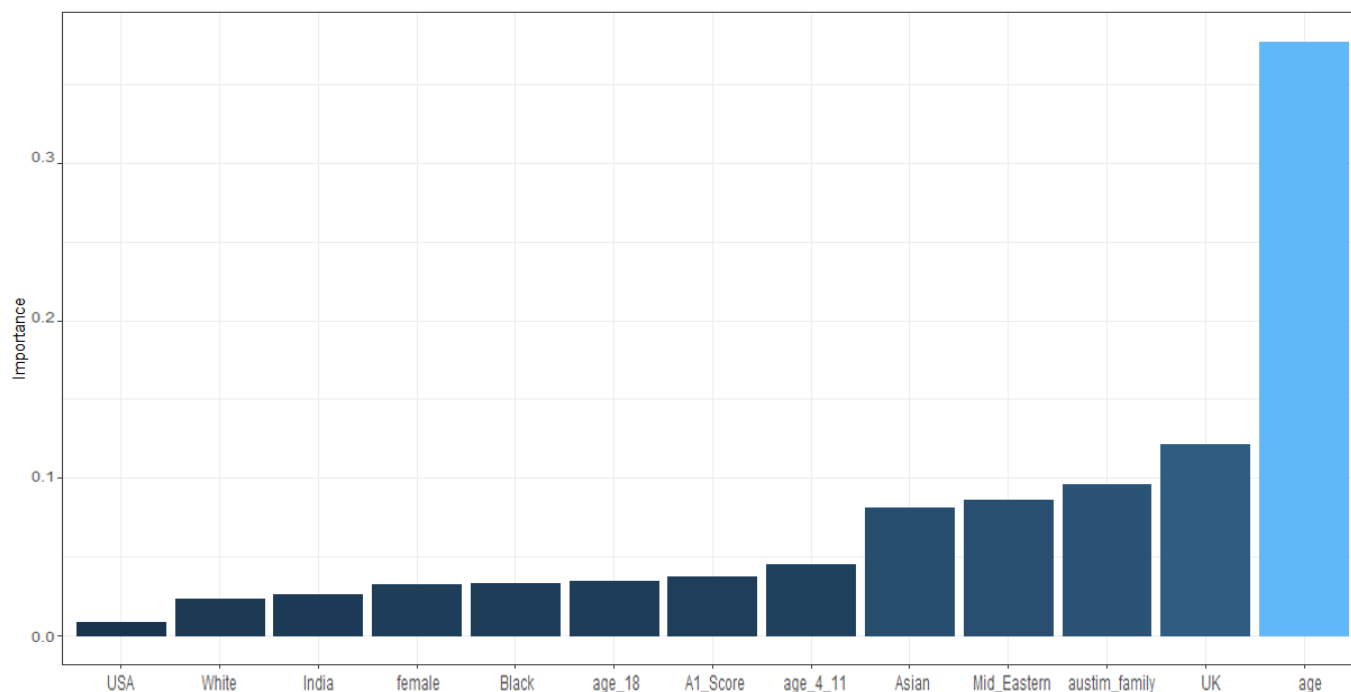

Figure 3. Variable Importance in Artificial Neural Network

In above plot, line thickness represents weight magnitude and line color weight sign (black = positive, grey = negative). The net is essentially a black box so we cannot say that much about the fitting, the weights and the model. Suffice to say that the training algorithm has converged and therefore the model is ready to be used.

According to this neural network, the top 5 most important predictors were age, country of residence

being UK, family history of autism, country of residence being Middle Eastern, and Asian.

For training sample, the ROC was 0.79 for the Logistic regression and 0.88 for the artificial neural network. In testing sample, the ROC was 0.74 for the Logistic regression and 0.68 for the artificial neural network. Artificial neural network had worse performance than Logistic regression.

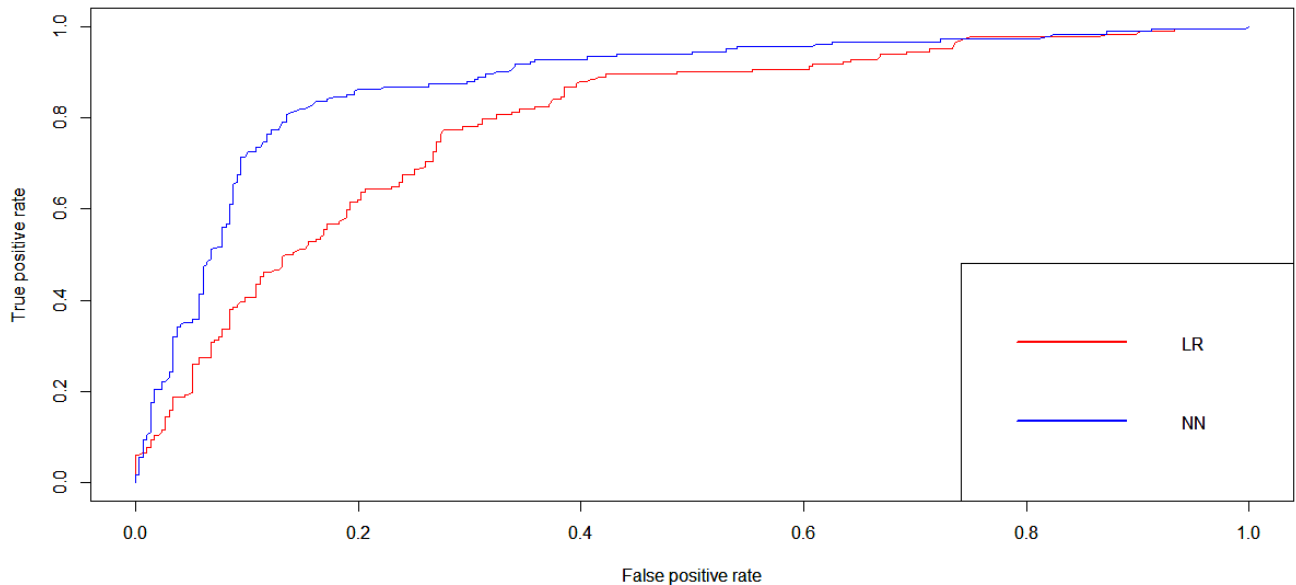

Figure 4. ROC in training sample for Logistic Regression (Red) vs Neural Network (Blue)

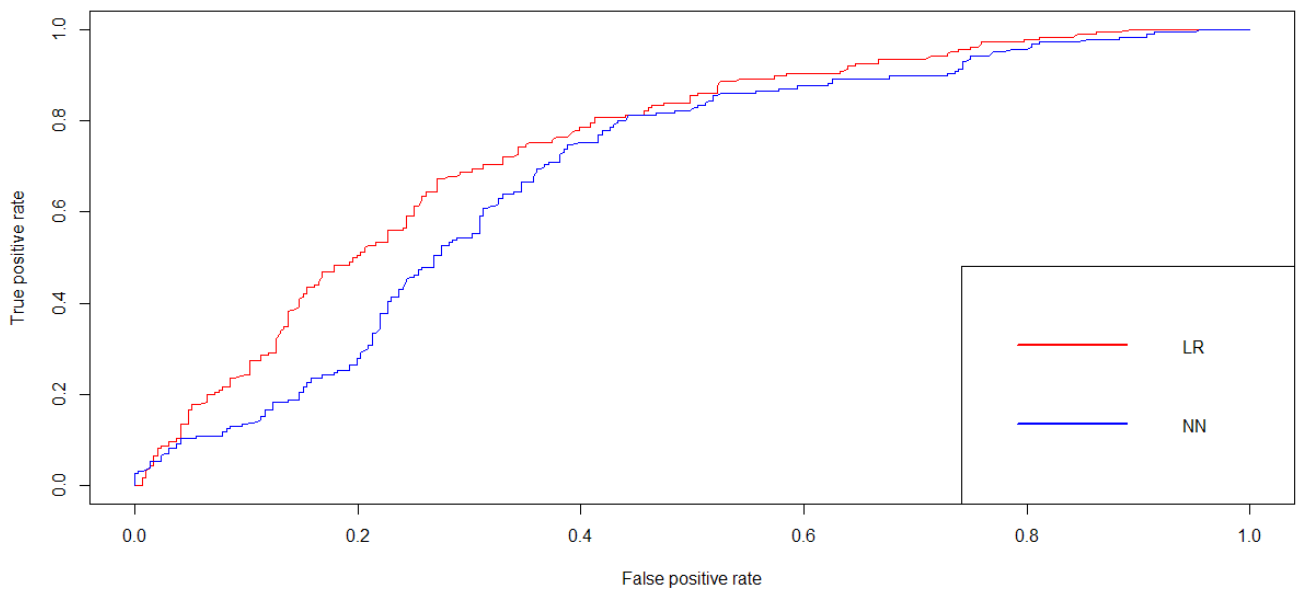

Figure 5. ROC in testing sample for Logistic Regression (Red) vs Neural Network (Blue)

References:

1. CDC. URL: <https://www.cdc.gov/ncbddd/autism/data.html>
2. Tabtah F. Autism Spectrum Disorder Screening: Machine Learning Adaptation and DSM-5 Fulfillment. Proceedings of the 1st International Conference on Medical and Health Informatics 2017.– P. 1–6. Taichung City, Taiwan, ACM.
3. Taniai H., Nishiyama T., Miyahci T., Imaeda M., Sumi S. Genetic influences on the board spectrum of autism: Study of proband-ascertained twins. *Am J Med Genet B Neuropsychiatr Genet.* 2008; 147B(6): 844–849.
4. Ozonoff S., Young G. S., Carter A., Messinger D., Yirmiya N., Zwaigenbaum L., Bryson S., Carver L. J., Constantino J. N., Dobkins K., Hutman T., Iverson J. M., Landa R., Rogers S. J., Sigman M., Stone W. L. Recurrence risk for autism spectrum disorders: A Baby Siblings Research Consortium study. *Pediatrics.* 2011; 128: e488–e495.
5. Autism Rates across the Developed World. URL: <https://www.focusforhealth.org/autism-rates-across-the-developed-world>

Section 10. Sociology

*Soboleva Anastasiya,
student, Saint-Petersburg State University
Russia, Saint-Petersburg
E-mail: missis.nastush@yandex.ru*

THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE SYSTEM OF HEALTHY NUTRITION IN RUSSIA AND GERMANY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract: Healthy nutrition is a food that provides growth, normal development and human activity, contributes to the promotion of health and disease prevention [5, 15], also it is an integral part of a healthy lifestyle and improvement of nutrition. The latter, in turn, are included in the global sustainable development goals adopted in 2015 by 193 countries, including Russia and Germany. This article explores the role of non-governmental organizations in general and a comparative analysis of trust to such kind of organization in Russia and Germany.

Keywords: non-governmental organization, healthy nutrition, healthy eating, public association, law.

Introduction. In the scientific literature, there are various theories of healthy or proper nutrition – the classical theory of balanced nutrition, the theory of optimal nutrition, the theory of adequate nutrition, separate nutrition, vegetarianism, veganism, raw food, fasting, energy nutrition and others [10, 539]. Without going into the analysis of different approaches to the definition of a healthy diet, in this paper, all these approaches will be considered as components of a healthy diet system, as they are all united as a goal of human health, and they all involve the use of quality food.

Promoting healthy lifestyles and improving nutrition cannot be done solely by government efforts. Improving the quality of food products by increasing the state standards of their production, the state leaves the consumer the right to choose – what kind of food to buy and how much, how to prepare them and how to eat. Accordingly, the establishment of a culture of healthy eating in society depends on civil

society in face of active citizens and public associations, non-governmental organizations.

The role of NGOs. The term “Non-governmental organisations (NGOs)” basically covers all associations or groups which are independent of government or state bodies and have a common interest, without themselves pursuing commercial interests – from trade unions to churches to sports clubs. The term is, however, generally used to mean organisations, associations and groups working to achieve socio-political goals. Some typical and important fields of NGO activities include development, the environment, human rights and maintaining healthy lifestyle of people.

Non-governmental organisations are a manifestation of civil-society involvement both in partner and in donor countries.

One thing that all NGOs share is that they have no state authority and conversely that the state has no direct influence on them. Nevertheless, or

perhaps precisely for this reason, the work of NGOs is very well accepted the world over, among the population and the media. This gives many NGOs a better access to people than state bodies. In many places they can create a special relationship of trust. This has often proved to have created a very solid foundation for keeping in contact and in dialogue at critical junctures, especially in politically sensitive situations, even in countries in which cooperation with the government is difficult or impossible for political reasons.

Non-governmental organizations in Russia. In Russia, the term “public organization” is used to refer to NGO, which has a legal content, since it is enshrined in the legislation at the level of the Civil code of the Russian Federation. The development of self – regulation and self-organization is becoming one of the important trends of the non-profit sector in Russia: existing and new coalitions of NGOs and (or) citizens-both formal and informal civil structures are strengthening. Today, the foundations have been created to support the implementation of socially oriented activities by public and non-profit organizations, including activities related to the strengthening of the principles of healthy nutrition. According to paragraph 2 of article 3 of the Federal law “On Public Associations”, the creation of the latter contributes to the rights and legitimates interests of citizens. Among the rights of public associations defined by article 27 of the Federal Law it is the right to represent and protect their rights, legitimate interests of their members and participants, as well as other citizens.

According to the Federal State statistics service, as of 01.01.2017, only 100405 public associations were registered in Russian Federation, out of which 55,886 were public organizations, 1571 public movements, 4508 public funds, 838 public institutions [6], and only 13% were public organizations which promoted healthy eating. These data reflect only a part of public associations that have passed state registration and acquired the status of a legal entity. So,

according to art. 18 of Federal law “On Public Associations”, a public association is considered to be established from the moment of making a decision on its creation, approval of the charter and decision on the formation of the governing and audit body at the Congress (Conference) or General meeting.

Non-governmental organizations in Germany. Civil society in Germany – NGOs – led the way when it came to establish the Civil Peace Service. In Germany alone, there are several thousand NGOs working in the field of development – associations, action groups, federations, working groups, solidarity groups, twinning arrangements, foundations, development-policy networks, healthy eating associations and many others. It should be noted that in Russian Federation the development of the public sector is only gaining momentum, and the subject of healthy food is only beginning to attract public attention. In Germany, there are public organizations with a long history, engaged in the promotion of healthy eating and research in this area. For example, the German Nutrition Society (DGE) was founded in 1953 as a non-profit organization committed to scientific facts. This organization supports scientific research in the field of nutrition, evaluates and publishes their results, coordinates science-based and independent advice and education on nutrition, ensures its quality [4].

Another well – known public organization operating internationally and nationally in several countries, including Germany, is “Foodwatch”, a non-profit organization that fights for safe, healthy and affordable food for all. This organization is publicly engaged in the protection of consumer rights, requires transparency in the food sector and protects the right to food that is harmless to people and the environment [1]. There is a high level of activity of non-governmental organizations in various spheres of healthy food culture in Germany. For instance, non-governmental organizations are also involved in the organization of food in schools and supply of organic food [7, 22].

1. Trust in NGO

To effectively achieve the goals of non-governmental organizations, the level of trust in them in society is important. According to Edelman, the level of trust in non-governmental organizations in Russia has increased in 2018 (25% in 2018 against 21% in 2017), but in 2015 it was 30%, which generally speaks about the crisis of confidence in non-governmental organizations and corresponds to the global trend of the crisis of trust declared by Edelman [9]. In Germany, this figure is slightly higher and has amounted to 37% in 2018, which in the last 6 years is the lowest figure (the highest was in 2013, 2014 and 2016–45%).

It should be noted that trust in non-governmental organizations is formed over time and is based on such rational factors as the duration and transparency of the organization, the results of its work. Many public organizations are funded through donations, so the level of trust in public organizations is directly related to funding.

In turn, states (Russia and Germany) are also directly involved in the formation and strengthening of the public sector. Thus, the stimulation of social activities, including in the field of strengthening the culture of healthy eating, should be carried out by providing funding (or grants) for the implementation of projects in the areas of state interests, which include healthy eating. The transparency of the activities of public organizations largely depends not only on the level of their self-organization, but also on the existing rules governing the activities of public organizations, establishing requirements for their reporting and the percentage of administrative expenses and expenses directly for statutory purposes.

Summary. The formation of an active and effective public sector in Russian Federation, which contributes to the strengthening of the principles of healthy nutrition in society, requires time and support from the state in the form of funding and regulatory regulation of public administration and openness of public organizations. In contrast, speaking about the significant role of non-profit healthy eating organizations in Germany, it should be noted that the legislation of this country and the tax system formed on its basis allows to provide a high share of state funding of social work, which led to an increase in the activity of non-governmental organizations in this sector.

In General, comparing the approaches and experience of public control in the sphere of healthy food in Russia and Germany, it can be noted that the various forms of its manifestations provide the society with the opportunity to influence the state authorities in order to adjust their activities in the interests of society to protect its basic democratic values [2, 103]. The General features in the formation of the system of interaction between the state and society using the technology of public control as an element of feedback should be attributed to the fact that it is formed on the basis of the principles of openness and transparency of the activities of public authorities and the implementation of the procedure of public participation in the development of management decisions. This work is being carried out and improved in the direction of the development and adoption of relevant regulatory legal acts allowing to organize and ensure the disclosure of information, to implement control functions to citizens, non-profit social organizations and their various forms of integration activity.

References:

1. About foodwatch [Electronic resource]. – URL: <https://www.foodwatch.org/en/about-foodwatch>
2. Bryantsev I. I. The Role of Nonprofit Organizations in the formation of the Institute of Public Control: the Experience of Russia and Germany (The Role of Nonprofit Organizations in the Formation of the Institute of Social Control: The Experience of Russia and Germany) (March 16, 2015). Russia – Germany:

- The Lessons of war and peace to the 100th anniversary of the outbreak of the First world war: collection of scientific works. labours'. – Saratov: Stolypin Volga region Institute of management, 2014. – 184 p.
3. Federal Law of 19.05.1995 n 82-FZ (ed.of 20.12.2017) “On Public Associations” // Rossiyskaya Gazeta. 1995. – No. 100.
 4. German Nutrition Society [Electronic resource]. – URL: <https://www.dge.de/fileadmin/public/doc/wueu/DGE-self-portrait.pdf>
 5. Healthy food: action plan for the development of regional programs in Russia [Electronic resource]. – M. 2001. – 15 p. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0003/150159/E73401R.pdf
 6. State, public organizations [Electronic resource]: Federal state statistics service. – Mode of access: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/#
 7. Strassner C., Noetling B., Reimann S. School food provision in Germany [Electronic resource]. – URL: http://orgprints.org/17418/1/Paper_submission_-_Strassner.pdf
 8. The civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 N51-FL (as amended on 23.05.2018) (with amendments and additions, introd. in force with 03.06.2018) // Russian newspaper. 1994. – P. 238–239.
 9. Trust in institutions [Electronic resource]: 2018. Edelman Trust Barometer. – URL: http://cms.edelman.com/sites/default/files/2018-02/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf
 10. Tutelian V.A., Vyalkov A.I., Razumov A.N., Mikhailov V.I., Moskalenko K.A., Odinets A.G., Sbeineh V.G., Sergeev V.N. The scientific basis of healthy nutrition: – M.: Publishing house “Panorama”, 2010. – 816 p.

Section 11. Philology

Bigley Joel,
 assistant professor, Ed.D.,
 California Baptist University
 E-mail: jbigley@calbaptist.edu

COMMUNICATION CHALLENGES IN A MULTI-UNIT SUPPLY CHAIN

Abstract: While communication is often cited as a reason for the existence of organizational issues, its significance is typically underestimated. Unbelievable communication may create cognitive dissonance and frustration. This case study reveals that there is an optimal level of communication and information that, when exceeded, is ignored and when minimized, creates an information vacuum that breeds insecurity and frustration. A unit leader needs to understand the optimal way to communicate, recognizing that execution is situational. Information gleaned from this case study reveals the relevance and significance of this topic in a multi-unit enterprise.

Keywords: global supply chain; global leadership; information management; transparency; employee effectiveness; body language; supply chain.

Introduction

Communication is of interest within the organizational structure of a multi-unit dispersed firm. While communication is often cited as a reason for issues, its significance is typically underestimated (Elberdiveva [2]). Unbelievable communication may create cognitive dissonance and frustration. Dissonance could occur when logic, opinions, and environmental knowledge are inconsistent (Festinger, Riecken, & Schachter [3]). Business unit and functional leaders need to exchange information that would result in dissonance reduction enhancing the opportunity for productive working relations (Huseynova & Qasimova [4]). Furthermore, there is an optimal level of communication that, when exceeded, is ignored and when minimized, creates an information vacuum that breeds insecurity and frustration. A unit leader needs to understand the optimal way to communicate, recognizing that execution is situational. Information

gleaned from this case study reveals the relevance and significance of this topic.

"[I] establish cohesion and strategy of inter-facility operations, and unify best practices among ... WW ... facilities through free-flowing communication." (RH95)

"[I] establish lines of communication between [support functions] encouraging cooperation and streamlining intercompany transactions." (RH193)

The data from this case study was collected from twenty leaders in a global enterprise over a sixty period during which time significant changes were being enacted. The intense environment produced results that may have not otherwise been as easy to discover or observe. The data suggests that the desirable attributes of communication relate to: a) plans; b) transparency, and; c) the method used. Additional data for a suggests that communication plans need to include a deployed escalation plan, a single point of contact, periodic communication, and a

flow of information. There is also an optimal level of transparency that should be achieved through the communication strategy. Unit leaders required that there was the ability to be transparent about policies, capabilities, and that a common terminology enhances communication efficacy. Additional data for b suggests that, like a above, communication needs to be routed to a business unit, across business units, to a client, or to a vendor. While routing is important, transparency provides information about policies, capabilities, and includes terminology that is understandable both internally and external to the business unit. Additional data for c suggests that the method chosen is relevant. Unit leaders need to be able to hold a presence and communicate clearly

face-to-face and in a video conference event, as applicable. The importance of face-to-face communication should not be underestimated. The ability to read and react to body language may be critical to both maintaining attention and guiding thought patterns. The rate at which an organization or individual is influenced may depend significantly on face-time. To be successful in achieving growth synergies a unit leader needs to be an effective communicator both internal and external to their assigned organization as illustrated in (Figure 1) below.

“[I] work closely with facility leaders worldwide, to develop and implement organizational communication plans for effective communication between all key [operational] groups in WW [LOB] Operations.” (RH269)

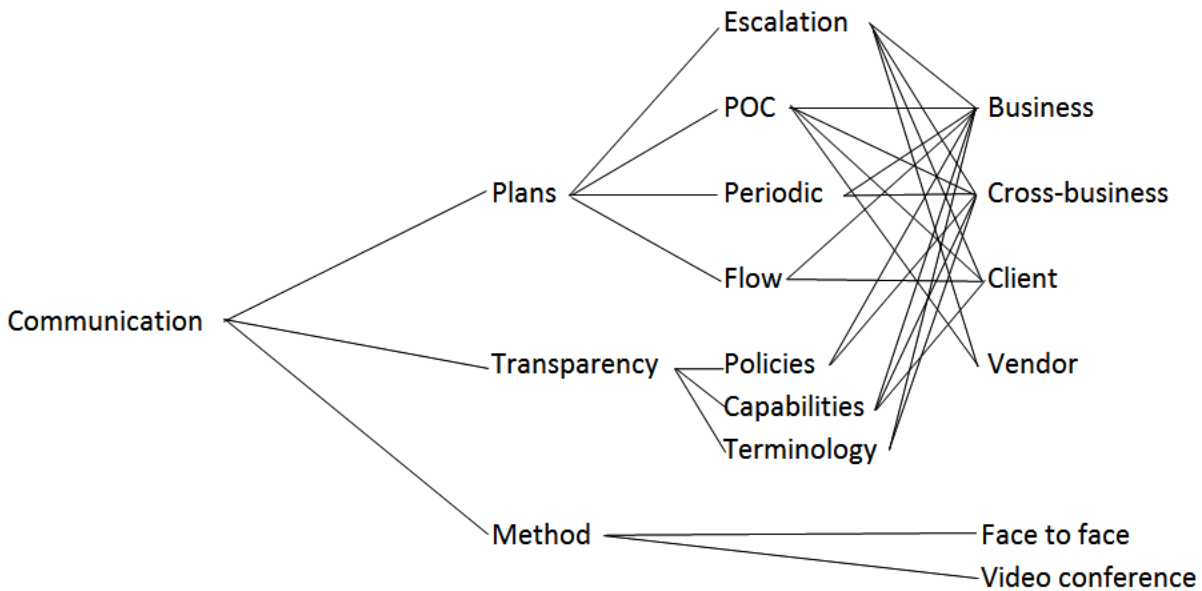

Figure 1. Communication theme map. This figure maps communication as a theme category into descriptive sub-groupings

In summary, the data suggests that a unit leader needs to be able to create and execute communication strategies both internal to the business unit and external. Clients have commented in surveys about their desires regarding the case company’s ability to communicate.

“[I will do a] better job of interacting across all company departments in communicating difficulties in working with certain formats and/or advising easiest way to proceed with [workflows] when multiple options exist.” (CS52)

The complexity of these strategies should not be underestimated. Not only does the strategy include content, but it also includes frequency, audience, volume, method, and consideration for the local market ‘climate’. A unit leader needs to be able to correctly plan for each of these variables. In addition, the unit leader needs to determine the optimal method for delivery of the content. The following propositions summarize the first set of key findings of this study:

Proposition 1 (structured communication): Communication is situationally routed and structured to include escalation paths, optimal timing, and a focused scope.

Proposition 2 (communication strategy): Communication should be optimally frequent, transparent, correctly routed, and timely executed to reduce ambiguity driven waste.

Communication drivers. In (Table 1) below, the communication driven by location leaders indicates that performance results should be shared with those that are performing tasks. General communication breeds trust between leadership and workers. Given that a location leaders sets the direction for location teams, these plans should be clearly communicated.

“[I will] motivate the teams and keep them engaged in the work through leadership, clear communication, and specific direction.” (RV100)

The location or functional leader is the point of communication and is responsible for timely information sharing. Conscientious workers want to know how they are performing and want updates on key topics, like reliability and financial performance. Workers may also be interested in market trends to understand organizational strategic plans and their alignment with opportunities in the markets served. The location leader should also communicate externally, including with support functions. Workers typically want a high level of transparency between them and the location leader. Therefore, the local leader needs to be engaged in periodic communication activities. There were 13 themes that emerged in the data about communication through 22 rich data descriptions, as reflected in (Table 1) below.

Table 1. – Communication Themes

Theme	Count
Communicate performance	5
Communication	2
Set direction	2
Communicate market trends	2
Communicate to support functions	2
Transparent culture	2
Point of communication	1
Engage leads	1
Engagement	1
Escalation point	1
Feedback to off-load hubs	1
Point of control	1
Point on security	1
Total	22

Figure 2 reflects the theme map for communication within locations and it suggests that if the location leader effectively communicates, the local teams will understand the direction that has been set for the location. This is accomplished when there is a transparent culture and information is freely shared. The local leader is the point of communication. When market trends are understood, they should be relayed. The leader should be transparent about performance data. Hiding it results in rumors. It is also expected that the leader liaises with support functions. Additionally, the leader needs to provide feedback to all off-load sites, regardless of whether it is positive or negative. This is for purposes of gaining applicable assistance when needed. An example could be that human resources could accelerate the recruiting rate in a growth climate. In the end, the location leader is responsible for communication.

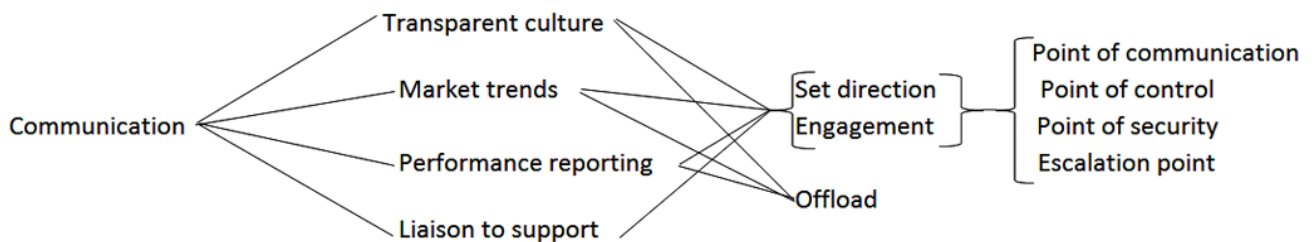

Figure 2. Communication theme map. This figure maps communication as a theme category into descriptive sub-groupings

In summary, the data suggests that the unit leader is the point person for communication, and is responsible for being transparent with the other workers at the site. Clients expect a high level of internal communication, as exposed in client feedback.

"[We] would like to see better coordination among the different groups between the [location] and the [location] so that it's more invisible to [us] ... [the] sharing of information appears to be a problem amongst the different groups." (CS52)

Additionally, the local leader communicates with external entities, like support functions and off-load sites. Workers expect to hear market trends and performance reporting in an honest and transparent manner. The following propositions summarize the key findings of this section:

Proposition 3 (center point): The location leader is seen by location workers as the center point of internal and external communication.

Proposition 4 (market gap): The direction of the organization is supported by location performance as far as it is aligned with market trends.

Communicating the plan. It was important to MOS leaders that the overall plan and the overall strategy are both clearly outlined to the stakeholders affected.

"[There is a need for the] communication of the overall plan and timeline to the plan." (S8)

"[There is a need for] communication on new roles and people involved." (S13)

Communication could happen in the form of an official announcement that should include a rationale showing the mutual benefit of the change. Furthermore, there should be the opportunity for questions, answers, and input from stakeholders. The presentation has to come off as being credible. It has to make sense and be logical. This will help the event to be an easy sell.

For starters, all the process owners were on board with this initiative which is always helpful. This means, the information (... specs, workflow, documentation) I needed to move this forward was available... It made

sense logistically and it was an easy move so the idea was easy to sell. (S70)

Having gone through reactive panic-driven change activities in the past, unit leaders felt that it would be important to begin with the communication as early as possible. It is beneficial when unit leaders are able to contact other involved change leaders or participants early to keep from having to rush the planning activity. Both participants and team members needed to be informed. The change leadership team needed to evangelize the vision and be available for information and to provide input. This information and input may also come from clients. The information about the plan needs to be available ongoing. The unit leader needs to promote the benefits of understanding the plan and will need to ensure that the actions to be taken are clear. The communication in general needs to be open and free flowing to garner trust and buy-in. These points are illustrated in (Figure 3).

In summary, the data suggests that communication is not just the delivery of a message. It is rather a strategy that includes a positive message delivered at the right time. Unwanted information is filtered. In the meantime, the positive action is evangelized to stakeholders, including clients as reflected in survey results.

"Many times suggestions are offered which we take into consideration and are valued by our [functional areas]." (CS50)

In the end, those that do not want to resist will only need clear instructions. The following propositions summarize the key findings of this section:

Proposition 5 (communication integrity): The integrity of the communication strategy, including the nature of the content and the timing scope, can reduce change inertia.

Proposition 6 (situational communication): Communication is situational in design, dependent on the current timeline, location, and on relevant audiences.

Communication failure. Communication failures were another valid observation in challenging change activities. The themes that emerged from

the data are illustrated in Figure 4 below. Some of the significant failures in this area included that lack of information around changes in the company's values, changes in roles, and changes with regard to the people involved in the transition. Additionally, if the plan changed sometimes, the right people were

not timely informed. When stakeholders are not informed, they assume that nothing has changed. If the company is changing direction, it helps with buy-in and collaborative decision making if the stakeholders are informed so that they can more easily conform to new routines.

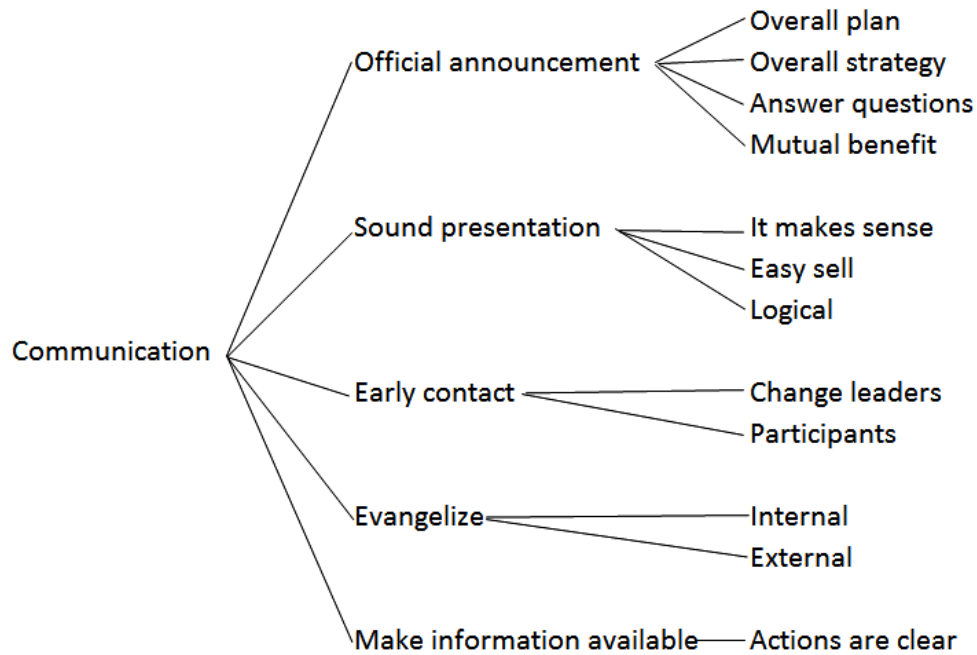

Figure 3. Positive change: communication theme map. This figure maps communication as a theme category into descriptive sub-groupings

"[There was a need for] communication on new roles and people involved..." (S13)

"[When there were] ... changes in the plan..." (S15) and "[when there were] ... changes in values." (S16)

The unit leaders indicated that the need for an understanding of the high level reasoning for change cannot be ignored. Ultimately, the stakeholders need to know why they are moving to something different and they need to understand why it is a better place.

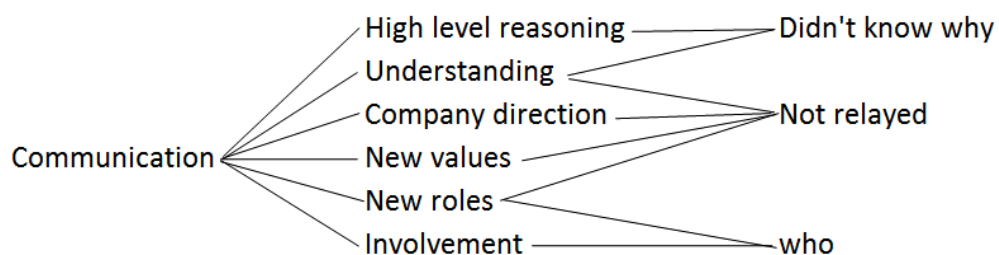

Figure 4. Negative change: communication theme map. This figure maps communication as a theme category into descriptive sub-groupings

In summary, the data suggests that communication is critical to change management success. The stakeholders want to understand the high level plan

just as much as they want to know the details. They also want to know why the change is taking place. Keeping stakeholders in the dark and then surpris-

ing them abruptly with change news, breeds distrust. On the other hand, when the information about the change is relayed and understood, stakeholders have the chance to buy-in and prepare. This is especially the case when there is a new direction or when company values change. Furthermore, when roles change, stakeholders want to know who was selected and why. Optimally, they would like to be involved in the selection or be considered for the position if they qualify. When they have no involvement, the data suggests that change activities will be more difficult. The following propositions summarize the key findings of this section:

Proposition 7 (plan logic): A stakeholder’s perspective on achieving a new vision is influenced by an understanding of the logic behind the plan, agreeing with the logic, and knowing why it has to be achieved now.

Proposition 8 (new roles): The tasks in a plan are as important to participants as who is involved, and if they agree with the values of those who assume new roles.

Proposition 9 (relaying knowledge): The effective transfer of plan knowledge drives buy-in, which would be further enhanced if stakeholders were involved in the decisions regarding the plan.

Information relevancy. The relationship with corporate centers on relevant information as illustrated in (Figure 5) below. What is shared is as important as how it is shared. A pattern in the data suggested that location and line of business leaders crave information from corporate. This information is necessary for synergistic growth. A significant pattern was that unit leaders needed financial information. They wanted an appropriate level of detail, at the right time, and with accuracy. This information allows them to understand their financial performance which is ultimately what they are measured against. The budget is also very important to unit leaders. The budget needs to be influenced by business unit leaders as they know their markets and trends. It needs to be accurate and made final in a timely manner. Results against the budget also need to be available in a timely manner.

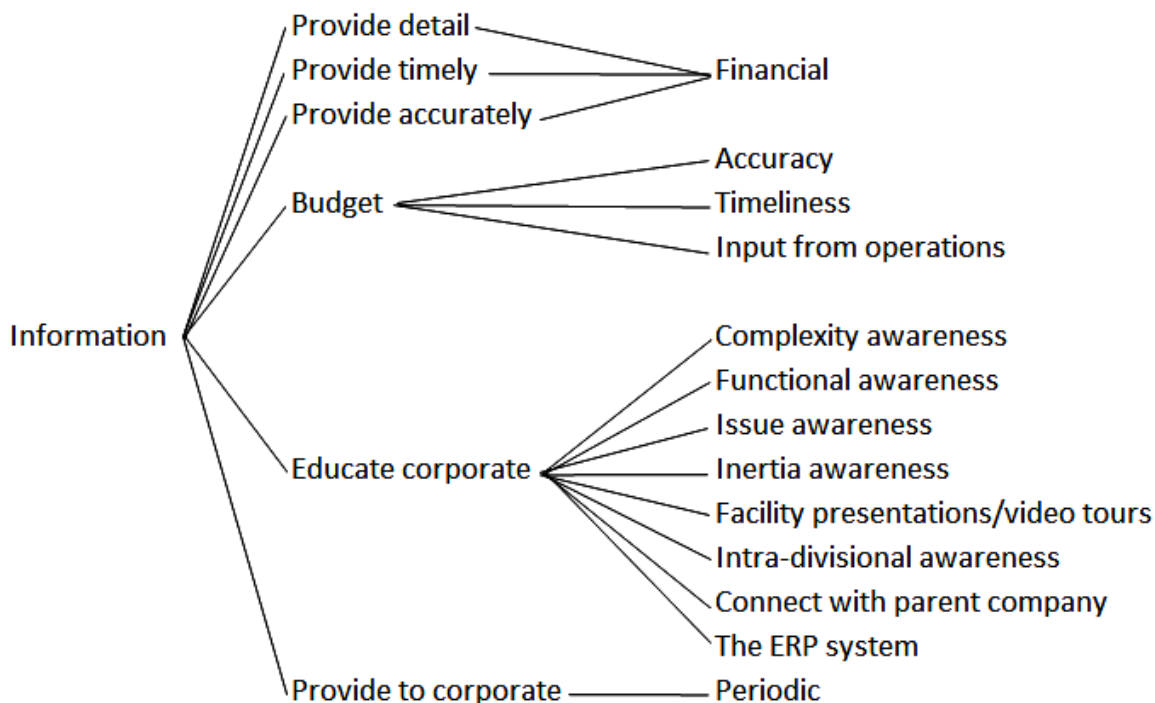

Figure 5. Corporate: information. This figure maps information as a theme category into descriptive sub-groupings

Unit leaders felt that it would be advantageous to educate corporate. This would make them more capable to make effective decisions. Corporate is not aware of the complexity of the work or the environment in which it is completed. They may not understand the functions involved or the related issues. They may not be aware of the inertia they cause. This can be remedied through facility presentations or video tours, and by making information available to increase intra-divisional awareness. When unit leaders have connections to the parent company through corporate, then a broader awareness is created. Furthermore, as ERP systems are expensive, it is important for corporate to know what they have paid for. The flow of information should also be periodic through regular communication events.

Conclusion

It is clear that communication has a critical role in sustained corporate advantage. Methods for communication were discussed as were the information that is needed by unit leaders. Employee effectiveness and alignment around the strategy have internal financial rewards in terms of cost optimization and external rewards as seen through customer delight. This study revealed nine propositions regarding communication and information sharing that influence the effectiveness of stakeholders in a global supply chain.

Limitations

Typically in a case study there are limitations. A single case may not provide generalizability across all locations. Even so, some aspects of this study are common to many organizations. The reader may extract what is relevant for them. Furthermore, this study may open up other opportunities for research on more generalizable aspects of communication. The author intends for this to be the case.

Contributions to Theory

The primary contribution of this article is empirical insights about the effects of communication on multi-unit growth realization in a global supply chain. These results are, therefore, relevant to the achievement of sustained profitability and competi-

tive advantage by focusing a multi-unit firm on a communication strategy that provides a strategic advantage. Nine propositions were extracted from the participants instigated by a precipitated event that contribute to theory not only about communication but about what needs to be communicated. These outcomes influence change efficacy as described and are useful for sustained corporate advantage.

The author anticipates that these propositions will stimulate further research as organizational behavior is significantly complex and situational. These observations are also meant to stimulate further thinking. By studying the distinctive features of a global supply chain, the author hopes that interest has been sparked on researching the design and application of further more effective and efficient verticalization techniques.

This research attempts to contribute to organizational theory by exploring the unique nature of a connected units organized in a global context with the advantage of collaborative opportunity exploitation in a dynamic market. In the company case, the unique functions included departments that related to products and services, geographic locations, support functions, and clients. Each dimension is intrinsically variable. Within the support functions there is variability in team expertise and the nature of the support, as examples. Support could be present in the form of ERP enhancements or module creation, or storage, and the availability of workflow assets. There is variability in the client facing function with regard to size, rate structure, administrative load, *hunter vs. harvest* activity, and the quality of relationships. Furthermore, geographic locations, as studied here, vary in culture, size, and mix of products used in local markets, further strengthening the idea of a dimension rather than a layer (Armstrong & Cole [1]). This organizational design in a global value chain must be competitively agile in its dynamic market while managing through an otherwise complex organizational construct.

References:

1. Armstrong D.J., & Cole P. (2002). Managing distances and differences in geographically distributed work groups. *Distributed Work*, – P. 167–186.
2. Elberdievna M. K. Informative potential of biblical allusions, *European Journal of Humanities and Social Sciences*, 4. 2018.
3. Festinger L., Riecken H., & Schachter S. *When prophecy fails* [EPUB]. Gran Bretaña, Pinter & Martin. 2008.
4. Huseynova F., & Qasimova N. How to build relationships-both orally and in writing. *The European Journal of Humanities and Social Sciences*, 4. 2016.

*Bayniyazov Azatbay Tursynbaevich,
Khodjalepesova Indira Mukhitdinovna,
assistant of department of foreign language,
Karakalpak State University,
Uzbekistan, Nukus
E-mail: svetmamb@mail.ru*

USING DIFFERENT MODEL OF TEACHING READING IN ESP CLASSES

Abstract: The presented article deals with the strategies for developing learners' reading skills and through a sample reading lesson show the possibilities of jigsaw reading activities in developing receptive and productive skills.

Keywords: Reading, jigsaw reading, native language, reading skills, home group, listening and reading activities, a foreign language.

Nowadays the English language is being used widely in Uzbekistan. English will become one of the most dominant language in education, employment or social position. Since the independence of the country great changes have taken place in Uzbekistan, several foreign languages are being taught in the system of education. Citizens of the country are learning English as a foreign language at schools, lyceums, colleges, Universities and at special courses.

On December 10. 2012 the first President of Uzbekistan Islam Karimov signed a decree "On measures to further improve foreign language learning system". It is noted that the framework of the Law of the Republic of Uzbekistan "On education" and National Program for Training in the country, a comprehensive foreign language teaching system, aimed at creating harmoniously developed highly educated, modern thinking young generation, further investigation of the country to the world community [2]. However, analyses of the current system of organizing language learning shows that learning standards, curriculum and textbooks do not fully meet the current requirements, particularly in the use of advanced information and media technologies. Education is mainly conducted in traditional methods. Further development of foreign languages learning at all lev-

els of education improving skills of the teachers and provision of modern teaching materials are required. And these materials should be developed according the needs of our learners, their peculiar characteristics. Teachers know that they should not only give knowledge and but also develop students' different kind of skills. A lot of problems need to be investigated in methodology of teaching foreign languages, especially in our country. One of them, to our mind, is developing learners' reading skills. The ability to read is essential because it is one of the ways in which a language can be learnt. Reading not only improves the ways of thinking but stimulates the development of an inquiring mind.

Reading is about understanding written texts. It is a complex activity that involves both perception and thought. It is one of the main skills in language. The ability to read is essential because it is one of the ways in which a language can be learnt. Reading not only improves the ways of thinking but stimulates the development of an inquiring mind. Readers typically make use of background knowledge, vocabulary, grammatical knowledge, experience with text and other strategies to help them understand written text.

Zhang recommends the task-feedback circle that should work for both listening and reading activities

during which both general and more detailed comprehension is sought [10, 184]. The phases of reading activity and comprehension checks are broken down into the three, namely pre-reading, while-reading and post-reading activities.

Pre-reading activity often aim to raise the readers' knowledge of what they are about to read. This knowledge will help them to understand the text. These tasks are intended to construct background knowledge and prepare the reader for a reading selection, prediction, interaction with the text. Before starting to read, a lead-in, which may consist of introduction to topic, looking at pictures and discussions should be done.

In addition, Nuttall stresses the importance of providing a reason for reading, because in real life people usually have a reason why they read [8, 154]. Moreover, there are many things that teachers can do in order to prepare meaningful reading introductions and besides giving ESP learners a reason to read in order to motivate them, teachers should try to relate the text to the experiences and interests of students themselves. Another possible step that is possible to take is the discussion about the topic of the text or to set several questions [8, 154]. Pre-teaching key vocabulary is what teachers can do, but only when the task of the reading activity is not to understand, for example, the gist of a text where, of course, it may not be necessary to understand every single word that the text contains.

The aim of while-reading stage is to help students to understand the specific content and to perceive the rhetorical structure of the text.

When the reading process begins, the task sequence starts with the general ones, the feedback of the tasks is checked and if the students do the task successfully, another task that is more detailed can follow. If the students do not do the task successfully, the process of dealing with the task can be repeated. The final task, as the task sequence shows, is to deal with the focus on language. During reading, we consider the activities that follow from the

general understanding to the more detailed understanding. For example, reading for gist as a first step, then to read for particular pieces of information and finally to read for detailed understanding and bits of language. Not all reading is simple extensive global reading. There may be certain facts or rhetorical devices that learners should take note while they read. This gave them a sense of purpose rather than just reading. This type reading is usually supplied with different activities.

Post-reading. The tasks lead the learner to discuss and analyze issues presented in their reading and also give their points of view. After the tasks are done, the control what has been learned should be done and also it is possible to follow other activities that may be connected to the reading passage. As far as the understanding control is concerned, reading comprehension activities should be suited to the text [10, 9]. The variety of comprehension checks is really wide, so as an example we mention open questions, multiple-choice questions, right or wrong questions and activities such as matching the correct order of paragraphs or pictures and so on [10: 9]. Comprehension questions are just one form of activity appropriate for post reading. Consider vocabulary study, identifying the authors' purpose, discussing the authors' line of reasoning, examining grammatical structure, or steering learners toward a follow-up writing activity. The activities which are given to learners after reading the text are generated by the text and extend its potential for meaningful language work.

Jigsaw reading is an approach to reading that involves the students in speaking and summarising skills. The jigsaw classroom was first used in 1971 in Austin, Texas. Because of political situation white youngsters, African-American youngsters and Hispanic youngsters found themselves in the same classroom for the first time. Within a few weeks, longstanding suspicion, fear and distrust between groups produced an atmosphere of turmoil and hostility. Fist-fights erupted in corridors and schoolyards. The

school superintendent tried their best to solve the problem. Professor Aranson concluded that intergroup hostility was being fueled by the competitive environment of the classroom. So, he used jigsaw activity. The jigsaw classroom is a research-based cooperative learning technique invented and developed in the early 1970s by Elliot Aronson and his students at the University of Texas and the University of California. Since 1971, thousands of classrooms have used jigsaw with great success. The jigsaw classroom has a four-decade track record of successfully reducing racial conflict and increasing positive educational outcomes such as improved test performance, reduced absenteeism, and greater liking for school.

Jigsaw is a cooperative learning strategy that enables each student of a “home” group to specialize in one aspect of a topic. Students meet with members from other groups who are assigned the same aspect, and after mastering the material, return to the “home” group and teach the material to their group members. With this strategy, each student in the “home” group serves as a piece of the topic’s puzzle and when they work together as a whole, they create the complete jigsaw puzzle. Jigsaw reading helps build comprehension, encourages cooperative learning among students, helps improve listening, communication, and problem-solving skills.

It is very useful when working with short authentic texts such as newspaper articles. Jigsaw reading is a great way to introduce speaking into a reading lesson. It provides a real opportunity for genuine communication. In real life, we may tell people about a news article we have read, so this is a classroom activity that is fairly authentic.

How to use jigsaw?

1. Introduce the strategy and the topic to be studied.
2. Assign each student to a “home group” of 3–5 students who reflect a range of reading abilities.
3. Determine a set of reading selections and assign one selection to each student.
4. Create “expert groups” that consist of students across “home groups” who will read the same selection.

5. Give all students a framework for managing their time on the various parts of the jigsaw task.

6. Provide key questions to help the “expert groups” gather information in their particular area.

Provide materials and resources necessary for all students to learn about their topics and become “experts.”

7. Discuss the rules for reconvening into “home groups” and provide guidelines as each “expert” reports the information learned.

8. Prepare a summary chart or graphic organizer for each “home group” as a guide for organizing the experts’ information report.

9. Remind students that “home group” members are responsible to learn all content from one another.

The major benefit of the lesson on jigsaw reading described here was the high level of enthusiastic student participation. This way attributable to some extent to the novelty of the task they performed: coming up with responsibility to others’ knowledge which depend on the student made them work harder and more seriously.

Students pointed out during the feedback part of the lesson that, although they know a lot of things about kinds of sport in their native language, they felt they had some challenges to accept printed material in a foreign language. But the jigsaw reading activity motivated them to reading the texts carefully and accept every detail in the texts. However, when reading texts in a foreign language, they felt they needed help from the teacher to read “between the lines” or to question the message the author was trying to convey.

Although developing reading skills can be time – consuming and difficult for students, it is worth the effort.

As teaching students to read is essential, then it must be introduced into teaching practice systematically. It cannot be assumed that students will come to effective reading ability naturally or simply. Reading not only improves the ways of thinking but stimulates the development of an inquiring mind. Language teachers are often frustrated by the fact that students

do not automatically transfer the strategies they use when reading in their native language to reading in a language they are learning. Instead, they seem to think reading means starting at the beginning and going word by word, stopping to look up every unknown vocabulary item, until they reach the end. The activity we are suggesting to use in reading classes helps students move past this idea and use top-down strategies as they do in their native language.

Teachers should show students how they can adjust their reading behavior to deal with a variety of situations, types of input, and reading purposes. They should help students develop a set of reading strategies and match appropriate strategies to each reading situation. Students should work in groups each session, reading aloud to each other, discussing the material, doing question and answer, and so forth. Working in groups provides the much needed

interactivity to increase motivation and learning. Students may choose their own groups or be assigned to one group and groups may vary time by time. Jigsaw reading is a useful cooperative learning strategy that engages students and increases their participation and contribution to the learning process. It helps develop a depth of knowledge not possible if the students were to try and learn all of the material on their own. Each student of a “home” group specialize in one aspect of a learning unit. Students meet with members from other groups who are assigned the same aspect, and after mastering the material, return to the “home” group and teach the material to their group members. Each student’s part is essential for the completion and full understanding of the final product. It helps develop a depth of knowledge not possible if the students were to try and learn all of the material on their own.

References:

1. Karimov I. A. Harmoniously developed generation is the basis of progress of Uzbekistan.– Tashkent: Uzbekistan, 1997.– 35 p.
2. The Decree of the President of Uzbekistan PD-1875 on – December 10, 2012. “On measures to further improve of foreign language learning system” 2012.
3. Harmer J. The practice of English language teaching (3^{ed.}) Harlow, UK: Pearson Education Limited, 2001.
4. Nuttal C. Teaching reading skills in a foreign language. Oxford, UK, Heinemann. 1996.
5. Wallace M. Reading in the Language Classroom. Oxford, Oxford university press 1992.
6. Zhang Y. Reading to Speak: Integrating Oral Communication Skills. 2009.
7. URL: <http://www.macmillanenglish.com/readers>
8. URL: <http://wikipedia.org>
9. URL: <http://www.teachingenglish.org.uk/think/methodology/intercultural>

Tinatin Tvaltchrelidze.

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

PhD student in Comparative Literature Studies the Faculty of Humanities

E-mail: tiniko.tvalchrelidze@gmail.com

EXISTENTIAL SPACE OF A FEATURE TEXT (HERMENEUTICAL INTERPRETATION)

Abstract: Research of fiction texts by **hermeneutical method** is very interesting. Hermeneutics is recognized as the theory of understanding differently. *The key to correct interpretation of a text is expressed in the knowledge of the “codes”.*

Keywords: hermeneutical, hermeneutical method, analysis models/interpretation models.

“Everywhere, where the world is experienced by us, where the alienation is removed, everywhere the hermeneutical process of gathering of the world in word and in consciousness in general is completed.” (H. Gadamer) “Expression of thought in language” – this is how Schleiermacher defines the concept of understanding. Often a reader reads a text, knows its content, although we are not sure that they have understood the text. When or how can we be confident that a recipient has correctly understood a text? There is no unequivocal criterion in relation to a literary work. Understanding of a fiction text, its correct interpretation, unification of synchronous and diachronic angles, reader and theoretician, author and historic context, inner and external logos, lingual and genre model – this is the scarce list from literature theory issues, which a reader must be aware of for the deconstruction and further correct reconstruction of a text [1, 207–208]. Research of fiction texts by hermeneutical method is very acute and interesting. Hermeneutics is recognized as the theory of understanding differently. It is considered as the universal tool of definition and explanation of a literary work. Research of fiction texts from this angle has deep philosophical-literary criticism basis. It allows fundamental understanding of a text and by using it we get acquainted with the main idea of a text. Understanding of a literary work means not only knowledge of facts, but also the whole text, as

a model having certain content. The given model is expressed in genre, creative techniques, composition and plot peculiarities, writer’s language and unity of different “codes”, which must be decrypted. The key to correct interpretation of a text is expressed in the knowledge of the “codes” (code of means of expression, genre code...) Reader understands a text through the enigmas presented in it, in synchronous and diachronic angle. This is how reader’s experience transferred to the text. Several analysis models have been developed in framework of the different 20th century literary theories. Those analysis models/interpretation models are: hermeneutical, reception aesthetics, structuralist, post-structuralist/deconstructive, discourse analysis, system theory, gender, psychoanalytical, sociological, intertextual interpretation methods/analysis models. It is the philosophical-existential reading, based on the hermeneutical method that allows more or less perfect interpretation of the in-depth idea. Hermeneutical method has highly influenced the humanitarian and literary criticism thinking of the 20th century. In hermeneutical interpretation the main goal is not only the reconstruction of a literary text; the main goal of interpretation is the extension of the knowledge of a reader and their better understanding of themselves [2, 115–116].

Interest to the understanding and explanation of a story was shown back in the antique era. The first

steps towards understanding of a text are related to the Stoic philosophical school. Representatives of the given school started interpretation of the Homer's Iliad and Odyssey and Hesiod's Theogony. The art of interpretation was used by the Sophist and Rhetoric schools. After, the Stoics developed the so called allegorical interpretation. In the process of interpretation of a literary text the Stoics differed from each other the spoken out and inner logos: the first is the direct idea of the text and the second is the content of the expressed or the concealed idea. The inner logos or the concealed idea of a text is expressed in the external logos. The allegorical interpretation method of text was further developed in the Hellenistic and Patristic period exegetics of Biblical texts. In the Middle Ages hermeneutics inseparably connected with the theology, as in the era of uprising of the Christian theological thinking, it became necessary to interpret/explain the holy books and works by the fathers of the Church. The dogmas presented in holy books and the forms of their interpretation were the prerogative of theologians for many centuries. The Church was in need of certain doctrine, interpretation theory and method. Thus, in the late Middle Ages was developed the theology-related type of hermeneutics – religious-dogmatic hermeneutics.

Start of allegorical explanation of Biblical texts is related to Philo of Alexandria (1st century AD). Philo claims that an author always cares for a text to be allegoric. Therefore, such a text must be explained allegorically. Allegorical explanation of the Bible is also related to theologian John Chrysostom. He forms his well-known teaching about the three-way explanation of the Scripture or about the existence of triple sense in the text of the Scripture. Definition of direct and concealed senses in a text matches with the three components of a human's essence: flesh, soul and spirit. According to John Chrysostom, in the Gospel texts the exegete first finds the flesh, the literal meaning, after the soul or the moral-aesthetic sense of the text and finally the spiritual or the inner logos of the text.

From the 19th century appears the philosophical hermeneutics, which discusses the problems of interpretation of written sources. Its origination is related to German philosopher and theologian Friedrich Schleiermacher (1768–1834). Schleiermacher's works became the turning point towards the hermeneutical research [3, 47].

Code of expression means – comprises the lingual side of literary work and considers from a reader the knowledge of language, understanding of stylistic peculiarities, and consideration of usage of tropes and etc. For example, impressionist prose is characterized with certain irony, as the means of laconic expression of thought, emotional-expressionist narration, ellipsis, unfinished sentences, rustic rhythm, short phrases, “telegram” style and musicality. Niko Lortkipanidze has written: “My very main aim was to cause certain soul mood in readers – to achieve the goal of music through words.” Let us remember Niko Lortkipanidze's (Niko Lortkipanidze 1880–1944. Georgian publicist, journalist, prosaic) creation:

“He died abroad.

– He was ill with thousands of diseases; no medicines could help.– The doctor made an excuse to his friends. The autopsy was done. The professor dropped his hands and shouted in surprise:

– Look, sirs, what is this?! They were staring at each other (The Heart). “Father and child again remained alone. Elly gave birth to a child. They were in hardship. They sold, mortgaged even the most necessary... Elly only kept the medallion on her chest...” (The Spell from Radio). By means of these few words the writer has created the color of word, musicality, and the distinct characteristic type of the character. By means of his mastership, short and fast sentences, the exactly found phrases the writer manages to build up the emotional plot. The dry phrases create the impression of a painting.

We can also outline the **genre code**. Reader must consider that literary genre has characteristic rules of plot construction. Characteristic to theological writings is the creation of the new image of national

hero (R. Siradze). Hagiographic texts are characterized by educational-didactic motives, creation of the absolutely perfect image by means of a hero and an anti-hero related to them, excessiveness of historicism; a saint repeats the road of Christ. Connection of hagiographic texts with the Bible is also interesting, which expresses the medieval beliefs. Let us recall the medieval epos. When understanding Shota Rustaveli's *The Knight in the Tiger's Skin*, we must consider the genre characteristics. Medieval epos does not aim to reflect some specific reality; here characters reflect the fiction ideals. There is a synthesis of real and fiction facts and countries. There are no time and space boundaries. Reader must understand the text by considering all of the above; they will already understand why Rustaveli describes the battle with the Orcs, the victory over the Kajis by the three heroes in magic armor and etc.

As for the impressionist prose, it eliminated the classic understanding of the plot and gave predominance to small-form literary works, the aim of which is to create emotional-impressive mood. Miniature, novella, sketch – is the most precise form of the impression reflection of a writer. Extensive, monotonous descriptions and narration are replaced by short and fast phrases: “Georgian widow, from headscarf to shoes... even socks are black...” This clearly shows the exquisite laconic narrative and creation of “painted portraits”, differing from the realistic style. Open expression of subjective evaluation by writer is also noteworthy; creation of realistic images by means of rhythmic-musical miniatures.

The main code of the analysis of a fiction text is **the writer's style** and individuality. Literature of the 50's gradually opened the way to stylistic searches; Georgian existentialist writer Jemal Karchkhadze (Jemal Karchkhadze 1936–1998. Georgian essayist, writer), playwrightwrites that the main fire was directed towards the style, as the style is the fiery enemy of totalitarianism – the individuality. One of the main features of literary work is fiction and literature was still able to save itself under the veil of mystery, unlike the

criticism of the epoch, which was more bound in the ideological frames. Selection of historic thematic and transfer of time and space to far past create a certain code too – it is a tool for a writer, which is directed at concealing the meaning and further understanding of it through correct interpretation. Jemal Karchkhadze believes that in a fiction text the past and the present are not categorically divided from each other. The present is a perspective past and the past is the fixed present. The past and the present go to one another and explain each other. This is why their division and separation is possible only formally and conditionally, while a human, who in such a continuous flow of the world, at the same time goes and stays, is on the one hand is the result and sum of his own past at any point of time and on the other hand, is part of the long chain of the ancestors. Karchkhadze believes that for a writer there is time as the unified dimension and exists a human, who covers this whole dimension. A writer writes not a historic novel, but a novel the plot of which develops in a certain specific time and the choice of time, in principle, does not differ from the choice of location in this case. Transfer of the plot to another epoch is a “literary trick”. (Short story – *Rahat-Lukhum*; novel – *Zebulon*).

The feature of the process of understanding is its cyclic character. The interrelation of the whole and parts was first shown within hermeneutics; it was implemented in the notion of “hermeneutic circle”. “Hermeneutic circle”, as an important methodological notion of philosophical hermeneutics was thought out in the mid-20th century.

Goal of hermeneutics is to understand the main idea and meaning of specific texts. Our objective, when using the given method is to understand the inner logos of fiction texts. Hermeneutical method has had greatest influence on the humanitarian and literary criticism thinking of the 20th century. In hermeneutical interpretation the main is not the reconstruction of a literary text; goal of interpretation is to extend the knowledge of a reader and to let them better know themselves.

References:

1. Magazine Sjani. Hermeneutics.– Vol. 1. 2000.– P. 207–213.
2. Literature Theory. Main Methodological Concepts and Movements of the 20th Century. Tbilisi: Publishing House of the Institute of Literature, 2008.
3. Ratiani I. Lectures on Literature Theory.– Tbilisi: Publishing House of the Institute of Literature, 2005.
4. Karalashvili R. Book and Reader.– Tbilisi: Education. 1997.
5. Hermeneutics: History and Modernity.– M.: Publishing House Misl, 1985.
6. Vietta S. Der europäische Roman der Moderne. München: Fink Verlag, 2007.

Section 12. Economics

*Batirova Nilufar Sherkulovna,
Uzbekistan international islamic academy,
Senior lecturer of departament
“Islamic economy and finance, tourism”
E-mail: nilu808@mail.ru*

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE TASHKENT REGION IN AN INNOVATIVE ECONOMY

Abstract: The article outlines the peculiarities of the development of Tashkent region’s industry. At the same time, the importance of the industrial complex in the development of the region is emphasized. Advantages of the region over other regions are mentioned. In conclusion, we note the importance of innovative development in the development of the industrial complex and the importance of rational use of geographical location.

Keywords: Industry, innovations, industrial complex, innovative economy, economic development, gross domestic product, region, gross regional product, investments, modernization.

The modern economy is characterized by the intensification of globalization, integration and competition among regions. The role of the industrial sector plays an important role in the development of society’s productive forces and in achieving high economic growth in the regions. The industrial complex is an integral part of the region. The regional industrial complex is a set of economic entities that operate independently in a particularized and which is an integral parts of the regional socio-economic system and producers of labor tools and consumer goods. That is why it is the basis of the economic development of all sectors of the economy, expanded supporting production supporting the industrial sector is based on the improvement and development of the regional governance system. Over the past decade, the country’s GDP grew 2.1 times. Industry plays a big role in this change. In 2017 compared with 2007, the industry grew by 169%, or 1.7 times [1, 1]. In 1995, industry in the

country’s GDP accounted for 27.8% (agriculture accounted for 32.4%), and in 2017–34.1% (agriculture 19.7%) [1, 5].

The favorable business environment in recent years has led to significant changes in the structure of the economy. The adoption of measures for diversification, modernization, technical and technological renewal in the industrial sector made this sector one of the fastest growing sectors. The role of the Tashkent region in the structural changes taking place in the country has increased dramatically. A number of measures were taken to improve the economic potential and competitiveness of the region. The region is central to the regional industrial structure of the country. The region accounts for 9.1% [2, 11] of the country’s GDP and 14.6% of industrial production [1, 5]. Tashkent region has advantages over other provinces in terms of industrial potential. In this respect it is in the third place in the country. Industrial enterprises located in Zangiot,

Ahangaran, Chirchik, Bekabad and Almalyk are of great importance in the industry.

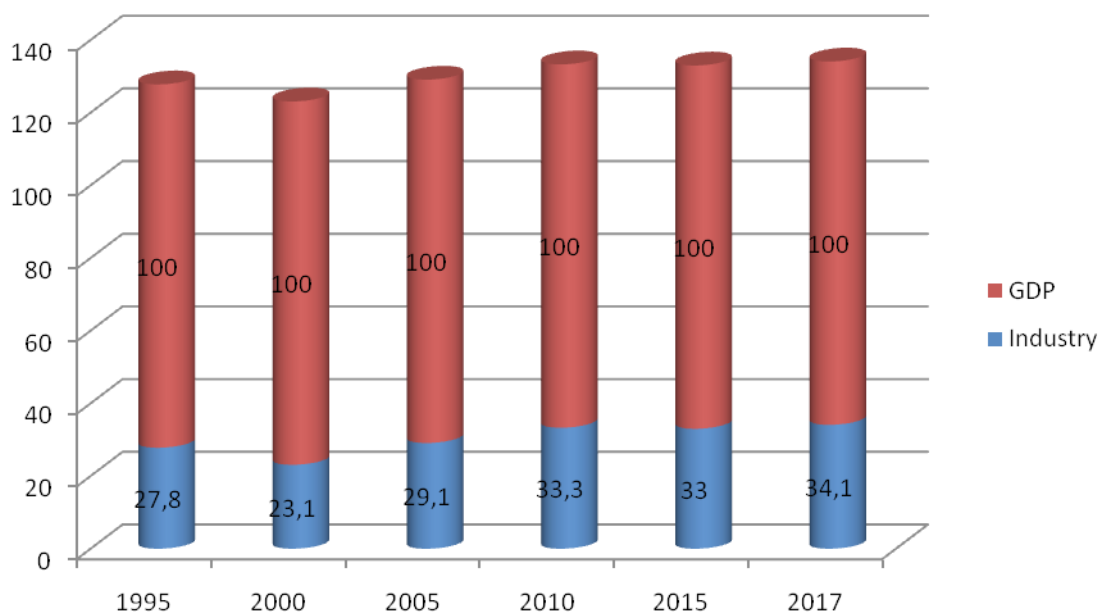

Figure 1. The share of industry in GDP (1995–2017 y.) [1, 5]

The use of new techniques and technologies in these factories is the result of a steady increase in labor productivity. This is due to the fact that the share of industry in GRP is 43.1% (including con-

struction) [2, 15]. This significant contribution is achieved through the development of industrial sectors like ferrous metallurgy, chemistry, pulp, paper, food, engineering, printing and painting.

Table 1. – The role of Tashkent region in the socio-economic development of the Republic of Uzbekistan [1, 6]

Indicator	2000 y.	2010 y.	2014 y.	2017 y.	Place in the republic (2017 y)
Gross domestic product (%)	10.8	9.0	9.8	9.1	2
GDP per capital (thousand sum)	148.9	463.16	345.68	8154.1	3
Population (%)	9.6	9.2	8.9	8.8	5
Industry (%)	16.4	14.5	14.7	14.6	2
Common consumption goods (%)	10.2	9.9	11.7	10.4	4
Agricultural products (%)	13.2	13.1	12.6	11.5	2
Retail turnover (%)	9.9	11.0	10.5	10.6	2
Export	11.6	13.4	13.8	10.0	2
Import	13.2	13.0	14.1	12.5	2

The geographical and climatic conditions of Tashkent region are different from other regions. The border of this region with Kazakhstan indicates that it has a certain advantage over other markets when

entering the market of northern countries. This will make it possible to introduce positive structural changes in the economy of the region. As for the export potential, the region ranks second among the

regions of the country, where the main part is industrial goods. Over the past four years, industrial production in the region has grown 1.74 times, while in the country this figure is 1.77 [3, 17]. The volume of industrial production per capita is 7624.6 thousand sums. In the republic, this figure is 4594.7 thousand sums [3, 15]. Thus, the average regional indicator is 1.66 times higher than in the country.

Currently, a number of works are being carried out on the modernization of production and the transition to innovative development in the country. One of the key areas of innovation is the industrial complex. This network allows you to develop and implement scientific technical developments, effectively use technical progress and formulate a new approach to the management of the industrial complex. The number of enterprises producing innovative products, works

and services is growing every year. By 2017, the production of innovative products increased 7.5 times compared with 2010 [4, 2]. As for innovative products, Tashkent region ranks fourth in the country (6.4%). In 2017, enterprises in Tashkent region introduced 219 types of technological innovations. Of these, about 106 species were created from small enterprises and micro firms [4, 2]. Of course, the implementation of these changes requires a high investment activity. In 2017, 8.2% of investments in fixed capital were directed to the Tashkent region (4,301.8 billion sums, 90.3% non-state, 9.7% state) [5, 60]. The low rates of foreign investment growth are leading to a decline in the share of the region in the volume of foreign investment (from 10.9% in 2000 to 4.2% in 2017) [5, 73]. However, the share of investment in the industrial sector remains high.

Table 2. – Investments in the Tashkent region, % [6, 3]

Years	Total investment				Foreign investment and credits			
	2005	2010	2014	2017	2005	2010	2014	2017
Total (all regions)	100	100	100	100	100	100	100	100
Tashkent region	10.7	9.8	10.8	8.2	8.1	6.1	7.3	4.2

Most of these investments are directed to industrial sector. Foreign investments are mainly attracted to the special industrial zone of Angren. Companies running in this zone will actively participate in attracting foreign capital, increasing the production of innovative industrial products and export potential. However, it is necessary to improve the infrastructure of railways and roads, to remove barriers to the import of equipment and raw materials. Most of the investment in the industrial sector is in metallurgy, coal mining and power generation. The direction of investment in this area may lead to increased dependence of the region on natural resources. This reduces the effectiveness of investments. The focus on investment in the food, light industry and mechanical engineering industries can be positive. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On the Strategy for the

Further Development of the Republic of Uzbekistan” dated 07.02.2017 No. 4947 and the Decree “On Priority Measures to Ensure Rapid Socio-Economic Development of Regions” dated August 8, 2017 No. 3182 take a worthy step to accelerate the economic development of regions including their efficient use of natural, economic and human potential, the construction of unfinished construction sites, unused production and land plots, as well as the introduction of comprehensive measures to rational use of revenues of local budgets and the expansion of export opportunities in the region, the creation of modern market infrastructure in the field, the development of services, tourism, practical assistance to business entities and the creation of new jobs [7, 1].

It is also advisable to hold the following activities in this area:

- effective use of resource potential of the region and correct assessment of its reserve capacity;
- analyze the demographic situation in the regions and cities of the country and increase labor productivity;
- creation of technology parks and small industrial areas;
- creation of favorable conditions for foreign investors and the introduction of tax incentives in this direction to attract direct investment;

– development of short-term and long-term programs aimed at the development of all industries in the region to achieve these goals.

Thus, for the development of industrial production in the region, it is necessary to use the geographical location wisely, to create special industrial zones and technology parks for the efficient use of labor resources. In consequence, this will have a positive impact on industrial development in rural areas of the region.

References:

1. URL: <https://stat.uz/uploads/docs/Sns-1991-2017-uz.pdf>
2. O'zbekiston hududlarining yillik statistik to'plami/statistik to'plam. O'zR Davlat statistika qo'mitasi.– Toshkent, 2018.– 256 b. (Annual statistical collection of regions of Uzbekistan / statistical collection. State Statistics Committee of Uzbekistan.)
3. O'zbekiston sanoati 2014–2017. Statistik to'plam. O'zR Davlat statistika qo'mitasi.– 151 b. (Industry of Uzbekistan 2014–2017. Statistical collection. State Statistics Committee of Uzbekistan)
4. URL: <https://stat.uz/uploads/docs/innovatsiya-2017-uz.pdf>
5. Социально экономическое положение республики Узбекистана за 2017 год. Под редакцией Бегалова Б. А.– Ташкент 2018 год.– 200 с. (Social and economic situation of the Republic of Uzbekistan for 2017).
6. URL: <https://stat.uz/uploads/docs/investitsiya-yan-dek-2017uz1.pdf>
7. URL: <http://lex.uz/docs/3302438>

*Kazakova Elena Ivanovna,
professor, department of economic cybernetics,
SEIHPE "Donetsk National Technical University"
E-mail: kazakova_donetsk@mail.ru*

*Kolomytseva Anna Olegovna,
candidate of economics, assistant professor,
of the Department of Economic Cybernetics
SEIHPE "Donetsk National Technical University"*

*Iskra Elena Aleksandrovna,
candidate of economics, assistant professor
of the Department of Economic Cybernetics
SEIHPE "Donetsk National Technical University",*

*Boenko Tatiana Nikolaevna,
master, SEIHPE "Donetsk National Technical University"
E-mail: 0506040838@mail.ru*

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL MODEL OF THE POTENTIALLY DANGEROUS TERRITORY OF DONBASS AS AN ECONOMIC REGION

Abstract: Donbass as an industrial region with a large economic potential is considered in the camp. A generalized dynamic model of the state of man-made and environmental processes in the war zone is proposed.

Keywords: Донбас, структура экономики, отрасли экономики, особый статус, зона военных действий.

*Казакова Елена Ивановна,
профессор, кафедры экономической кибернетики,
ГОУВПО «Донецкий Национальный
Технический Университет»
E-mail: kazakova_donetsk@mail.ru*

*Коломыцева Анна Олеговна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической кибернетики,
ГОУВПО «Донецкий Национальный
Технический Университет»,*

*Искра Елена Александровна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической кибернетики,
ГОУВПО «Донецкий Национальный
Технический Университет»,*

Боечко Татьяна Николаевна,
магистр, ГОУВПО «Донецкий Национальный
Технический Университет»
E-mail: 0506040838@mail.ru

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОТЕНЦИАЛЬНО-ОПАСНОЙ ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА КАК ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Аннотация: в статье рассматривается Донбасс, как индустриальный регион с большим экономическим потенциалом. Предложена обобщающая динамичная модель состояния техногенных и экологических процессов в зоне военных действий.

Ключевые слова: Донбас, структура экономики, отрасли экономики, особый статус, зона военных действий.

Рисунок 1. Структура экономики Донбасса

Донбасс – это индустриальный регион с большим экономическим потенциалом, который игра-

ет важную роль в создании материально технической базы.

Производственный комплекс Донбасса включает в себя энергетический, угольный, химический, металлургический, машиностроительный, строительный, агропромышленный и товаропроизводящий комплексы, структура экономики Донбасса представлена на (рис 1).

Территория Донбасса перешла в ранг особого статуса в 2014 году. Это повлияло на все отрасли

экономики и в том числе на формирование государственного устройства.

В экономической зоне с особым статусом (рис. 2) сформировалось полноценное государство, которое стоит из Главы, Совета министров, Народного совета, Верховного суда, Генеральной прокуратуры, 19 министерств, 11 органов государственной власти и 17 администраций городов и районов.

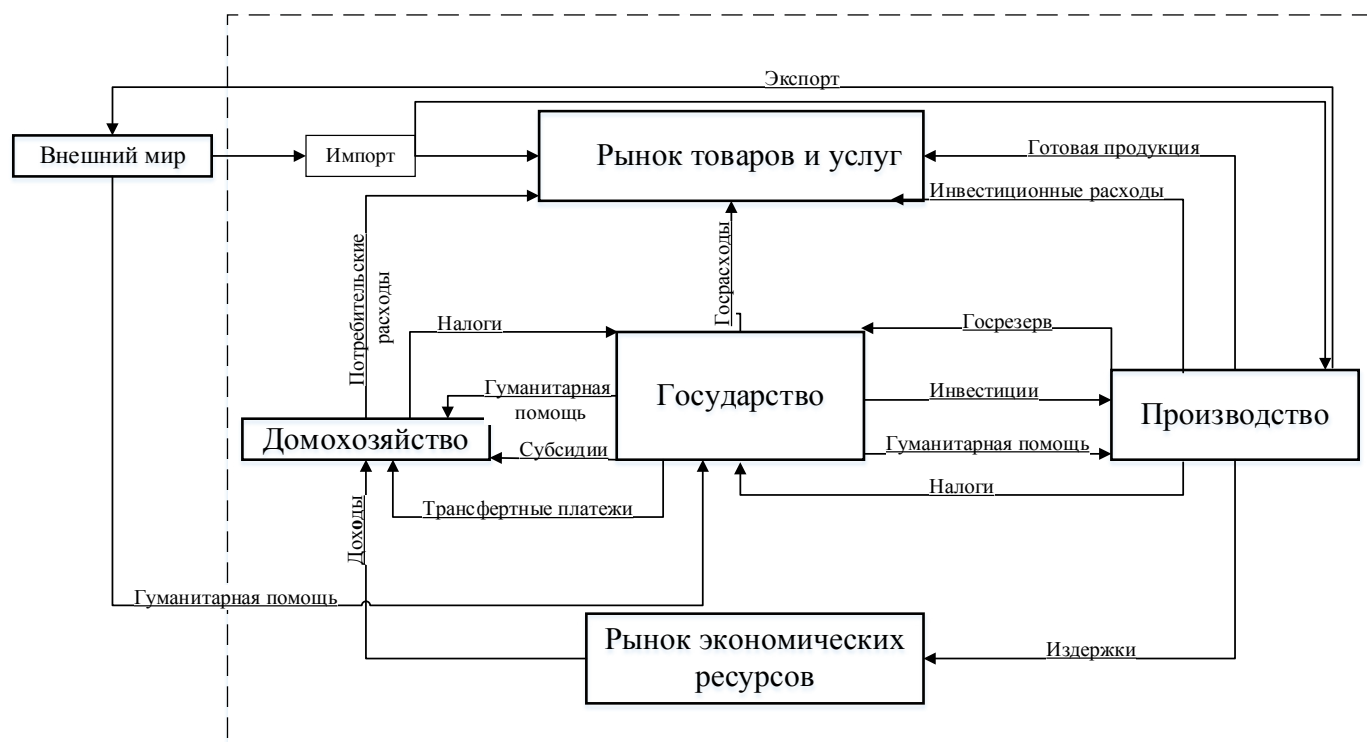

Рисунок 2. Структурно-функциональная модель территории с особым статусом

Производственные предприятия состоят из 4 форм собственности: государственной, муниципальной, юридического лица (ООО, СООО, АОЗТ, ЧП, КФХ, ФХ ит.д.), физического лица – предпринимателя.

Каждая из отраслей экономики Донбасса вносит свою лепту в ухудшение экологии. Экономико-математическое моделирование реакционных, техногенных и социальных процессов замкнутого экономического региона потенциально-опасной территории (ПОТ), рассматривается на примере взаимодействия интегральных макроэкономических процессов в зоне военных действий (ЗВД). Последняя представляет техно-

генно и экономично опасную территорию Донбасса.

Опасность в ЗВД существует благодаря потоку загрязнения от разных потенциально опасных объектов (ПОО), которыми являются объекты укрытия, различные пункты захоронения отходов (ПЗО), пункты временной локализации радиоактивных отходов (ПВЛРО) тому подобное, эти потоки существуют внутри ЗВД и находятся в сфере управления государством.

В данной работе рассматривается дальнейший анализ и обобщение данных состояния ЗВД как динамической системы, которая развивается [1] эффективность развития этой системы со-

стоит в эффективности функционирования всех технологий, которые связаны с минимизацией негативных последствий гражданской войны на Донбассе. Некоторые результаты были получены на предыдущих этапах исследования, но требуют дальнейшего их совершенствования с позиции 5-летнего опыта ликвидации негативных последствий военного противостояния на Донбассе, а также с позиции рассмотрения ЗВД как динамичной нестационарной системы, которая развивается.

Предлагаем обобщающую динамичную модель состояния техногенных и экологических процессов в ЗВД.

Введём параметры, показатели и модельные функции ЗВД как эколого-экономической системы, с позиций которых ограничивается круг подготовки и анализа первичной информации относительно моделирования техногенной и экологической безопасности ЗВД.

Зона военных действий представляет собой систему, что развивается: внешне в зону приходит поток фондов; внутренне, из зоны, – результаты обязательных мероприятий относительно ликвидации последствий военной агрессии (ЛПВА) (в общем рассмотрении – «сделанная продукция и загрязнения»).

Зона военных действий как объект моделирования, рассматривается в виде совокупности таких системных уровней:

V_1 – денежный эквивалент фондов в зоне военных действий;

V_2 – денежный эквивалент фондов, произведённых в зоне военных действий;

Z – загрязнение (военные машины, снаряды и т.д.);

M – мощности, связанные с военным загрязнением (далее ресурсы);

V^+ – поток денег в зону.

При построении математической модели приняты следующие предположения:

– под мощностью, связанной с военными загрязнениями понимаем объекты, укрытия и места захоронения военной амуниции и т.д.;

– уменьшение уровня ресурсов будет приводить к переходу части отработанной военной техники, снарядов, химических веществ, в свободное состояние и, следовательно, к увеличению уровня загрязнения;

– V^+ – содержим средства, которые направляются на обновление ресурсов (U_R), на ликвидацию загрязнения (U_Z), на воспроизводство основных фондов (U_V), на предотвращение миграции загрязнения за границы зоны военных действий (U_T);

– существует поток загрязнения из зоны (I_Z), связанные с пожарами, ветром, поверхностными и подземными водами, с биогенными и техногенными процессами;

– начало боевых действий привело к значительному снижению величины фондов, произведённых на Донбассе.

$$V^+ = V^+(t),$$

$$Z_M = Z_M \left(\frac{M_0}{M} \right),$$

$$\frac{dV_1}{dt} = -\frac{V_1}{T_V} + \frac{U_V V^+}{C_V},$$

$$V_2 = \begin{cases} f_1(V_1), & t < t_1, \\ f_2(V_1), & t > t_1, \end{cases}$$

$$\frac{dZ}{dt} = Z_V V_2 + Z_N Z_M - \frac{Z}{T_Z} - \frac{U_Z V^+}{C_Z} - I_Z,$$

$$I_Z = I_N Z + \frac{U_T V^+}{C_T},$$

$$\frac{dM}{dt} = -M_N + \frac{U_M V^+}{C_M},$$

где V^+ – функция, которая определяется на основании анализа эмпирических данных;

Z_M – табличная функция, определённая в результате решения задачи идентификации;

C_V – стоимость воспроизводства единицы фонда;

C_Z – стоимость очищения единицы загрязнения;

C_T – стоимость предотвращения миграции единицы загрязнения за пределы зоны военных действий;

T_V – период износа фондов;

T_Z – период разложения единицы загрязнения – интегральный параметр который учитывает время полураспада и константы скоростей трансформации в экосистемах;

Z_V – скорость генерации загрязнения на единицу производственных фондов;

Z_N – нормальная скорость генерации потока загрязнения с зоны боевых действий – интегральный показатель, учитывающий перенос загрязнения водой, ветром; биогенный поток и техногенный;

M_N – скорость износа ресурсов;

t_1 – время остановки производства электроэнергии.

Пусть функция «убытка» L описывает миграцию загрязнения за пределы зоны боевых действий и наличие несвязанного загрязнения внутри зоны:

$$L = I_Z \cdot Z + l_1 l_Z,$$

где Z – свободное загрязнение внутри зоны;

I_Z – поток загрязнения вне зоны;

l_1, l_Z – нормирующие коэффициенты.

Пусть функция «прибыли» P имеет вид

$$P = L + L_{opt} + V^+ (1 - U_R - U_Z - U_V - U_T),$$

где L – убыток, который определяется в ходе решения задачи динамического моделирования;

L_{opt} – убыток, который определяется в результате решения задачи оптимального управления;

$L_{opt} + V^+ (1 - U_R - U_Z - U_V - U_T)$ – неиспользованные средства.

По данной модели были проведены предварительные расчёты, которые позволили выявить некоторые противоречащие данные в разных научно-технических исследованиях.

Подводя итоги выше изложенному можно сделать вывод, что процесс формирования мощностей, связанные с загрязнением состоит из двух этапов:

а) воспроизводство ресурсов и совершенствование технологий, которые предназначены для «связывания» загрязнения;

б) на воспроизводство непосредственного мощностей «связывания» загрязнения, для лиц, которые принимают решения, предлагаются разные сценарии этих процессов.

Список литературы:

1. Глушков В. М., Иванов В. В., Яценко В. М. Моделирование систем которые развиваются – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1983. – 352 с.

*Kasparov Igor Viktorovich,
candidate of technical sciences, professor,
Department of General and Professional Disciplines
Branch of Samara State University of Communications,
branch in Nizhny Novgorod
E-mail: kiwik2008@mail.ru*

THE DEVELOPMENT OF INFO-COMMUNICATION INFRASTRUCTURE OF THE ECONOMY

Abstract: The article analyzes the modern information technologies, their influence on the development of the national economy; The article analyzes the conditions of formation of modern information and communication infrastructure and increase its accessibility.

Keywords: information technology, information and communication technologies, information and communication services, the security of the economy.

*Каспаров Игорь Викторович,
кандидат технических наук, профессор,
кафедра Общеобразовательные и профессиональные дисциплины
Филиал Самарского государственного университета
путей сообщения, филиал в г. Нижнем Новгороде
E-mail: kiwik2008@mail.ru*

РАЗВИТИЕ ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

Аннотация: в статье анализируются современные информационные технологии, их влияние на развитие экономики страны; условия формирования современной инфокоммуникационной инфраструктуры и повышения ее доступности.

Ключевые слова: информационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, инфокоммуникационные услуги, безопасность экономики.

Процесс информатизации современного общества носит настолько бурный характер, что невозможно назвать ни одну сферу человеческой деятельности, которую бы он не затронул самым серьёзным образом. Переход от индустриального общества к информационному заставляет совершенно по-новому подходить к решению задач в различных отраслях. В том числе, пожалуй, в первую очередь, это относится ко всему, что связано с современной экономикой [1, 184].

Сегодня стремительное развитие информационных технологий можно наблюдать в экономике, в области культуры и других областях. В развитых странах экономика, основанная на знаниях, уже сформировалась. Есть страны, 80–90 процентов бюджета которых формируются на основе науки и технологий, инноваций, на знаниях и их эффективном использовании. В этом направлении успешно продвигаются вперед США, Япония, Южная Корея, Китай и другие страны. Природ-

ные богатства этих стран невелики, но, несмотря на это, они преуспели в развитии, в экономике, достигли высокого уровня жизни, в этих странах есть совершенная система образования, науки и инноваций.

Россия находится в самом начале формирования информационного общества, однако жизнь уже очень серьёзно изменилась по сравнению с тем, что было 20 или даже 10 лет тому назад. Причём речь здесь идёт в данном случае не об изменениях социально-политического характера. Резко возросло количество людей, занятых в секторе информации (производство, хранение, передача данных). Производство материальных благ становится всё более информационноёмким. В себестоимости продукции всё большую долю составляют информационные и маркетинговые затраты. Теперь работники, и не только высшего звена, заняты решением относительно сложных творческих задач, зачастую не поддающихся формализации: разработкой перспективных планов на основе интуитивного прогнозирования, аккумуляцией накопленного опыта, решением стратегических задач. Информационные технологии всё шире проникают в нашу жизнь на бытовом уровне (начиная с повального увлечения детей компьютерными играми).

Одновременно с вышеуказанными процессами тотальной информатизации Россия переживает период коренных перемен в сфере экономических отношений, охватывающих все аспекты общественной жизни.

Около 50% валовой добавленной стоимости в ряде отраслей российской экономики – финансы, телекоммуникации, розничная торговля, электроэнергетика и пищевая промышленность – создается в результате использования информационных технологий. Такие выводы сделаны по результатам исследования, проведенного организациями Stockholm School of Economics (SSE Russia) и SSE Ring Research при поддержке компании Microsoft.

Исследование показало, что более половины всех сотрудников в финансовом секторе и телекоммуникациях использует в своей работе компьютер; в электроэнергетике и пищевой промышленности компьютером пользуется каждый пятый сотрудник. При этом пользователи проводят за компьютером большую часть своего рабочего времени [2, 88].

В целом, от 15 до 45% суммарного рабочего времени в компаниях приходится на время работы сотрудников за компьютером. Основную часть времени, проведенного за компьютером, сотрудники используют офисное (41–60%) или коммуникационное (25–35%) стандартное программное обеспечение. Умение работать со стандартными программными продуктами зачастую является обязательным условием для трудоустройства в ряде отраслей вне зависимости от должности, на которую претендует кандидат.

Различные исследования, проведенные в последние годы в мире, показали, что на тех предприятиях, где активно используются информационные технологии, производительность труда растет более высокими темпами [2, 88]. Несмотря на то, что по уровню производительности труда Россия пока отстает от крупных растущих экономик, в нашей стране также действуют основные общемировые тенденции.

Как выяснилось, валовая добавленная стоимость в российских отраслях во многом создается теми, кто работает за компьютерами (от 16% в электроэнергетике до 46% в финансовом секторе). Наиболее заметен вклад информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в клиентоориентированных отраслях, где наиболее сильна конкурентная борьба. Активное применение ИКТ создает дополнительное конкурентное преимущество для компаний и внутри отраслей. Например, в исследованных отраслях наблюдается прямая зависимость между интегральным уровнем ИТ-развития компаний и их производительностью [1, 184].

В обозримом будущем современные инфокоммуникационные услуги должны стать для наших людей таким же привычным и доступным явлением, как электроэнергия и водоснабжение. Для полноценной жизни инфокоммуникации необходимы ничуть не меньше, а у нас в стране еще сохраняются серьезные диспропорции между регионами по доступности современных услуг связи для населения.

Поэтому одним из важнейших направлений приложения наших усилий по формированию глобального информационного общества является формирование современной инфокоммуникационной инфраструктуры и повышение ее доступности для бюджетных структур, для бизнеса и граждан на всей территории страны. Решить эти задачи только за счет использования рыночных механизмов невозможно, необходимы механизмы государственного регулирования и привлечение государственных инвестиций в развитие ИКТ-инфраструктуры.

Однако у процесса формирования инфокоммуникационной инфраструктуры помимо положительных моментов имеются и недостатки.

В связи с углублением процессов глобализации мировой экономики все более актуальными становятся вопросы обеспечения экономической безопасности [3, 17].

Так, например, повсеместное использование Интернета по-прежнему у некоторых чиновников вызывает опасения в отношении того, что телекоммуникационная сеть может использоваться недобросовестными служащими в корыстных целях. Однако подобные сомнения можно развеять, учитывая существование аппаратуры и программ, ограничивающих доступ к определенному виду информационным ресурсам.

Таким образом, в настоящее время мы являемся свидетелями вхождения России в глобальное информационное пространство, развития инновационной экономики и построения информационного общества в стране. В условиях формирования глобального информационного общества доступность и качество услуг связи и информационных технологий напрямую определяют уровень жизни населения, конкурентоспособность и безопасность экономики страны.

Список литературы:

1. Каспаров И. В. Информационное обеспечение в процессе управления организацией // Перспективы развития науки и образования: III межд. науч.-практ. конф. (31 марта 2016). – М.: Центр перспективных научных публикаций, 2016. – С. 183–185.
2. Каспаров И. В. Принятие управленческих решений с использованием информационных технологий // Перспективы развития науки и образования: IV межд. науч.-практ. конф. (29 апреля 2016). – М.: Центр перспективных научных публикаций, 2016. – С. 87–89.
3. Каспаров И. В. Концептуальные модели компонентов системы безопасности предприятия // Теоретические и прикладные аспекты экономической безопасности региона: III межд. науч.-практ. конф. (4 октября 2014). Чебоксары, – Н. Новгород: НФ МИИТ, 2014. – С. 16–17.

*Makharashvili Irma,
doctor of business administration,
associate professor of Caucasus International University,
Tbilisi, Georgia
E-mail: nino.makharashvili@ciu.edu.ge*

*Lagvilava Tamar,
doctor of business administration, professor-assistant of
Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia
E-mail: t.lagvilava@gmail.com*

*Bibichadze Davit,
doctor of business administration, associate professor of
Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia
E-mail: d.bibichadze@gtu.ge*

UNUSUAL SOLUTIONS – EXCEPTIONAL PECULIARITIES OF EXTREME MANAGEMENT

Abstract: Nowadays, innovative economies are systematically emerging completely new problems that are caused by sharp changes in external and internal environment, with uncertainty and unpredictability, emergency and crisis situations. The solution of these tasks is related to the search for nonstandard approaches, the copying of which is impossible from existing theoretical concepts or past experience. This is precisely the reason for the active use of creative management in companies' management.

Keywords: Traditional and extreme management, creativity, innovation, decision-making process.

The purpose of this work is to present one of the most advanced branches of Creative Management – Extreme Management and show different approaches in comparison with Traditional Management. It is a special type of organization management based on an active involvement of all participants in the management process in developing and realizing non-standard, extravagant solutions and actions with high quality risk. Such decisions should provide dynamic and sustainable development, in the light of the constant variable requirements for the organization's work. It is a flexible, dynamic model of management for any type of organization characterized by turbulence, instability, indefinity, unpredictability or high speed of change. The principle peculiarity of extreme management is that it does not give ready

headlines and typical practical recommendations though it provides the company with new creative decisions and effective methodological tools for creating new updated solutions every time the failure is unsuccessful [1].

There are principal differences in traditional and extreme management conditions, tasks and contents. The basic prerequisites provided in the management decision-making process in traditional management are the following: introduction of scientific-technical progress; acceleration of technological innovations; continuous perfection; innovation of product; required update of technologies, etc.

The most important task of extreme management is to reduce the period for generating, developing and receiving extreme management decisions.

Extreme management decision – is a decision that contains active and nonstandard (sometimes shocking and non-coping) events including a high degree of extreme direction and risk, mainly characterized by high speed and efficiency in decision-making.

The most important signs of extreme management decisions include not only high level of adaptability to the flexible and constant changing requirements and conditions, but also high level of creativity and innovation.

The peculiarities are notices also in the stages of extreme management decision-making process, which are carried out in the following sequence:

- Express-evaluation of extreme situations;
- Systematic-creative monitoring of the problem emerged;
- Synchronized generation and realization of creative ideas and innovative management decisions;
- Evaluation of results and outcomes of extreme management decisions;
- Correction of extreme management decisions based on the express analysis of the extreme situation.

The management team works in an emotional and psychological creative resurgence in every stage of development and implementation of extreme management decisions, constantly generating new ideas, proposing non-standard tools for achieving the desired results.

There are special requirements for the central figure of management process – the manager in extreme management. The main task of the manager in extreme conditions is the loyalty towards the goals and the mission of the organization, as well as towards the efficient system of motivation for each participant of the management team. In addition, the most important characteristic features of successful extreme type of manager first is the self-discipline, positive energy and charisma.

Extreme type managers – are managers who are risk-takers, they get on the edge of existing capacities, sometimes even make over-management decisions.

The extreme type manager – is the manager who sets the norm that others consider to be extreme [3].

Effective use of extreme management in the process of solving nonstandard problems requires protection of the high quality of its consumption.

Experience in extreme management convincingly confirms that the main reasons for failures in management and decision-making in extreme situations are as follows:

- Concentration of the management team attention only on the technical details without consideration the staff's emotional-psychological expectations and the constant changes in the environment, including the general economic situation;
- The low level of communicative skills of participating governing teams and, first of all, the absence of effective interaction with the participants of the management teams in the "Live Plan";
- Excessive courage of the participants of the management teams before the supervision of the management, incomparable fulfillment of the ordinances, the inability to protect their viewpoints;
- Bureaucracy and Pattern (Organizational Management and Bureaucracy), which manifests itself in constant control of the reporting system instead of high motivation processes of managerial personnel aimed at creating efficient innovative solutions for personnel;
- The absence of confidential relations between the participants of the management team.

The success of extreme management depends, first of all, not so much on the time and ability of the participants of the process, but also ability to manage creatively, creative energy, mood and emotions of "extreme breaks groups" [4].

Experience shows that an effective extreme management decision making model should be built according to the algorithm "feelings-facts-creativity-solutions". The high level of creative potential, social-psychological mood, intensified emotions are important factors in making effective extreme management decisions in nonstandard and extraordinary situations.

Effective extreme management solutions are constantly adaptable in flexible organizations with high-friendly corporate culture, which make possible to quickly switch from traditional to extreme management model and visa-versa according to the needs and situation.

The specific model of each organization extreme management is a non-copy-able model. Such kinds of models are individual, exclusive and unique.

Consequently, today's urgent need is to develop effective technologies for preparation of extreme managers with relevant qualities and necessary training for solving the problems in extraordinary situations.

The necessity of practical implementation of extreme managers requires creation of teaching and training centers, adoption of education programs.

Extreme Manager – is a real professional. This is the type of manager, who possesses the knowledge and skills of management, the one who can deal with problems of increased risk organization in extreme situation; this is the type of manager that can be foreseen in extraordinary solutions, quickly and efficiently solving non-standard, emergency, crisis situations in the timeframe.

Professional training of extreme managers is becoming increasingly important in the activities of the organization in the conditions of crisis economy. Such managers are responsible for the decision-making and realization of effective management decisions in terms of instability, uncertainty and unpredictability in crisis situations. Their qualification and ability of immediate response to different types of problems alongside with the ability to organize the staff is the guarantee to successful solutions made in extreme situations.

The basis for such methodology should be a system-oriented creative approach. Such an approach allows future managers to develop the appropriate thinking, and make nonstandard managerial decisions based on unused tools and management methods in limited time.

In addition, the formation of teaching programs should be based primarily on the main function of

the extreme management – the real involvement of all participants of the management in the process of elaboration and realization of management decisions and actions with high quality risk in extremely limited time [5]. It should be noted that extreme management training programs should be different from existing staff development managerial programs. The issue is that extreme management tasks and contents are different from traditional.

In extreme management, unlike traditional, the main preconditions for managerial decisions are: chaotic, accidental, unpredictable, constant change of external and internal environment of the organization; unexpectedness arising in the process of development and implementation of the organization's plans and programs; Sharp decline in the timeline in decision making and its realization.

Since the extreme manager's work is carried out in the course of a particular professional activity, the extreme manager is unconditionally obliged to be obtained with specific technological and organizational management knowledge in certain areas.

Extreme-manager, while elaborating extra-plan of emergency and crisis situations, determines if the managerial situation is in the timeline and who performs certain actions (procedures, technologies). Extreme manager is responsible to find out the hard way out, develop strategy and tactics.

At the same time, the Extreme-Manager should have the knowledge and skills to effective use the tools in the realization of management functions, the manager should know how to: a) specify the goals and choose the rational ways of their achievement; specify the priority objectives, justify development of the events and solve the problems arisen; plan, coordinate, process the flexibility in delegating powers in sharply changing conditions of organization; ensure efficient interaction of the management inside and outside the organization, as well as effective control.

In the preparation of extreme managers, the main attention should be paid to the development of competencies associated with the manager's reaction to

different psychological factors that have negative impact on decision-making process. These can be quite varied factors, such as:

- Non-standard, uncertain and unpredictable situation;
- Difficulties arisen from the previously unknown problems;
- Absence of necessary information;
- Constant threats and dangers;
- Sharp shortage of time;
- Emotional disturbances of manager's interaction caused by constant emotional disorders;

Extreme managers training should be provided with active, consistent organizational consulting not only in the process of education but also after the end of it, with the active involvement and consulting of organization management.

Education and training of extreme managers cannot be effective if carried out only in compliance with the information and evaluation; it should be accompanied by meaningful and empirical composition. It is clear that the preparation of extreme managers should be built on an adaptive technological training

together with the significant part of practical training (using cases and other active methods). This kind of practice will certainly facilitate to improve knowledge, skills and competences, and also build managers' motivation to enhance their professional skills.

The training program for extreme managers will include modern creative tools and non-standard effective decision-making techniques as well as innovative mechanisms for successful implementation of set goals.

Extreme-managers training program should include an active methodology of training that allows the formation of individual models, styles and methods for working in different extreme conditions.

It is obvious that traditional methods of management often do not work or are less effective in extreme situations. Accordingly, it requires searching and using of principally new, unused instruments and technologies for achieving management goals in extreme conditions. Taking into consideration the fact that extreme management is based on extreme maneuvering decisions, extreme levels of risk-taking, hence its methods are not traditional, accordingly, creative tools have to be included.

References:

1. Covey Stephen R. Principle-centered leadership. – New York: Summit Books. 1991.
2. Tunic E. E. Psychodiagnostics of creative thinking. Creative tests.– St. Petersburg: Publishing House Didactika Plus, 2002 (Russian).
3. Blake Robert R. and Anne A. Mc Canse. Leadership Dilemmas – Grid Solutions, Houston: Gulf Publishing Company. 1991.
4. De Bono Edward. The Use of Lateral Thinking, Break the stranglehold of logical thinking, Hazel Watson & Willey Ltd., 1971.

*Nazarmatov Avazbek Akhmadovich, teacher,
E-mail.ru: nazarmatov2014@mail.ru*

*Sobirova Shukriniso Rakhimovna,
Ph D., in economics,
E-mail: Sobirova_777@mail.ru*

*Sattorov Mansur Sattorovich,
Ph.D., docent,
Mining and Metallurgical Institute of Tajikistan
Buston, Republic of Tajikistan*

INFLUENCE OF ATTRACTION OF INVESTMENTS IN ENERGY SECTOR DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Abstract: The article analyzes the amount of investment attracted to the fixed capital of the energy industry, as well as its impact on the efficiency of the industry. A comparison is made of the growth rate of investment and output.

Keywords: Investments, energy, efficiency, output, development.

*Назарматов Авазбек Ахмадович, преподаватель,
E-mail.ru: nazarmatov2014@mail.ru*

*Собирова Шукринисо Рахимовна,
кандидат экономических наук
E-mail: Sobirova_777@mail.ru*

*Сатторов Мансур Сатторович,
кандидат экономических наук, доцент
Горно-металлургический институт Таджикистана
г. Бустон, Республика Таджикистан*

ВЛИЯНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИИ В РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация: В статье проводится анализ объема инвестиции, привлеченного в основной капитал энергетической отрасли, а также его влияние на эффективность деятельности отрасли. Проводится сравнение темпа роста инвестиции и объема выпуска продукции.

Ключевые слова: Инвестиции, энергетика, эффективность, объем выпуска, развитие.

Основной целью развития энергетической отрасли Республики Таджикистан не только получение максимальной прибыли, так как является базовой инфраструктурной отраслью. Формируя качество жизни населения и условия развития

экономики, она должна не только обеспечивать скорейший и гарантированный возврат вложенных в нее средств инвесторов, но также удовлетворять социальные потребности общества и конкурентоспособность национальной экономики.

Инвестиции в электроэнергетику (особенно в создание электрогенерирующих мощностей) отличаются значительными сроками и капиталоемкостью, характеризуются долгим периодом окупаемости. Поэтому необходим тщательный и всесторонний анализ с учетом региональных и отраслевых аспектов, с тем, чтобы дефицит электроэнергии не служил ограничителем экономического развития.

Исследования в сфере энергетики продемонстрировали наличие тесных и сложных связей между ценами на энергоресурсы, объемом располагаемых инвестиций и их распределением между производителями и потребителями энергии. Цены на топливо и электроэнергию определяют инвестиционные ресурсы, которые могут быть направлены на развитие энергетики.

Таким образом, инвестиционная стратегия и инвестиционная политика в сфере энергетики

служат не только для развития отрасли, но и могут использоваться в роли регулятора предложения на внутреннем рынке энергетических услуг.

Для динамичного роста экономики Республики Таджикистан необходимо иметь приоритетных направлений. Одновременно решить все проблемы экономики невозможно, ибо для этого просто не будет хватать инвестиций. Этой приоритетней отраслей является электроэнергетика. В республике сосредоточено 60% водных ресурсов центральной Азии. Началом кардинального решения этой проблемы является строительство крупных ГЭС. Основой развития энергетики Таджикистана признаёт гидроэнергетика, базирующаяся на строительстве новых крупных ГЭС.

На (рисунке 1) показывается влияние привлечения инвестиции в эффективности деятельности энергетического предприятия.

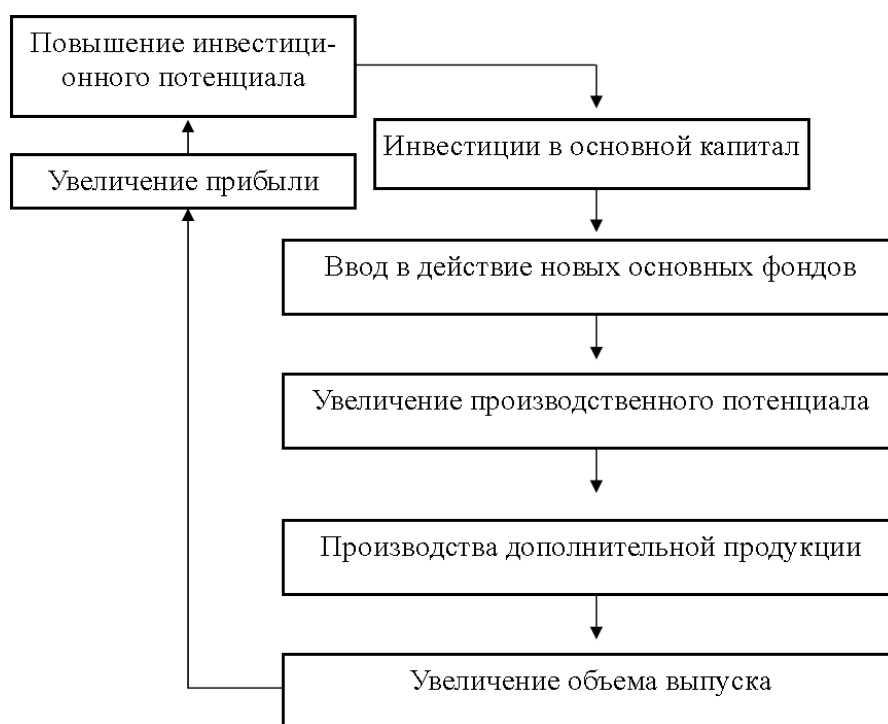

Рисунок 1. Влияние инвестиции в эффективность деятельности предприятия (составлено авторами по данным)

В таблице 1 проводится динамический анализ привлечения инвестиции в основной капитал энергетической отрасли.

Таблица 1. – Анализ привлечения инвестиции в основной капитал энергетической отрасли (млн. сомони)

Годы	2012	2013	2014	2015	2016
Производства электроэнергии, газа и воды, млн. сомони	1819,8	1914,4	2173,7	2548,4	2717,6
Объем инвестиции, млн. сомони	818	977,2	1260,0	2731,1	3855
Ввод в действие основных фондов, млн. сомони	76,8	129,5	3238,2	67,9	68

(Составлено авторами по данным [2])

Данные (таблицы 1) показывает, что производства продукции в энергетической отрасли увеличивается. Это можно объяснить с увеличением объема инвестиции, привлеченного в основной капитал данной отрасли. Следовательно, каждый год анализируемого периода вводятся в действие новые основные фонды.

Необходимо отметить, что при привлечении инвестиции в основной капитал следует обра-

тить внимание на объем выпуска продукции, что является непосредственным источником при исполнении задании по сроку ее окупаемости. Таким образом, проводим сравнительный анализ темпа роста объема инвестиции в основной капитал энергетической отрасли и темпа роста объема производства в данной отрасли (таблица 2).

Таблица 2. – Сравнительный анализ темпа роста объема инвестиции и объема производства, %

Темп роста объема инвестиции, %	100	83,7	124,6	210	141,2
Темп роста объема производства, %	100	105,2	107,1	111,4	103,7

(Составлено авторами по данным [2])

При проведении данного анализа следует обратить внимание на то, что какого темпа изменения составляет ввод в действие новых основных фондов, что привлечения инвестиции все еще не является увеличение производственного потенциала и непосредственно не может влиять на объем выпуска продукции в данный период. Потому, что строительства некоторых объектов производственного назначения занимает долгосрочный период.

Таким образом, основным стимулом развития энергетической отрасли является привлечения инвестиции, в результате чего осуществляется строительства новых объектов производственного назначения, вводятся новых основные фонды. Эти мероприятия непосредственно влияют на производственный потенциал энергетической отрасли, и при его эффективном использовании повышается объема выпуска продукции, в результате чего создаются условия для развития энергетики и все отрасли экономики страны.

Список литературы:

1. Энергетика Таджикистана – настоящее и будущее // Доклад Министерства энергетики и промышленности Республики Таджикистан. – Душанбе, 2013. – Таджикистан: экспресс-оценка и анализ пробелов // Отчет Министерства экономического развития торговли Республики Таджикистан. – Душанбе, 2014. – 139 с.

2. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, – Душанбе: 2017 г. – 142 с.
3. Разыков В. А., Рахимов Ш. М., Сафаров С. Г. Инвестиционная политика РТ и основные направления её активизации. – Душанбе, «Сарпараст», 2001. – 175 с.
4. Руденко Ю. Н., Семенова В. А. Автоматизация диспетчерского управления в электроэнергетике / Ю. Н Руденко, В. А Семенова. – М.: Издательство МЭИ, 2000. – 648 с.
5. Самадов Ш. Д. Механизм формирования и развития рыночных отношений в электроэнергетике Республики Таджикистан / Ш. Д. Самадов // Автореф.дисс. кан. экон. наук. – Душанбе, 1999. – 21 с.
6. Томберг И. Энергетическая политика и энергетические проекты в центральной Евразии / И. Томберг // Центральная Азия и Кавказ, 2007. – № 6 (54). – С. 42–57.
7. Умаров Х. У., Джонмахмадов М. П. Трансграничные проблемы развития энергетики в бассейне реки Пяндж / Х. У. Умаров, М. П. Джонмахмадов // Энергетическое право, 2009. – № 2. – С. 29–33.
8. Хоналиев Н. Х. Энергетические ресурсы и энергетическая безопасность Республики Таджикистан / Н.Х Хоналиев // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы II междунар. науч. конф. – СПб.: Реноме, 2013. – С. 33–37.

*Potetiuiieva Marina,
candidate of economic sciences
Public joint stock company "Ukrainian railway"
E-mail: marina11176@ukr.net*

EVALUATION OF ECONOMIC TRENDS AND CAPITALIZATION IN THE FORMATION OF THE SHAREHOLDERS EQUITY OF THE CORPORATION

Abstract: The article assesses the development of the Ukrainian economy, taking into account the impact of the main risks and challenges lately, and also its main positive opportunities are outlined. As well guidelines of growth of market valuation of Ukrainian enterprises and assets are defined during the formation of the capital stock of the state public joint stock company on the short haul market.

Keywords: economic development, capitalization, transport infrastructure, shareholders equity, property rights, right of economic jurisdiction.

*Потетюева Марина Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент
начальник Управления офисом корпоративного секретаря,
Публичное акционерное общество «Украинская железная дорога»
E-mail: marina11176@ukr.net*

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И КАПИТАЛИЗАЦИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ УСТАВНОГО КАПИТАЛА АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В статье проведена оценка развития экономики Украины с учетом влияний основных рисков и вызовов за последнее время, а также отмечены основные ее положительные возможности. Кроме того, определены основные направления роста рыночной капитализации украинских предприятий и роль капитализации активов при формировании уставного капитала государственной публичной акционерной компании на рынке железнодорожных перевозок.

Ключевые слова: развитие экономики, капитализация, транспортная инфраструктура, уставной капитал, имущественные права, право хозяйственного ведения.

На сегодня для национальной экономики существует множество рисков и возможностей. Украинская экономика показывает рост, но это довольно слабый рост, что происходит благодаря реформам, хотя некоторые из них тормозятся. Украина растет в два раза слабее глобальной экономики. На это есть масса причин. Одна из них, это построение собственного, эффективно-

го плана развития страны, который не будет ресурсом для тех стран, в которых такой план или такая стратегия есть. Другая причина слишком медленного темпа роста экономики и отставание от глобальных тенденций – высокая коррупция в Украине, которая ежегодно съедает 2% валового внутреннего продукта по оценкам Международного валютного фонда.

Ведущие аналитики выделили главные события в экономике Украины за 2017 год, которые оказали наибольшее влияние:

- повышение минимальной заработной платы в два раза. По оценкам Национального банка Украины это повысило ВВП на 0,5%, но в то же время, это вызвало рост инфляции на 2–4%;
- транспортная блокада Донбасса и насильственный захват предприятий на Востоке Украины. По последним оценкам это стоило Украине 1% валового внутреннего продукта;
- получение гранта Международного валютного фонда помогло пополнить резервы Национального банка Украины и поддержать стабильность курса гривны;
- подписание соглашения об условиях объединения системы Украины с ENTSO-E означает, что реформа рынка электроэнергии движется в правильном направлении;
- размещение 15-летних еврооблигаций Украины на сумму около 3 млрд. долларов;
- реструктуризация внутреннего долга уменьшила долговое давление на госбюджет;
- превышение уровня инфляции (планировалась на уровне 9,1%, а в итоге оказалась 12,2%);
- превышение учетной ставки НБУ – с 12,5% до 13,5%, что создало давление на деловую активность и рост экономики;
- повышение в рейтинге Doing Business с 80 позиции до 76, определенным образом снизило риски для инвесторов;
- выход банковского сектора в прибыль способствовало общему росту экономики.

Необходимо отметить, что внутренние риски для отечественной экономики не меняются из года в год. Так, на горизонте стабильно маячит высокий уровень инфляции, девальвация гривны и дефицит госбюджета.

Также эксперты ожидают торможения глобальных реформ поскольку начинаются предвыборные процессы. В прогнозах отмечается, что правительство окажется перед серьезным выбором: заморо-

зить непопулярные реформы, чтобы не потерять рейтинг перед выборами и, следовательно, потерять значительную часть денег МВФ; или продолжить реформирование, но потерять краткосрочный политический рейтинг перед выборами.

Кроме рисков и вызовов, которые не обойдут Украину стороной, также масса положительных возможностей для отечественной экономики:

- проведение переговоров о реструктуризации внешнего долга и отсрочки платежей;
- привлечения инвестиций, поскольку именно они стимулируют создание рабочих мест и стимулируют создание новых производств;
- прозрачная приватизация, которая призвана привлечь дополнительный инвестиционный ресурс, который существенно улучшит экономическое положение страны и не даст вырасти дефициту бюджета;
- развитие предпринимательства и формирование новых рыночных институтов поможет стимулировать экспорт, уменьшить риски для иностранных инвесторов и увеличит внутреннее потребление на 10–12% в год.

В частности, что касается модернизации транспортной инфраструктуры, то она изношена на 70–90%, что ограничивает возможности экспорта продукции и транзита. Общая потребность в инвестициях оценивается в 6,5–8 млрд. долларов. По оценкам UIF, 1 доллар инвестиций в инфраструктуру дает 2–3 доллара прироста номинального ВВП, а создание одного рабочего места в транспортном секторе приводит к созданию шести рабочих мест в других секторах.

Изменение негатива на позитив в развитии отечественной экономики, возможно только за счет роста внутреннего рынка, повышение качества жизни населения, главным фактором которых является инновационный путь развития общества, активизация инвестиционной деятельности.

Экономическая категория «капитализация» является относительно новой для экономики Украины и недостаточно используется в практическом

аспекте. Она может способствовать привлечению финансового капитала на этапе первичного размещения ценных бумаг (IPO), структурном перелива капитала с помощью фондового рынка. И в первом, и во втором случае расширяются и увеличиваются источники инвестиций и инноваций. На сегодня фондовый рынок Украины рассматривается экспертами как периферийный, кроме того отсутствуют научно обоснованные методы оценки уровня капитализации отечественных предприятий, а уровень капитализации определенных предприятий или завышенный, или заниженный. Отечественных компаний при осуществлении IPO уклоняются от постоянной достоверной публикации отчетов, высокой прозрачности, современных стандартов и систем управления [1].

Необходимо отметить, что основным направлением роста рыночной капитализации украинских предприятий могут стать: разработка приоритетных мероприятий для привлечения частного капитала на рынке ценных бумаг; ликвидация оффшорного ценообразования крупными предприятиями; льготные требования к эмитентам при прохождении листинга на фондовых площадках Украины; внедрение действенных нормативных актов обеспечения защищенности прав собственности; обеспечение (на законодательном уровне) выплат дивидендов; обеспечение условий для привлечения инвестиций предприятиями, в том числе за счет средств населения; создание условий для доступа предприятий к недорогим источникам капитала.

Мобилизация и эффективное использование внутренних ресурсов и резервов общества, экономики, формирования внутреннего конкурентоспособного рынка, в достаточной степени насыщенного современными отечественными товарами и услугами, обеспечивают устойчивое развитие экономики. Для этого необходима государственная экономическая политика. Международные мировые торгово-экономические отношения также положительно или отрицательно влияют на эти процессы, но

при активной социально-экономической политике. Следует подчеркнуть, что интеграционные процессы являются влиятельными, но не решающими в социально-экономических процессах той или иной страны. Ведь известно, что даже находясь в условиях жесткой международной блокады, Советский Союз, довоенная Германия, Куба и др. имели определенное развитие. Мировые промышленные лидеры достигли своих успехов, формально не входя в те или иные союзы, ассоциации, объединения. Имеют место случаи, когда страны, вошедшие в различные интеграции, уменьшили темпы развития или даже получили их падения (Греция, страны Балтии и др.). Поэтому определение направлений интеграции конкретных стран достаточно актуальным в совокупности с современной социально-экономической и промышленной политикой государства.

Стоит отметить, что Соглашение об ассоциации, которое Верховный Совет Украины и Европейский парламент синхронно ратифицировали 16 сентября 2014 года, призвано обеспечить качественно новый, углубленный формат отношений между Украиной и ЕС, и оно не только заложило качественно новую правовую основу для дальнейших отношений между Украиной и ЕС, но и служит стратегическим ориентиром для проведения системных социально-экономических реформ в Украине [2].

Соглашение об ассоциации насчитывает более тысячи страниц, а Приложение XXXII, глава 7 «Транспорт», раздел V «Экономическое и отраслевое сотрудничество», подраздел (2) Железнодорожный транспорт содержит 8 директив и 4 регламенты, которыми Украина обязуется постепенно приблизить свое законодательство к законодательству ЕС в соответствующие сроки [3, 87–88].

Ускорение интеграции отечественного железнодорожного транспорта в европейскую транспортную систему является одной из приоритетных задач Государственной целевой программой реформирования железнодорожного транспорта на 2010–2019 годы. Во исполнение указанной

программы был принят Закон Украины «Об особенностях образования акционерного общества железнодорожного транспорта общего пользования» от 23.02.2012 № 4442-VI (с изменениями) и постановление Кабинета Министров Украины «Об образовании публичного акционерного общества «Украинская железная дорога» от 25.06.2014 № 200 (с изменениями) [4; 5].

Согласно указанным документам было проведено капитализацию железнодорожного транспорта путем слияния через процедуру реорганизации 48 предприятий и учреждений железнодорожного транспорта общего пользования и Государственной администрации железнодорожного транспорта, и образования публичного акционерного общества «Украинская железная дорога», 100 процентов акций которого закреплено в государственной собственности. Процесс капитализации предусматривал формирование уставного капитала общества, которое было сформировано путем внесения имущества 48 предприятий и учреждений железнодорожного транспорта общего пользования и Государственной администрации железнодорожного транспорта, кроме имущества, которое было закреплено за обществом на праве хозяйственного ведения и имущества, которое в соответствии с законодательством не могло быть включено в уставный капитал, 100 процентов акций, принадлежащих государству в уставном капитале 7 хозяйственных обществ и пакетов акций (долей), принадлежащих государству в уставном капитале 6 хозяйственных обществ, а также права хозяйственного ведения магистральными железнодорожными линиями общего пользования и размещенными на них технологическими сооружениями, передаточными устройствами, которые непосредственно используются для обеспечения процесса перевозок (железнодорожные станции и пути общего пользования, тяговые подстанции, контактная сеть и другие устройства технологического электроснабжения, системы сигнализации, централизации, блокировки и управления движением поездов, объекты и имущество,

предназначенные непосредственно для выполнения аварийно-восстановительных работ) [6].

Определение размера уставного капитала ПАО «Укрзалізниця» осуществлялось с учетом результатов проведенной инвентаризации и независимой оценки имущества, в том числе имущественных прав и государственных пакетов акций (долей), в соответствии с нормативными документами по оценке [7–10].

Таким образом состоялся процесс капитализации железнодорожной отрасли, путем образования и регистрации ПАО «Укрзалізниця» с уставным капиталом более 229 млрд. грн., который был разделен на более 229 млн. простых именных акций номинальной стоимостью 1000 гривен каждая, которые существуют в бездокументарной форме. Необходимо отметить, что государство владеет 100 процентами акций общества и не может отчуждать принадлежащие ему акции, передавать их в управление, залог, использовать для формирования уставного (составленного) капитала субъектов хозяйствования и совершать по ним другие сделки, следствием которых может быть их отчуждения из государственной собственности.

Необходимо отметить, что тенденции развития экономики Украины и основные изменения, происходящие в зависимости от общеэкономической ситуации, роли различных видов транспорта в решении экономико-социальных проблем внесли свои коррективы в работу железнодорожной отрасли, путем образования ПАО «Укрзалізниця» с учетом лучших практик по капитализации активов государства при формировании уставного капитала общества, в частности путем оценки и внесения в уставный капитал права хозяйственного ведения магистральными железнодорожными линиями общего пользования и размещенными на них технологическими сооружениями, передаточными устройствами, которые непосредственно используются для обеспечения процесса перевозок, что дало возможность увеличить раз-

мер уставного капитала компании. На сегодня это позволило ПАТ «Укрзалізниця» занять одно из ведущих мест на рынке железнодорожных перевозок и играть важную транзитную роль на европейском континенте, создать инвестиционно привлекательные приоритеты развития и привлечь достаточно крупные инвестиционные средства Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития, заключить взаимо-

выгодные контракты при поддержке государства. Кроме того, необходимо отметить, что активное развитие и эффективное функционирование железнодорожного транспорта – это одно из необходимых условий и одновременно действенный инструмент для перехода украинской экономики к инновационному пути развития, повышения его конкурентоспособности в управлении экономическим суверенитетом Украины.

Список литературы:

1. Потетюева М. В. Капитализация как показатель эффективного функционирования субъекта хозяйственной деятельности в рыночной среде. Сборник научных трудов Государственного экономико-технологического университета транспорта. Серия “Экономика и управление”. Вып. 28. – К.: ДЕДУТ, 2014. – С. 227–237.
2. Распоряжение Кабинета Министров Украины «Об имплементации соглашения об ассоциации между Украиной с одной стороны и Европейским Союзом, Европейским Сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с другой стороны» от 17.09.2014 № 847-р.
3. Теоретико-прикладные основы реформирования железнодорожного транспорта Украины: монография / Д. Эйтулис, А. Н. Кривопишин, И. П. Федорко, В. М. Осовик и др. – Нежин: ООО «Издательство «Аспект-Полиграф», 2016. – 256 с.
4. Закон Украины «Об особенностях образования акционерного общества железнодорожного транспорта общего пользования» от 23.02.2012 № 4442-VI (с изменениями). URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4442-17>
5. Постановление Кабинета Министров Украины «Об образовании публичного акционерного общества «Украинская железная дорога» от 25.06.2014 № 200 (с изменениями). URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/200-2014-%D0%BF>
6. Потетюева М. В., Макаренко М. В., Труханов Ю. П. Особенности формирования уставного капитала публичного акционерного общества «Украинская железная дорога». Экономист, – № 12, 2012. – С. 35–38.
7. Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении национального стандарта № 1 «Общие положения оценки имущества и имущественных прав» от 10.09.2003 № 1440 (с изменениями). URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1440-2003-%D0%BF>
8. Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении национального стандарта № 2 «Оценка недвижимого имущества» от 28.10.2004 № 1442 (с изменениями). URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1442-2004-%D0%BF>
9. Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении национального стандарта № 3 «Оценка целостных имущественных комплексов» от 29.11.2006 № 1655 (с изменениями). URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1655-2006-%D0%BF>
10. Потетюева М. В. Оценка имущественных объектов железнодорожного транспорта как целостного имущественного комплекса. Сборник научных трудов Государственного экономико-технологического университета транспорта. Серия “Экономика и управление”. Вып. 20. – К.: ДЕДУТ, 2012 – С. 206–212.

Section 13. Science of law

*Mannopova Elzara Torahanovna,
senior lecturer,
Department of "General Education Disciplines"
Tashkent State Law University
E-mail: elzara2010@gmail.com*

ELEMENTS OF SYSTEM ANALYSIS IN SOLVING LEGAL PROBLEMS

Abstract: This article attempts to interpret and explain the importance of systems analysis in solving legal problems. There are considered methods that have traditionally been used in computer programming and some other similar fields. An attempt was also made to consider the distinction between system analysis and other similar methods. This article concludes that systems analysis has the right to exist in the legal sphere, taking into account the specific features of the law sphere.

Keywords: Systems approach, system, legal system, system analysis, systems in the legal system, abstract systems.

*Маннопова Элзара Торахановна,
старший преподаватель,
кафедры «Общеобразовательных дисциплин»
Ташкентский государственный юридический университет
E-mail: elzara2010@gmail.com*

ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В РЕШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Аннотация: В данной статье сделана попытка растолковать и объяснить значение системного анализа при решении юридических задач. Рассмотрены методы, которые традиционно применялись в компьютерном программировании и некоторых других схожих сферах. Также сделана попытка рассмотреть разграничения системного анализа от других схожих методов. Эта статья заключает, что системный анализ имеет право на существование в правовой сфере, учитывая специфические черты юридических наук.

Ключевые слова: Системный подход, система, правовая система, системный анализ, системы в правовой сфере, абстрактные системы.

Системность всегда является методом любой науки. Применение идеи системности интересуют многих научных исследователей в современном обществе. Проводимые широкомасштабные реформы в республике Узбекистан ставят перед государством новые требования относительно принятия решений и организации государственного управления.

«В целях дальнейшего совершенствования системы подготовки высококвалифицированных юридических кадров, отвечающих высоким требованиям проводимых в стране демократических и правовых реформ, формирования гражданского общества и современным международным стандартам», особое внимание уделяется «организации учебного процесса с применением модульной системы обучения, на основе образовательных программ, подготовленных с учетом общепризнанных международных образовательных стандартов и требований, и направленных на развитие у студентов аналитических способностей, навыков системного анализа, управления в соответствующих сферах юридической деятельности [1].

Основные функции юридической науки: 1) теоретикопознавательная; 2) практически-прикладная (нормативная); 3) идеологическая, воспитательная. С практической точки зрения можно сказать, что юридическая наука занимается открытием различных институтов, объяснением их существования и ограничений деятельности, а также правовым консультированием. Первую из них можно считать наиболее «простой» или обычной функцией где имеется определенный алгоритм действий, при выполнении которых достигается поставленная цель. В свою очередь, оставшиеся две – аналитические функции считаются доминирующими.

Аналитические функции обычно включают в себя применение некоторых методов к самостоятельным областям права или к конкретным проблемам. Обычно методы сосредотачивают внимание исследователя в нескольких аспектах

действительности и требуют от исследователя отображать их абстрактно. Экономисты, например, работают в различных организациях и биржах. Для знатоков теории игр мир состоит из игроков, избранных альтернативных выборов, стоимости игры. Социологи видят только социальные группы и правила их происхождения. Для лингвистов или аналитиков есть только тексты, понятия и трактовки. Что же должны понимать юристы при выполнении своих обязанностей?

Для применения элементов системного анализа в решении правовых задач необходимо понять и раскрыть сущность понятия «система». Система – это группа постоянно взаимодействующих или взаимосвязанных предметов, которые объединяются в единое целое. «Предметы» можно представить в виде атомов, взаимодействующих для образования молекул; костей, органов и тканей, которые составляют человеческое тело; солнца и планет, которые вместе образуют солнечную систему; или сотрудников органов внутренних дел, юристов, судов, тюрем и компьютерных программ, которые вместе составляют «систему уголовного правосудия». Анализ системы представляет собой его членение в составные части для определения сущности его подсистем и объяснения отношений, складывающихся между ними.

На первый взгляд, идея об изучении молекулярной и судебной системы путем использования одинаковой методологии, может показаться странным. На самом деле, теория, связывающая их, называется «теорией общих систем», которой меньше тридцати лет. Системная теория – это совокупность принципов, спорно применяемая в различных системах, включающих физические, биологические и социальные системы. Системная теория обеспечивает «системный анализ» теоретической базой как прикладная наука и снабжает многими инструментами, используемыми в нем. Однако, системная теория редко напрямую полезна в анализе систем в правовой сфере, так как в сфере правовых реформ эта дисциплина имеет

предел в применении. На уровнях широких обобщений, правовые системы, вероятно, соответствуют общей системе принципов, но на уровне разъединения они нуждаются во многих юридических реформах, где системная теория обладает наименьшим предложением.

Системный анализ целенаправленно уделяет внимание системам. То есть, системный анализ рассматривает каждую систему как систему, имеющую одну или более цели или функции. С биологическими системами, идея кажется интуитивным. Кролик, например, это биологическая система. Большинство наблюдателей не обеспокоились бы над такими отнесенными кролику категориями, как задачи нахождения пищи, выживания и репродукции. Однако, с физическими системами – атом, например, подход не интуитивен. Атом не имеет задач, и его «функция» отнесена к нему людьми, у которых имеются задачи. Тем не менее, многие из лучших метафор по объяснению научного феномена зависят от антропоморфизма. Компьютеры «ищут» правильную информацию, положительные и отрицательные электрические заряды «привлекают» друг друга, и химические смеси «стремятся» к устойчивости.

Большинство ученых-правоведов, судей и законодателей целенаправленно уделяют внимание системам в правовой сфере, и они не колеблются относить к праву задачи и цели, даже если таковые не относятся к праву. В таких случаях при установлении законодателем они могут подразумеваться.

Когда социальным системам уделяется целенаправленное внимание, важно различать задачи системы от задач участников системы. Участники могут иметь различного рода противоречивые задачи. Прокурор может стремиться задержать как можно больше людей на как можно долгий срок. Общественный защитник может только препятствовать прокурору, или может даже стремиться «сломать систему». Должностное лицо может желать от системы ничего, кроме сохранения рабочего места и минимизации его рабочих часов.

Цель системы – защита общества и его членов от преступных посягательств – может не укладываться в умах ни одного из них.

Системы состоят из подсистем. Подсистемы сами по себе являются системами, которые, в свою очередь, тоже состоят из подсистем. Например, обычный дом включает, как минимум, следующие подсистемы: основание, структура (стены), крыша, системы электроснабжения, канализации, отопления и вентиляции. В частности, бетонное основание само по себе является системой, составной частью которой является бетон. Кристаллическая структура бетона имеет в качестве подсистемы молекулы его компонентов. Эти молекулы состоят из своих подсистем – атомов.

Анализ системы проводится путем его дробления на составные части, и изучения как эти части взаимодействуют друг с другом и принимают участие в функционировании целого. Акцент в системном анализе ставится на взаимоотношения, чем на самих составных частях.

Когда проводится анализ общественных систем, аналитики часто стараются улучшить его функционирование. При этом последовательность и эффективность в достижении системных целей являются критериями качества. Аналитик хочет, чтобы система работала или работала лучше. Однако, это не всегда так. Социальные группы часто предпочитают использовать такие системы, которые содержат противоречия или работают неэффективно. Это неопровергаемая правда, например, в правовых системах при взыскании долгов. Хорошо известен тот факт, что многие правовые средства защиты кредиторов, как например, предъявление иска по взысканию, неэффективны. Необходимо прорабатывать эти средства не только учитывая то, что улучшения будут приносить пользу классу кредиторов, целесообразно будет учитывать критерии гуманности по отношению других участников также.

В любом случае, использование системного подхода в определении и документировании того,

как системы работают, не обязывает исследователя улучшать систему. Системный подход – это метод понимания системы. Аналитик может стремиться понять систему в целях возмещения его неэффективности, нарушения его функционирования или его разрушения.

Возможность системного анализа по внесению вклада в юридическую науку по отношению конкретных систем в правовой сфере велика. Конкретная система – это, существующая в «объективной действительности» и состоящая из настоящих людей и (или) других физических объектов, система. Примером конкретной системы может послужить судебная система, состоящая из зданий суда, протоколов, судей, секретарей, адвокатов, судебных исполнителей, юридических книг и тому подобных. Для контраста, концептуальная система – это такая система, в которой основными элементами являются слова и символы. Общее право, представленная как совокупность объединенных концепций, может служить примером концептуальной системы. Некоторые системные теоретики также выделяют третий тип систем – «абстрактных» систем, под которыми они подразумевают модель конкретной системы, где представлены только самые важные переменные. Многие модели, созданные в юридической науке, являются абстрактными системами.

То, что эта система связана с правом означает, что только формальное право, принятое государством, играет в нем роль. Примеры систем в правовой сфере включают систему уголовного правосудия, систему банкротства, систему гражданских правонарушений, банковскую систему, а также систему частной собственности. Каждый из этих систем связан с правом посредством того, что принятые государством нормы права регулируют их, а суд играет некоторую роль в управлении ими. Хотя все эти системы и связаны с правом, тем не менее, они не являются правовыми, потому что их задачи первоначально не связаны с задачами

права, а также важные элементы этих систем по природе не правовые.

Принятое государством формальное право представляют собой основополагающие средства правительства по контролированию поведения различных индивидов и групп. Во многих случаях поведение может быть контролировано другими средствами. Самыми эффективными и действенными средствами контролирования поведения обычно являются физические средства. Если правительство желает замедлить движение автомобилей, оно может установить ограничение скорости. В качестве альтернативы, можно сделать насыпи на автострадах для того, чтобы лихачи сбрасывали скорости на поворотах. Если правительство хочет защитить частную собственность, оно может строить заборы для пресечения физического доступа или оно может развёртывать специальные службы для физического задержания злоумышленников. Если кража чеков социального обеспечения является проблемой, то правительство может сделать прямые депозиты. Из-за того, что ученые-правоведы не рассматривают физическое принуждение поведения в качестве замены права, они становятся в значительной степени незамеченными.

Поведение индивидов часто принужден «автономным правом», который спонтанно возникает в социальных группах, а также желанием индивидов продолжить хорошие взаимоотношения с другими. Например, даже если не было бы ни права, ни судебной системы, ни физических препятствий к краже или уклонению от долгов, то многие люди всё равно не были бы заинтересованы в воровстве или неуплате их долгов. Формальное право – это не то, что организывает общество. Право является маргинальным понятием, находящийся на границе различных видов деятельности, испытывающее на себе влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей и т.д.

Каждый из этих трех средств контролирования поведения – физические средства, автономное

и правительственное право, – управляет, в некоторой степени, путем поощрений и принуждений. Каждый может установить свое ограничение скорости, но это физически не удобно и может повредить чей-нибудь автомобиль. Лицо, нарушившее автономные права социальной группы, может превратиться в объект недоверия. Результатом может послужить потеря в бизнесе или хуже. Нарушение закона может повлечь за собой арест, обвинение и заключение под стражей. Средства поощрения и принуждения, созданные при попытке контролировать поведение, часто сложны. Лица, которых система пытается контролировать, могут реагировать в соответствующих сложных способах.

Право относительно дорогой и для правительства относительно опасный способ контролирования поведения. Разрешение даже самого простого конфликта в суде стоит очень дорого, а разрешение сложных конфликтов стоит еще дороже. Где физический контроль поведения технологически возможен, он обычно обходится дешевле, безопаснее и эффективнее, чем правовой контроль. Только там, где физические системы непрактичны и автономное право противоречит желаниям правительства, контролирование поведения посредством права для правительства эффективно.

Список литературы:

1. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы подготовки юридических кадров», – Ташкент, – № ПП-1990 от 28 июня 2013.
2. Edward L. Rubin. *The New Legal Process, the Synthesis of Discourse, and the Microanalysis of Institutions*, 109 *Hav. L. Rv.* 1393, 1435 (1996).
3. Lynn M. Lo Pucki, *Legal Culture, Legal Strategy, and the Law in Lawyers' Heads*, 90 *Nw. U.L. REv.* 1498, 1503 – No. 22. 1996.
4. John G. Burch, *Systems analysis, design. and Implementation* – P. 36–61. (1992); Michael L. Gibson & Cary T. Hughes. *Systems analysis and design*, 1994. – P. 1–9.
5. Ervin Laszlo, *introduction to Systems philosophy*, 1972. – P. 15–21; Gerald M. Weinberg, *an introduction to general systems thinking*, 1972. – P. 51–86.
6. Lynn M. Lo Puc Ki & Elizabeth Warren, *secured credrr: A Systems Approach* 1995.
7. Webster's Ninth New Collegiate Dictionary 1199. [hereinafter WEBSTER'S NINTH].
8. Todd R. Benson. *Taking Security in China: Approaching U. S. Practices* 21 *YALEJ. INT'L L.* 183 1996.
9. Lynn M. Lo Pucki & George G. Triantis. *A Systems Approach to Comparing US. and Canadian Reorganization of Financially Distressed Companies*, 35 *HARv. INT'L L.J.* 267 1994.
10. Ludwig von Bertalanffy, *General system theory*, 1968.
11. Тимченко Т. Н. «Системный анализ в управлении» Учебное пособие. – М.: РИОР: Инфра-М., 2016

*Zhusupov Bolotbek Asanovich,
candidate of law, associate professor,
Department of Criminal Law and Procedure Osh State
Law Institute. Republic of Kyrgyzstan
E-mail: bolotbek1970@mail.ru*

*Tatenova Mahabat Beishenbekovna,
candidate law, associate professor,
Department of Criminal Law and Process Osh State
Law Institute Republic of Kyrgyzstan
E-mail: tatenova1974@mail.ru*

PRESUMPTION OF INNOCENCY IN THE LIGHT OF REFORMS AND DECRIMINALIZATION POLICY OF CRIMINAL LEGISLATION OF KYRGYZSTAN

Abstract: This article analyzes the history of the emergence of the “presumption of innocence” as a legal category, its development and consolidation in international legal acts, and also in the national legislation of Kyrgyzstan. The impact of ongoing criminal legal reforms and decriminalization policies on its legal characteristics. The ways of solving the Constitutional entrenchment of the presumption of innocence are determined in the light of current reforms.

Keywords: presumption, Code, Declaration, Covenant, constitution, criminal law.

*Жусупов Болотбек Асанович,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и процесса. Ошский государственный
юридический институт. Кыргызская Республика.
E-mail: bolotbek1970@mail.ru*

*Татенова Махабат Бейшенбековна,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и процесса. Ошский государственный
юридический институт Кыргызская Республика
E-mail: tatenova1974@mail.ru*

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В СВЕТЕ РЕФОРМ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация: В данной статье проанализированы история возникновения «презумпции невиновности» как правовой категории, его развитие и закрепление в международно-правовых актах, а также в национальном законодательстве Кыргызстана. Влияние происходящих уголовно

правовых реформ и декриминализационной политики на его правовую характеристику. Определены способы решения Конституционного закрепления презумпции невиновности с учетом нынешних реформ.

Ключевые слова: презумпция, Уложение, Декларация, Пакт, конституция, уголовное право.

Презумпция невиновности является наиболее значимой правовой категорией в современной юриспруденции. Наиболее значимую форму и содержание она приобретает в современных условиях правовой действительности. Почти во многих странах данная категория закреплена в соответствующем законодательстве, в том числе в законодательстве суверенного Кыргызстана.

Сам по себе презумпция имеет более длительную историю начиная с древнего Рима. Многие исследователи данный термин относят древнеримской формуле “*praesumptio boni viri*”, А. М. Ларин [1, с. 10], И. Я. Фойницкий [2, с. 45], и другие. Само предназначение данного термина по мнению Ларина А. М., предназначалась для разрешения имущественных споров. По степени развития общественных отношений данный термин получил свое развитие и законодательное закрепление и в других отраслях права [1, с. 10].

Наиболее ранним источником законодательного закрепления презумпции невиновности было отражено в памятниках феодального права в «Уголовно-судебном Уложении Карла V также называемой «Каролиной» [3, с. 34]. Статья XXII «Каролины» закрепил «Никто не должен быть приговорен к какому-либо наказанию на основании одних только доказательственных улики, признаков истины или подозрений. На сем основании может быть только применен допрос под пыткой при наличии достаточных доказательств».

Окончательное осуждение кого-либо к уголовному наказанию должно происходить на основании его собственного признания или свидетельства но не на основании предположений и доказательств».

Более совершенную форму презумпция получила благодаря буржуазной революции во Фран-

ции во второй половине XXVIII века. Концепция свободы каждого члена общества стало неразрывным атрибутом Декларации прав человека и гражданина 1789 года [4, с. 207].

По мнению М. С. Строговича закрепления презумпции отражена не как самостоятельный принцип, а как аргумент против чрезмерных принуждений, из-за нерешительности буржуазного законодателя [5, с. 228].

Презумпция невиновности получил свое закрепление во многих международных актах как «Всеобщей декларации прав человека» от 10 декабря 1948 года. Статья 11 Декларации гласит [6]: «1. Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты».

Институт презумпции невиновности были закреплены в последующих международных правовых актах:

- в Международном Пакте о гражданских и политических правах в статье 14 [7];
- Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям в статье 75 [8];
- Дополнительном протоколе II к Женевским конвенциям в статье 6 [8];
- в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принцип 36) [8].

Несмотря на длительную свою историю, презумпция невиновности не теряло свое предназначение и значение в современном этапе. В современных условиях правовой действительности принцип презумпции невиновности обретает

более содержательную форму. Поскольку намечается тенденция расширения его применения не только в уголовном судопроизводстве, но в различных отраслях права.

Анализ показывает что презумпция невиновности как правовой институт содержится во многих отраслях права например (гражданского презумпция вины, административного права презумпция невиновности). Но в основном оно более закрепились в уголовном и уголовно процессуальном законодательстве относительно преступном деянии.

Наиболее значимым является Конституционное закрепление презумпции невиновности в основном законе страны. В соответствии со статьей 26 Конституции Кыргызской Республики [9] «Каждый считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу судебным решением. Нарушение этого принципа является основанием для возмещения через суд материального и морального вреда».

То есть основной закон страны закрепил презумпцию невиновности в сфере уголовного и уголовно процессуального законодательства. За рамки Конституционного закрепления остались презумпция вины, презумпция невиновности в административном правонарушении.

Мы полагаем что, сам по себе «презумпция» состоит из двух элементов презумпции вины, и презумпции невиновности) которые в свою очередь содержатся в различных отраслях права. Но есть схожие отражения презумпции невиновности в административном и уголовном праве.

Необходимо отметить, что в связи декриминализационной политикой государства с 1 января 2019 года вступает в силу кодекс Кыргызской Рес-

спублики «О проступках», кодекс Кыргызской Республики «О нарушениях» [10].

Кодекс Кыргызской Республики «О проступках» как разновидность уголовной ответственности и самостоятельный вид уголовной ответственности охватывает определенный перечень уголовно наказуемых проступков. В данном кодексе тоже закреплена презумпция невиновности. Так в статье 5 где предусмотрена принцип вины закреплено что «Никто не может быть признан виновным в совершении проступка и подвергнут наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу».

Такой расклад закрепления презумпции невиновности предполагает иную формулировку презумпции невиновности. Особенно Конституционное закрепление презумпции невиновности должно охватывать и понятие уголовного проступка.

Для решения данных проблем мы полагаем решить тремя способами, универсальным дефиницией, которая распространяется для всех правонарушений, специальное определением, которое распространяется для уголовного проступка и преступления, и третья сформулировать в двух статьях конституционной нормы, первое как универсальное определение презумпции, второе специальное для уголовного проступка.

Мы полагаем, что в связи расширением и изменениями в законодательстве страны необходимо сформулировать более унифицированную и универсальную форму закрепления презумпции невиновности. Поскольку кодекс Кыргызской Республики «О нарушениях», «О проступках» тоже содержит в себе принципа презумпцию невиновности.

Список литературы:

1. Ларин А. М. Презумпция невиновности. – М. Наука. 1982. – 10 с.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства, – СПб. 1897. – Т 2. – 245 с.

3. Булатов С. Я. Каролина.– Алма-Ата наука, 1967.– 34 с.
4. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под ред. З. М. Черниловского.– М., 1994.– 207 с.
5. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе.– М. изд. АН СССР. 1947.– 228 с.
6. Всеобщая декларация прав человека: принята 10 декабря 1948 г. на 3 сессии Генеральной Ассамблее ООН [Текст] // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов.– М., Юрид. лит. 1990.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Ратифицирован Законом Кыргызской Республики 12 января 1994 г. Постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики № 1406.– Бишкек: Информационный правовой центр «ТОКТОМ», 2007.
8. Международные акты о правах человека. Сборник документов.– М.: 1998.
9. Конституция Кыргызской Республики (В редакции Закона Кыргызской Республики от 20.12.2016 г. № 218). Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года.
10. Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 года № 18 Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 22 декабря 2016 годаю (Вступает в силу с 1 января 2019г).

Contents

Section 1. Archeology	3
<i>Khodjalepesov Islambek Mukhitdinovich, Mambetullaev Mirzamurat</i> TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF EARLY MEDIEVAL MONUMENTS OF THE PRAARALIAN MICRO REGION	3
Section 2. Demography	8
<i>Haryanto Aris Tri, Kismartini, Sri Suwitri, Dwimawanti Ida Hayu</i> THE IMPACT OF THE POLICY OF RELOCATION RESIDENTS AT RIVERBANKS BENGAWASAN SOLO IN SURAKARTA CITY.....	8
Section 3. Study of art	21
<i>Wang Beike</i> FROM THE EXPERIENCE OF CULTURAL INSTITUTIONS OF CHINA AND BELARUS WITH DIFFERENT CATEGORIES OF VIEWERS	21
<i>Neboha Olesia Hryhoriivna</i> THE PEDAGOGICAL IDEAS BY MARIA EDUARDOVNA DONETS- TESSEIR ON THE CONTEXT OF KIEV VOCAL SCHOOL`S DEVELOPMENT	25
<i>Starikova Victoria Vyacheslavovna</i> THE ROLE OF THE SOUND ENGINEER IN CREATING AN AUDIO DOCUMENT OF MUSICAL ART: TO THE QUESTION	29
<i>Qiu Min</i> ADAPTABILITY A CREATIVE METHOD IN THE MODERN ARTISTIC FOLKLORE IN CHINA.....	33
Section 4. History	37
<i>Dr. Le Xuan Hung</i> STONE WORKING PROCESS FOR THE POST – NEW STONE – EARLY METAL AGE IN LAM DONG PROVINCE, VIETNAM.....	37
<i>Malakhov Sergey Viktorovich</i> ORIENTAL CHARACTERISTICS OF SOVIET SOCIALISM IN THE ASSESSMENTS OF THAT TIME (2)	44
<i>Solmaz Azay kizi Sadigova</i> INITIAL RESOURCES ON SOCIO-POLITICAL INFORMATION	60
Section 5. Cultural studies	63
<i>Szu Han Wang</i> IRREMOVABLE RACIAL HERITAGE IN GISH JEN`S TYPICAL AMERICAN.....	63

Section 6. Linguistics	70
<i>Isaeva Kamala Ramiz gyzy</i> CONTRADICTORY RULES OF THE ORDER OF VOWELS IN THE COMPOSITION OF THE WORD AZERBAIJANI LANGUAGE, AND WAYS OF THEIR NORMALIZATION.....	70
<i>Storozhenko Lina Grigorievna, Barabash Elena Vyacheslavovna</i> HUMANITARIAN CONTEXT OF FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS.....	76
<i>Khachatryan Lalik M.</i> MKHITARIST CONGREGATION IN VENICE AND THE CONTEMPORARY LEXICOGRAPHY OF OLD ARMENIAN.....	79
Section 7. Pedagogy	83
<i>Baranova Lilia</i> FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF FOREIGN LANGUAGES.....	83
<i>Serikbayeva U. B., Erzhanova Zh.</i> MOTIVATION IS THE WAY TO SUCCESS.....	86
<i>Kapanova Aina Tulegenovna</i> THE VALUE OF THE UNION OF DUAL AND PROJECT TRAINING FOR KRMU.....	89
<i>Rusalkina Liudmyla</i> INTEGRATION OF PROFESSIONAL AND LINGUISTIC DISCIPLINES OF FOREIGN-LANGUAGE ORIENTATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER MEDICAL SCHOOLS.....	93
<i>Yan Tian-ming, Chernytskyi Volodymyr</i> CASE STUDY OF ESP TEACHING PATTERN USING DESKTOP SIMULATOR.....	97
Section 8. Political science	101
<i>Vasilyeva Olga</i> CONDITIONS FOR THE FORMATION OF A NEW POLITICAL AND MANAGERIAL ELITE	101
<i>Dang Thi Minh Ly, Do Van Quan</i> THE MOVEMENT OF POLITICAL SYSTEM OF VIETNAM'S RURAL COMMUNITY: FROM TRADITION TO MODERN TIMES.....	105
<i>Karapetyan Mkrtich</i> TURKEY'S FOREIGN POLICY SHIFT TOWARDS SYRIA IN THE CONTEXT OF THE SYRIAN UPRISING ¹³	113
<i>Rakhimov Sherzod Saidovich</i> ISSUES OF RAISING THE POLITICAL ACTIVITY OF CITIZENS	120
<i>Stoyanova Gabriela Svilenova, Nazarova Regina Olegovna</i> TOWARDS SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT: SYNCHRONISING THE BRI AND EAEU MEMBERSHIP WITHIN TAJIKISTAN'S FOREIGN POLICY	123

Section 9. Psychology	127
<i>Aryayev Leonid Nikolaevich</i>	
PHILOSOPHICAL CORRESPONDENT OF CHAADAEV: THE VICTIM OF “POLITICAL ABUSE OF PSYCHIATRY”?	127
<i>Wenyu Jiao</i>	
ANALYSIS OF THE RISK FACTORS OF AUTISM SPECTRUM DISORDER.....	132
Section 10. Sociology	139
<i>Soboleva Anastasiya</i>	
THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE SYSTEM OF HEALTHY NUTRITION IN RUSSIA AND GERMANY: A COMPARATIVE ANALYSIS.....	139
Section 11. Philology	143
<i>Bigley Joel</i>	
COMMUNICATION CHALLENGES IN A MULTI-UNIT SUPPLY CHAIN.....	143
<i>Bayniyazov Azatbay Tursynbaevich, Khodjalepesova Indira Mukhitdinovna</i>	
USING DIFFERENT MODEL OF TEACHING READING IN ESP CLASSES	151
<i>Tvaltchrelidze Tinatin</i>	
EXISTENTIAL SPACE OF A FEATURE TEXT (HERMENEUTICAL INTERPRETATION).....	155
Section 12. Economics	159
<i>Batirova Nilufar Sherkulovna</i>	
FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE TASHKENT REGION IN AN INNOVATIVE ECONOMY.....	159
<i>Kazakova Elena Ivanovna, Kolomytseva Anna Olegovna, Iskra Elena Aleksandrovna, Boenko Tatiana Nikolaevna,</i>	
STRUCTURAL AND FUNCTIONAL MODEL OF THE POTENTIALLY DANGEROUS TERRITORY OF DONBASS AS AN ECONOMIC REGION	163
<i>Kasparov Igor Viktorovich</i>	
THE DEVELOPMENT OF INFO-COMMUNICATION INFRASTRUCTURE OF THE ECONOMY.....	168
<i>Makharashvili Irma, Lagvilava Tamar, Bibichadze Davit</i>	
UNUSUAL SOLUTIONS – EXCEPTIONAL PECULIARITIES OF EXTREME MANAGEMENT	171
<i>Nazarmatov Avazbek Akhmadovich, Sobirova Shukriniso Rakhimovna, Sattorov Mansur Sattorovich</i>	
INFLUENCE OF ATTRACTION OF INVESTMENTS IN ENERGY SECTOR DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN	175
<i>Potetiueva Marina</i>	
EVALUATION OF ECONOMIC TRENDS AND CAPITALIZATION IN THE FORMATION OF THE SHAREHOLDERS EQUITY OF THE CORPORATION	179

Section 13. Science of law.....	184
<i>Mannopova Elzara Torahanovna</i>	
ELEMENTS OF SYSTEM ANALYSIS IN SOLVING LEGAL PROBLEMS.....	184
<i>Zhusupov Bolotbek Asanovich, Tatenova Mahabat Beishenbekovna</i>	
PRESUMPTION OF INNOCENCY IN THE LIGHT OF REFORMS AND DECRIMINALIZATION POLICY OF CRIMINAL LEGISLATION OF KYRGYZSTAN.....	189